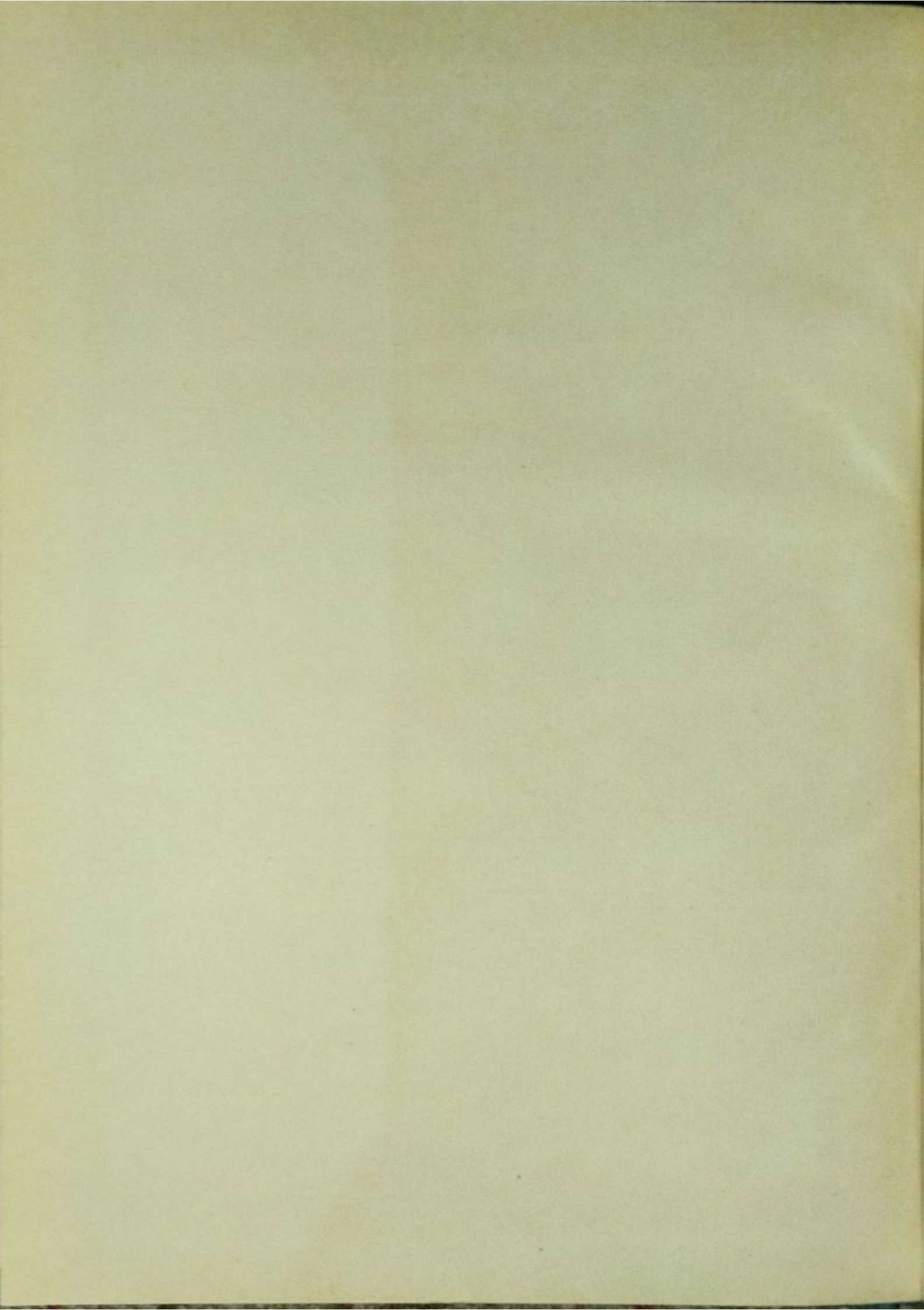

М. С. ПРУДНИКОВ

НЕУЛОВИМЫЕ

ДЕЙСТВУЮТ

Benjamin M. B.

Михаил Сидорович
ПРУДНИКОВ
(фото 1943 г.)

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

Герой Советского Союза
полковник

М. С. П Р У Д Н И К О В

НЕУЛОВИМЫЕ
ДЕЙСТВУЮТ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1965

Герой Советского Союза Михаил Сидорович Прудников в годы Великой Отечественной войны командовал партизанской бригадой, действовавшей на территории Белоруссии.

О том, как с небольшой горсткой чекистов он оказался в тылу врага, как маленький отряд вырос в бригаду, о многих боевых делах этой бригады М. С. Прудников рассказал в своих воспоминаниях «Неуловимые», изданных в 1961 году и хорошо встреченных читателями. Настоящая книга является самостоятельным произведением, но в то же время продолжает рассказ о боевых подвигах партизан, о самоотверженной работе подпольщиков и разведчиков.

С большой теплотой рисует автор советских людей, которые мужественно боролись во вражеском тылу за свободу и независимость нашей Родины.

ЗА ОРУЖИЕМ

Лес в зимнем серебряном уборе. Пухлые снеговые шапки лежат на ветвях деревьев, и так замело все вокруг, что наших землянок не различишь, они похожи на большие сугробы. Часовые в белых маскхалатах пристально вглядываются из-за стволов деревьев в заснеженную чашу.

Штаб партизанской бригады «Неуловимых» прочно обосновался здесь, в лесу, в шести километрах восточнее большого белорусского села Зеленки.

Наша штабная территория невелика, зато партизанские владения раскинулись на сотни километров. В лесах и селах севернее старинного города Полоцка, оккупированного фашистскими захватчиками, расположилось шестнадцать партизанских отрядов, входящих в бригаду «Неуловимых». А ведь кажется, совсем недавно, всего-навсего в феврале этого, 1942 года, из Москвы во вражеский тыл направилось двадцать девять бойцов. Потом нас стало 40, 50, 100, 200... Горстка людей, свободно размещавшаяся в одной избе, превратилась в большой отряд, и он цепкими корнями, как молодое, полное жизненных соков дерево, крепко-накрепко врос в белорусскую землю, дав богатую поросль.

К концу 1942 года в шестнадцати отрядах насчитывалось (вместе с резервом) больше трех тысяч бойцов. В каждом отряде по 150—200 человек. Кроме того, в селах у нас появились надежные друзья-помощники. Весь народ помогал нам, поддерживал нас. Мы ощущали эту поддержку всегда и везде. Лучшие сыны народа всту-

пали в наши ряды, народ кормил нас, охранял, предупреждал о появлении фашистов, помогал проводить боевые операции, а при случае сам расправлялся с врагом.

Это была поистине всенародная борьба против захватчиков. Она проявлялась на каждом шагу в самых различных формах.

Вот в двенадцати километрах от Полоцка раскинулась деревня Дохнары. Расположенная недалеко от крупных гарнизонов, она часто привлекала внимание гитлеровцев. Как только появлялись оккупанты, жители старались не попадаться им на глаза: под угрозой расстрела фашисты требовали продукты и вещи, которых давно не было. Те, кто не мог вынести издевательств, покинули свои дома. Ушли либо к партизанам в лес, либо к своим знакомым или родственникам в другие районы. Большинство же крестьян продолжали жить в деревне: их связывали маленькие дети, старики, хозяйство. И вдруг стало известно, что гитлеровцы расположились в Дохнарах гарнизоном. Узнав об этом, крестьяне приняли решение: деревню покинуть, а дома сжечь. Путь лежал через реку. Никаких переправочных средств не было. Сколотили плоты. В Дохнарах пылали подожженные избы, а плоты с людьми и уцелевшим скарбом медленно отваливали от берега...

Это один эпизод. А таких случаев я бы мог привести много. Что и говорить, без активной поддержки народа немислимо широкое партизанское движение, как дерево без корней.

Всенародной борьбой против захватчиков руководили коммунисты. Они были вдохновителями и организаторами этой борьбы.

Расскажу об одном из таких коммунистов — Станиславе Ивановиче Пристрельском, бывшем председателе колхоза «Ударник» Полоцкого района. Оказавшись на оккупированной территории, он сразу же начал готовиться к борьбе с ненавистным врагом. Первые попытки Пристрельского создать свой партизанский отряд кончились неудачей. Подосланный фашистами провокатор выдал партийную организацию. Большинство коммунистов арестовали. Но это не обескуражило С. И. Пристрельского. Он продолжал связываться с людьми, изучать их настроения, рассказывать народу правду о борьбе Красной Армии и искать пути к вооруженной борьбе с захват-

чиками. Поиски эти и привели его в нашу бригаду. Сперва он встретился с начальником разведки бригады Павлом Корабельниковым, а затем со мною. Мне он и рассказал, как создал отряд из земляков-колхозников:

«Когда я встретился с командованием бригады и договорился с вами об организации партизанского отряда, я сразу почувствовал себя лучше, веселее. Но и сомнения были: сумею ли выполнить задание, пойдет ли за мною народ? Я много думал об этом, а под конец решил: если я коммунист, то должен суметь поднять людей на борьбу с гитлеровцами. В помощь, как вы знаете, командование бригады дало мне комиссара отряда товарища Гусева и еще одного партизана. Пошли мы в деревню Поташонки. Ночью собрали крестьян. Набилась полная изба народу. Были мужчины и женщины. Президиум не выбирали. Собрание началось прямо с моего доклада. Это было испытанием моих сил как коммуниста-агитатора. Но смотрю, все слушают меня с большим вниманием. Лица серьезные, суровые. После доклада стали задавать вопросы. Нашлись и такие, которые сказали, что неизвестно еще чья возьмет, может, немцы победят, что тогда делать будем? Верная гибель, дескать, нам и нашим семьям. Я ответил, что никогда не было и быть не может, чтобы русский народ победили фашисты. Объявил запись желающих вступить в отряд. Записалось около тридцати человек. Среди них две девушки — Янусова Мария и Прохорова Оля. Я сказал, что о времени и месте сбора сообщу дополнительно. А у самого сердце от радости готово из груди выпрыгнуть. Выходит, народ понял меня и верит мне. Такие же собрания я провел в других селах. В результате в партизаны записалось более двухсот человек. После этого назначили день общего сбора. А я опять переживаю: придут или не придут колхозники. Часам к семи утра начали собираться. Некоторые пришли с оружием. Настроение было у всех серьезное и даже, пожалуй, торжественное. Каждый понимал, в какую полосу жизни он вступает. К одиннадцати часам дня собрались все до единого. Построились и двинулись в путь. До места встречи с партизанами было километров восемь. По дороге слышу кто-то спрашивает: куда он нас ведет, может, к немцам в руки? А другие ему отвечают: не сомневайся, браток, это наш человек, коммунист! Это меня

еще больше обрадовало, значит, люди мне верят как коммунисту. А вера народа — большая честь и сила. К месту встречи с партизанами мы пришли примерно часа через два, а тут нас уже ожидали...»

Таких коммунистов, как С. И. Пристрельский, которые вели за собою народ, в бригаде было много. Они являлись нашей главной силой и опорой.

На территории Полоцкого района вообще насчитывалось большое количество коммунистов. Во всех партизанских отрядах бригады, а также во многих селах существовали партийные организации. Руководил ими подпольный райком партии.

Мне не раз приходилось присутствовать на заседаниях райкома. Они происходили то в землянке, то в избе, а в теплое время просто в лесу на открытом воздухе. Это был настоящий штаб всенародной борьбы с оккупантами в нашем районе. Возглавляли его Н. А. Новиков и Г. С. Петров. Первому секретарю райкома Николаю Акимовичу Новикову в ту пору едва исполнилось тридцать. Бывший секретарь Витебского обкома комсомола, он сохранил комсомольский огонек, оказавшись и на партийной работе. Значительно старше Н. А. Новикова по возрасту и по партийному стажу был второй секретарь райкома Г. С. Петров. Но, встречаясь с ними на заседаниях райкома и при решении текущих вопросов, я всегда замечал, насколько хорошо эти люди дополняют друг друга в сложной и опасной обстановке подполья.

Члены райкома через партийные и комсомольские организации проводили большую разъяснительную работу среди партизан и местных жителей, рассказывали о положении на фронтах, призывали народ к дальнейшей беспощадной борьбе против оккупантов. Выпускали листовки. «Все, кто в состоянии держать оружие и действовать, — говорилось в одной из них, — от мала до велика поднимайтесь на совместную всенародную борьбу против немецких оккупантов за нашу родную советскую Белоруссию, за национальную независимость, за счастье наших детей. Бейте и беспощадно истребляйте фашистских гадов везде и всюду: в деревне и в городе, в лесу и в поле, не давайте врагу покоя ни днем ни ночью. Расширяйте партизанскую борьбу, всемерно поддерживайте действия партизанских отрядов».

Вместе с ростом наших сил росла, ширилась и боевая деятельность партизан. К декабрю 1942 года на нашем счету значилось немало взрывов, налетов на вражеские гарнизоны и других операций. Мы стремились, чтобы удары партизан почувствовали не только оккупанты в самой Белоруссии, но и гитлеровцы, действовавшие на Волге и под Воронежем. Для этого необходимо было всячески мешать продвижению на фронт воинских эшелонов, разрушать железнодорожное полотно, взрывать мосты, склады с боеприпасами и снаряжением, всеми способами уничтожать живую силу и технику врага, держать его в постоянном напряжении и страхе.

Только в сентябре 1942 года, когда осень еще не успела окрасить в свои обычные цвета богатую белорусскую природу, бригада пустила под откос десятки вражеских эшелонов и организовала взрывы на железнодорожных путях между Полоцком, Даугавпилсом, Молодечно, Витебском, Невелем. Взлетали на воздух обломки больших и малых мостов. Подрывались на минах колонны грузовиков с оккупантами. Горели их склады с боеприпасами, техникой, имуществом, продовольствием.

Конец 1942 года порадовал нас и чудесными новостями с Большой земли. Никогда не забуду день, когда я и мои товарищи впервые узнали о начавшемся наступлении наших войск на Волге и на Дону. Это было для каждого огромным праздником. Особенно осчастливила нас последняя строка в сообщении Совинформбюро: «Наступление продолжается». В ту ночь я долго не мог заснуть, с нетерпением ожидая следующего дня. Мы торопили нашего радиста Володю Пиняева скорее надеть наушники, чтобы не прозевать что-нибудь важное. А сколько было волнений, когда что-либо не ладилось с нашей рацией «Белкой».

В эти дни наступления Красной Армии Володя Пиняев был главным героем бригады: он первым узнавал самые интересные новости. С радистом всем хотелось поговорить, поподробнее расспросить, что передала столица, что брешут фрицы, какую «речугу» закатил Гейбельс или сам фюрер. Партизаны любили Володю Пиняева и всегда тянулись к нему.

Разгромив гитлеровцев на Волге, Красная Армия неудержимо устремилась на запад и до нас все время

доходили вести о ее новых победах. Хотелось быть вместе с наступающими или сделать что-то большое, что ускорило бы гибель захватчиков.

Но в эти дни мы особенно остро ощущали недостаток оружия и взрывчатки. И это нас сковывало. Приходилось рассчитывать каждый шаг, каждую вылазку подорывников. Это сдерживало и наш рост. Чем многочисленнее становились наши ряды, тем больше требовалось оружия. То время, когда мы с распростертыми объятиями встречали каждого желающего стать партизаном, прошло. Командиры отрядов имели списки так называемого резерва, в которых значились люди, изъявившие желание вступить в ряды партизан, но пока не принятые в нашу семью из-за недостатка оружия. Многие новички ходили без винтовок и вопросительно поглядывали на своих командиров: когда же?

Добывание оружия было одной из главных наших задач. Каждая найденная винтовка, патрон, граната брались на строжайший учет. Во время стычек с гитлеровцами специально выделенным бойцам поручалось захватывать трофеи. По селам собирали даже негодные винтовки и револьверы, которые затем приводились в порядок. Но, несмотря на все это, наши запасы постепенно таяли. Тогда вот мы и решили послать группу за оружием за линию фронта.

Этот путь нам подсказал Полоцкий подпольный райком партии. Второй секретарь райкома Георгий Сергеевич Петров, спокойный, волевой человек, встретившись со мной и комиссаром бригады Глезиным в деревне Поташонки, выслушал наши жалобы на недостаток оружия и посоветовал:

— А почему бы вам, товарищи, не попробовать достать его у своего старшего брата — Красной Армии?

— Мы на войсковом довольствии не числимся, — не весело пошутил комиссар.

— Э-э, друзья мои, — улыбнулся Петров. — Я советовался с Новиковым, и он поддержал. Надо посылать людей за линию фронта. Как твое мнение, Михаил Сидорович?

— Согласен, — ответил я, понимая, что в данное время это единственный выход.

— Ну вот и хорошо, — повеселел Петров.

Сформировали специальную группу из сорока чело-

век. Во главе ее поставили командира штабного отряда Василия Яковлевича Гриненко. Его помощником назначили командира отряда Павла Федоровича Лученка. Им поручалось скрытно пройти между боевыми порядками через передний край вражеской обороны, связаться с командованием Красной Армии и «выхлопотать» побольше оружия и боеприпасов.

Узнав о задании, Гриненко и Лученок, уже участвовавшие не в одном бою с гитлеровцами, понимающе переглянулись и почти одновременно сказали:

— Будет выполнено!

— А часть своего оружия оставьте пока здесь, — предложил я.

— Как же мы с голыми руками? — не то удивился, не то возмутился Гриненко.

— Несколько винтовок, револьверов и гранат на всякий случай возьмите, — уточнил я. — Но именно, на всякий случай! Ваша единственная задача — пройти линию фронта без боя и вернуться с грузом. А начнете ввязываться в стычки с немцами, время затянете, людей потеряете.

— И главную задачу не выполните, — добавил Глезин.

Тут вмешался помощник начальника штаба бригады Николай Иванович Щенников, которого все ценили и за личную храбрость, и за хорошее знание военного дела:

— Вас сорок человек, — напомнил он. — Прикиньте, сколько примерно оружия сможете унести на себе? Транспорта ведь не будет.

— А вдруг нам ничего не дадут? — спросил Лученок. — И вернемся мы не солоно хлебавши...

— Тогда, может, лучше совсем не идти? — не без ехидства спросил Щенников.

Лученок даже потемнел от гнева. Он резко встал и официальным тоном отрапортовал:

— Товарищ командир бригады, разрешите выполнять задание?

Василий Гриненко, высокий чернобровый украинец, плотный и широкоплечий, тоже поднялся и просто, успокаивающе сказал:

— Комбриг решил правильно. Пошли готовиться.

Поручая столь необычное и ответственное задание Василию Гриненко, я был уверен, что он с ним спра-

вится. Двадцатитрехлетний старший лейтенант, бывший командир гаубичного дивизиона, он пришел к нам в жаркие дни июля 1942 года и сразу же обратил на себя внимание дисциплинированностью, исполнительностью и строгой, но разумной требовательностью. В боях он действовал всегда хладнокровно, зря под пули не лез, но и не «кланялся» им, а на привалах умел поднять настроение партизан то вскользь брошенной шуткой, то песней, то разговором по душам. Бойцы уважали Гриненко, верили ему и даже гордились тем, что составляют под его началом не какой-нибудь другой, а именно штабной отряд.

...Ранним утром мы проводили группу Гриненко в дальний и опасный путь. Идти было нелегко: многодневный снегопад намел сугробы, даже на лыжах люди нередко проваливались чуть ли не по пояс. А предстояло пройти более четырехсот километров.

Первый привал партизаны сделали в районе села Труды, юго-восточнее крупного населенного пункта Дретунь, где постоянно находился большой гарнизон гитлеровцев. Пришлось проявить максимальную осторожность и бдительность.

Гриненко выслал разведку. Вскоре она возвратилась и доложила, что немцев не видно. Группа двинулась дальше. К концу дня бойцы подошли к озеру Черново.

Впереди тянулись, тускло поблескивая, рельсы железной дороги Невель — Витебск. Вдоль пути шагали патрули, неподалеку расположились в окопах вражеские пулеметчики, часто курсировала дежурная дрезина.

Гриненко, в кожаной куртке и добротных сапогах, примял на голове папаху и шепнул Павлу Лученку:

— Чтобы никто не кашлянул, не стукнул.

— Все и так не дышат...

Стрелки часов показывали одиннадцать. Зимняя тревожная ночь. В ее темноте, в снежных сугробах затерялись, замерли сорок смельчаков.

— Пошлем разведчиков, — предложил Гриненко. — Может, фрицы где оставили хоть маленькую щелочку.

Четыре партизана, выслушав приказ командира, словно растворились в темноте. Остальные заняли оборону.

В это время небольшой ветерок, как назло, разогнал косматые тучи и из-за них выглянула луна, осветив и снег, и деревья, и лежащих в снегу партизан.

— Эх, дьявол, не ко времени вылезла, — негромко ругнулся кто-то.

Тишину разорвал ружейно-пулеметный огонь: разведка наткнулась на оккупантов.

После этого Гриненко еще два раза пытался провести отряд через линию железной дороги, но оба раза, заметив вражеских патрульных, вынужден был отходить. Только четвертая попытка увенчалась успехом: бойцы Гриненко наконец благополучно перебежали через железнодорожную насыпь, а затем пересекли и шоссеюную дорогу южнее села Бескатово.

Семь суток днем и ночью двигался небольшой отряд. И чем ближе подходил к линии фронта, тем осторожнее вели себя бойцы, тем подтянутее они выглядели. Каждый понимал — еще день, еще час — и свершится то, ради чего проделан большой и трудный путь. Сухой блеск в глазах Гриненко и Лученка и короткие реплики, которыми они обменивались, выдавали их напряжение.

На восьмые сутки группа попала в небольшой придорожный лесок, ничем не отличавшийся от множества таких же, уже пройденных лесков и рощиц. Гриненко остановил людей, глубоко втянул в себя воздух и, волнуясь, произнес:

— Если чутье не обманывает, скоро встретим своих.

На усталых лицах бойцов затеплились улыбки.

Лесок постепенно редел, в просветах деревьев показалась полянка со свежими пнями и обгорелыми стволами сосен.

— Стой! Кто идет?

Неожиданный оклик советского солдата прозвучал для партизан чарующей музыкой.

— Свои!.. Партизаны!.. — крикнул Гриненко срывающимся от радости голосом и бросился навстречу.

Партизаны обнимались и целовались с солдатами и офицерами, рассказывали о своей жизни, о зверствах гитлеровцев, спрашивали о родных местах, о положении на фронте, просили дать почитать газеты, угощались махоркой и крутым кипятком.

Как потом говорили Гриненко и Лученок, их люди выглядели именинниками. Усталость как рукой сняло. Веселые реплики, здравицы в честь Родины, партии и грядущей победы сопровождали сытный солдатский обед. После обеда партизаны немного отдохнули и

снова двинулись в путь, но уже без разведки и дозорных, без боязни попасть под обстрел вражеских пулеметов. Теперь шли по своей земле!

Через несколько дней, изрядно нагрузившись оружием, боеприпасами и взрывчаткой, группа Гриненко двинулась в обратный путь. На сей раз партизаны чувствовали особую ответственность: они несли на себе драгоценный груз, в котором так нуждалась наша бригада. Автоматы и патронные диски, ящики и мешки с толом затрудняли движение; многие, несмотря на зимние холода, обливались потом, но упрямо шли, оставляя позади километр за километром. Войсковые разведчики помогли перейти линию фронта. Партизаны, придерживаясь прежнего маршрута, шесть суток двигались по оккупированной территории, разыскивая отряд Александра.

Отряд находился раньше в лесу возле деревни Стайки. Но совсем неожиданно разведчики обнаружили, что в деревне стоят гитлеровцы.

Это был, пожалуй, самый опасный момент всего перехода. Путь туда и обратно потребовал колоссальных усилий. И вот, когда, казалось, бойцы находились почти «дома», все могло рухнуть.

Надо отдать должное Гриненко, Лученку и их товарищам. Они сумели скрытно обойти деревню и точно выйти в расположение отряда Александра, где их с нетерпением ждали. Выделенные Александровым проводники помогли группе Гриненко вновь пересечь железную дорогу Полоцк — Невель. И, наконец, они живые и невредимые в штабе бригады.

— Ну как? — спросил я Гриненко.

— Вот так! — весело ответил он. — Знаете поговорку: «Где силой не возьмешь, там смекалка на подмогу».

— А еще есть и такая поговорка, — в тон ему отозвался Щенников: «Умей своей хитростью из врага душу вытрясти».

— Мы их, гадов, трясли и трясти будем! — громко произнес Корабельников и с силой сжал поднятый кулак.

Итак, мы получили 50 новеньких автоматов с патронными дисками, 100 ручных гранат, 14 ручных пулеметов Дегтярева и 28 дисков к ним, 10 самозарядных винтовок и 100 килограммов тола. Этот груз с большим удовольствием принял и заприходовал наш начальник боепитания Михаил Александрович Рыбаков — невысокий брю-

нет, имевший одну примечательную особенность: разговаривая, он то и дело поскрипывал зубами, да так, что скрип слышали все стоявшие рядом.

— Теперь дадим немцам дрозда! — приговаривал Рыбаков, любовно поглаживая автоматы и пулеметы.

Конечно, груз, принесенный группой Гриненко, не мог основательно пополнить наш «арсенал». Однако в партизанской войне даже десяток патронов или лишний пулемет ценились на вес золота.

Товарищи принесли нам и другие подарки — не стреляющие и не взрывающиеся. Дело в том, что в этот период на Центральный фронт прибыли представители трудящихся Сибири. Они привезли подарки и письма для воинов Красной Армии и партизан. Узнав, что бригадой «Неуловимых» командует сибиряк, гости из далекого тыла постарались вручить Гриненко для передачи нам побольше свитеров, теплых носков, варежек и даже вышитых полотенец.

Гриненко попал в затруднительное положение. Отказаться от подарков — обидеть сибиряков. А брать лишний груз не с руки, хотелось унести побольше оружия. После длительных «дипломатических» переговоров Гриненко захватил все-таки несколько подарков.

— Как-нибудь донесем... Будем считать это народной наградой нам всем — и сибирякам, и украинцам, и белорусам, и русским, и евреям, и полякам... У нас ведь полный интернационал, — пошутил он, сердечно прощаясь с руководителем делегации из Сибири...

— Берите, Михаил Сидорович, — сказал Гриненко, протягивая мне подарок.

С непередаваемым волнением взял я в руки небольшой сверток, дошедший сюда, в белорусские леса, из далекой, но такой близкой мне Сибири. В одно мгновение пронеслось перед мысленным взором далекое детство в сибирской деревне, вспомнились пройденные там первые университеты жизни. Куда бы ни закидывала потом меня судьба — в пески Каракума или Кзыл-Кума для борьбы с бандитизмом, к Синьцзянской границе, на заставу погранотряда, в Харьковское пограничное училище, в горящие леса Подмосковья, на землю Белоруссии, — я всегда гордился, что я сибиряк. Сибиряки — народ крепкий, стойкий, привычный к трудностям и умеющий дать сдачи любому противнику. Не зря, вид-

но, немцы боялись сибирских частей, которые отличались великолепным мужеством русских солдат и меткостью таежных охотников.

По сей день в моем партизанском дневнике хранится запись о тех днях, когда Гриненко принес в землянку дорогие подарки: «Сибирские представители Громов и Решетников. Народная забота о воинах-патриотах дошла и до нас. Эта моральная пища сильнее пушек».

Мне приятно было узнать, что Громов — старый сибирский партизан времен гражданской войны. Его подарок, переданный мне, партизану Великой Отечественной войны, как бы символизировал неразрывную связь поколений, идейную и боевую близость советских патриотов, защитников завоеваний Октября.

— Спасибо, — сказал я Гриненко. — Спасибо и за оружие, и за подарки... А теперь займемся делами.

А дела были такие.

В районе станции Алеша на запасных путях скопилось много пустых товарных вагонов. Немцы готовили их для отправки в Полоцк. Отряды Александрова и Афанасьева пытались уничтожить порожняк, но у них не было горючего. И вот однажды разведчики наткнулись на бочки скипидара, сваленные на окраине деревни Кресты. В деревне стоял небольшой немецкий гарнизон, но группа бойцов темной ночью все же выкрала бочки и доставила их в лес, на партизанскую базу.

Александров и Афанасьев решили, не откладывая в долгий ящик, поджечь порожняк, «посвятив» эту операцию удачному возвращению группы Гриненко.

— Надо же было как-то отблагодарить ребят за подарки, которые они принесли бригаде, — рассказывал Анатолий Константинович Александров, военный инженер-химик, ставший у нас в бригаде строевым командиром.

...Ночью валил густой снег. Темнота — хоть глаз выколи. Этим и воспользовались партизаны. Подобравшись к товарным вагонам, они в нескольких местах облили их скипидаром и подожгли. Огромные языки пламени рванулись к беззвездному небу. Немецкая охрана заметалась. Паника усилилась, когда для «эффекта» партизаны произвели еще три взрыва. Разбушевавшееся пламя безжалостно пожирало вагоны.

ТАЙНЫЕ СИЛЫ

Чтобы подавить растущее сопротивление советских людей, сломить их волю к борьбе, гитлеровцы мобилизовали все свои силы.

Вместе с войсками противника на занятой ими советской земле появились различные разведывательные и карательные органы. Фашисты создали сильный и широко разветвленный аппарат, постоянно следовавший за армией. Каратели нередко дублировали друг друга: перед ними ставились сходные задачи. Это не только никого не смущало, но, видимо, даже поощрялось. Один орган не доверял другому, и они старались «перещеголять» друг друга в бесчинствах, издевательствах, преступлениях.

Первое и главное место среди этих темных сил принадлежало зловещему гестапо — тайной государственной полиции (гехайме штатсполицай). Для ведения тайной войны против советских людей оно использовало гнусные отбросы рода человеческого, всяческих предателей, изменников, бывших кулаков, уголовников. Террор, шантаж, обман, подкуп, провокации, пытки, расстрелы, виселицы — вот средства, составлявшие арсенал гестапо. Возглавлял его один из самых близких к Гитлеру нацистов рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Группы гестапо или его уполномоченные действовали во всех более или менее крупных городах и районах оккупированной территории, а также в войсках (тайная полевая полиция).

Вторым по значению органом и негласным «конкурентом» гестапо был абвер (ауслундс нахрихтунг-

абвер), входивший в состав вооруженных сил фашистской Германии. Абвер не только осуществлял наблюдение за военнослужащими немецкой армии. В мирное время он имел сеть своих представителей и тайных агентов за границей, занимавших официальные должности в посольствах и многочисленных представительствах.

Во время войны абвер создал дополнительные разведывательные центры в районах военных действий против Красной Армии и партизан. В абвере имелись две самостоятельные службы с различным назначением: «Абвердинст» и «Гейхаймдинст». Первая вела контрразведывательную деятельность. Вторая занималась секретной разведкой. В состав «Абвердинст» входили представители гестапо, так что по существу эти учреждения немногим отличались друг от друга.

И абвер, и гестапо тесно взаимодействовали на оккупированной советской территории. Они занимались разведывательной и контрразведывательной работой, вылавливанием и уничтожением партийно-советского актива, евреев и всех тех, кто был заподозрен в симпатиях к Коммунистической партии и Советской власти. Гитлеровское верховное командование предоставило тайной полевой полиции неограниченные полномочия и права. Она могла без следствия и суда арестовать любого военнослужащего немецкой армии, а также арестовать, расстрелять или повесить любого советского гражданина. И этой возможностью пользовалась неограниченно.

К карательным органам относилась и так называемая полевая жандармерия (фельджандармерия), подчинявшаяся военному командованию и, конечно, гестапо. Борьба с партизанами, устрашение местного населения и расправы с ним, создание охраны и особых формирований из числа предателей и элементов, чуждых Советской власти, охрана транспорта и военнопленных, обыски, аресты, казни и прочие карательные функции под руководством гестапо — вот задачи, возлагавшиеся на фельджандармерию.

Своеобразным прикрытием разведывательных и карательных органов являлись местные комендатуры, выполнявшие главным образом военно-административные функции и тоже, по существу, подчинявшиеся гестапо.

Н. А. Новиков

С. И. Пристрельский

Встреча боевых друзей. Слева направо: второй секретарь Полоцкого подпольного райкома партии Г. С. Петров, комиссар бригады «Неуловимые» Б. Л. Глезин, начальник разведки бригады П. А. Корабельников

Перед боевым заданием
Слева направо:
А. Н. Кривский
и П. А. Корабельников

Командир отряда А. К. Александров (справа внизу) с группой бывших партизан-разведчиков и подпольщиков (фото 1961 г.)

Эти комендатуры обеспечивали размещение проходивших гитлеровских воинских частей, вели учет и регистрацию местного населения, комплектовали так называемые рабочие команды, точнее — производили облавы и принудительно отправляли на невольничий рынок в Германию рабочую силу, создавали и опекали местные управы, назначали бургомистров, выпускали лживые газетенки, издавали всяческие распоряжения в духе «нового порядка» и даже... руководили публичными домами, созданными на потеху гитлеровской солдатни и офицеров.

Военные комендатуры опирались не только на подразделения фельджандармерии, но и на так называемую вспомогательную политическую полицию, которая комплектовалась из предателей, перебежчиков, подонков всех мастей, согласившихся пойти на службу к немцам. Фактически вспомогательная полиция была бандой преступников, выполнявших под руководством гестапо охранные и карательные функции.

Кроме всех этих органов существовали также различные особые команды (зондеркоманды) и группы специального назначения. Все они имели для конспирации замысловатые наименования. Большинство из этих зондеркоманд занимались ничем не прикрытым грабежом: вывозом в Германию продовольствия и всяких ценностей, в том числе золота, произведений искусства, уникальных старинных реликвий, технической документации и тому подобного.

Специальные школы, укрывшиеся в горах Германии и на оккупированной территории, готовили агентов, знающих русский язык, минно-подрывное дело, радиосвязь, тайнопись. Такие агенты, выдавая себя за коммунистов, выявляли партийный актив и подпольщиков, устанавливали места базирования партизанских отрядов и дислокацию частей Красной Армии, создавали шпионскую сеть, заставляя работать на фашистов разного рода изменников, трусов, а то и старых немецких резидентов, давно поселившихся в России.

И чем больше поражений терпели фашистские войска на фронте, тем активнее свирепствовала гитлеровская свора в тылу, с тем большей разнузданностью и жестокостью «работали» карательные органы, выполняя волю Гитлера.

После окончания войны прошло двадцать лет. Но не унимаются недобитые фашистские генералы и новоявленные историки из Западной Германии. Стараясь выслужиться перед новыми хозяевами, они всячески пытаются приуменьшить злодеяния гитлеровцев на советской земле и выдать все преступления за «акции», вызванные военной необходимостью. Читаешь подобные мемуары и диву даешься: палачи и убийцы выглядят невинными овечками и старательными службистами, не имевшими никакого отношения к «отдельным инцидентам» и вообще к политике нацистов!

Кровь миллионов наших людей, заживо сожженных, расстрелянных, повешенных, удушенных в газовых камерах, погибших от пыток и голода, вопиет против этой лжи. Все, что я и мои товарищи видели в оккупированной Белоруссии, и по сей день стоит перед глазами, вызывая боль, возмущение и ненависть к фашизму.

Свои главные штабы, карательные учреждения и охранные части гитлеровцы расположили в Минске, Витебске и других крупных городах. А в таком городе, как Полоцк, они имели филиалы, разведывательную и контрразведывательную сеть.

Высшим органом власти в Полоцке была военная комендатура — ортскомендатура во главе с полковником фон Никишем. Действовала она или, как выражались оккупанты, управляла городом через бургомистра, а селами — через часто сменявшихся бургомистров полоцкого сельского района. С первого же дня оккупации в городе появилась и полевая жандармерия. Полевые жандармы носили общевойсковую форму, но были заметны издали, и жители, завидев их, старались скрыться. На нарукавном обшлаге у жандармов красовалась коричневая лента с буквами «ФП», выше локтя был пришит немецкий герб — орел в дубовом венке, на мундире (на груди) также имелись специальные знаки.

Такие же комендатуры орудовали в городах Дриссе, Освее и других районных центрах. Все комендатуры подчинялись полоцкой комендатуре, над которой неусыпно шефствовали гестапо и абвер.

Здания комендатуры, полиции и гестапо тщательно охранялись. В случае приближения посторонних часовые стреляли без предупреждения. На улицах города часто

видели трупы мужчин и женщин, случайно оказавшихся вблизи домов, занятых карателями.

Страх перед партизанами был так велик, что оккупанты превратили Полоцк в крупный укрепленный район. Город опоясывала колючая проволока, на многих улицах были отрыты окопы, сооружены дзоты и блиндажи. На подступах к Полоцку, в Зеленом городке, Гендиках, Экимане, Бельчице, Коровнице, Струнье, в первой, второй и третьей Боровухах также имелись укрепления полевого типа.

С весны 1943 года гитлеровцы особенно забеспокоились и стали дополнительно укреплять подступы к городу. Восточнее Полоцка они оборудовали три линии укреплений с громкими названиями: «Пантера», «Тигр», «Медведь». В пяти — семи километрах от окраин мощный кольцевой рубеж создали саперные части, а гарнизоны многих районных центров и крупных населенных пунктов были усилены за счет нового пополнения жандармерии и фронтовых подразделений.

Следует отметить, что в район Полоцка гитлеровское командование стянуло довольно крупные силы — здесь всегда находились от трех до пяти дивизий, школа связи, более двадцати пехотных батальонов и даже комендантская рота третьей танковой армии.

Репрессии против населения увеличивались. За малейшее неповиновение или подозрение в нелояльности или сочувствии партизанам людей арестовывали и истребляли. Делалось это то тайно, то явно. Полоцкая тюрьма была всегда переполнена.

Особенно свирепствовал в городе гестаповец зондерфюрер Леон Мейзенкампф. Его агентуру составляли не только немцы, но и предатели из числа обывателей. Агенты Мейзенкампфа вели разведку в партизанских зонах, посещали рынки и различные общественные места и вынюхивали все, что могло интересовать фашистов. Кстати, сам Мейзенкампф владел русским языком и нередко, переодевшись в штатское, ходил по квартирам, заводил «безобидные» разговоры, задавал «случайные» вопросы — ловил рыбку в мутной воде.

Зондерфюрер Мейзенкампф, похваляясь своим арийским происхождением, старался принимать личное участие в арестах, пытках, расстрелах и карательных экспедициях. На его совести (впрочем, тщетно было бы ее

искать у этого матерого фашиста) и провокации в партизанских зонах, и расстрелы женщин, стариков и детей, и поджог целых сел. Зачастую после очередной «акции» Мейзенкампф, дружески относившийся к нашему разведчику Карлу Миллеру*, показывал ему фотоснимки повешенных и расстрелянных советских людей.

Специальной группой гестапо в Полоцке, скромно называвшей себя службой безопасности, руководил сначала обер-лейтенант Фибих, а затем капитан Венцель. Его помощниками были следователи — оберфюрер Гашке, обершарфюрер Адольф Рауэ и обер-фельдфебель Лотар Рогас. Гестаповцы охотились за коммунистами, комсомольцами, политработниками Красной Армии, за депутатами, орденосносцами, выслеживали и уничтожали всех подозрительных для них лиц. Особенное усердие, конечно, гестапо проявляло в поисках партизанских разведчиков и подпольщиков, складов оружия и боеприпасов. Гестапо тщательно проверяло всех жителей, а также прибывавших в Полоцк граждан и людей, поступавших на различные работы.

Коммунистов и евреев, как правило, немедленно уничтожали. Русских, белорусов и поляков тщательно фильтровали и всех подозрительных также подвергали «акциям». Зато советских граждан немецкой национальности, так называемых «фольксдойчей» — народных немцев, подвергали усиленной обработке, чтобы сделать их опорой «нового порядка».

К концу 1942 года гитлеровцы арестовали и расстреляли свыше трех тысяч советских граждан. Только в июне того же года за одну ночь фашисты арестовали и истребили 400 человек. Осенью 1943 года во время ночной облавы эсэсовцы арестовали якобы за связь с партизанами 120 семей; большинство из них были расстреляны. Всего за время оккупации фашисты уничтожили в Полоцком районе около 200 тысяч советских людей — коммунистов, комсомольцев, беспартийных, стариков, женщин, подростков и детей, а также попавших в плен военнослужащих Красной Армии и партизан.

К каким только уловкам ни прибегали гестапо и абвер, чтобы выловить непокорных, тех, кто поднял руку

* О Карле Миллере подробно рассказано в главе «Бойцы не-зримого фронта».

на порабощителей, кто борется с ними в партизанских отрядах или в глубоком подполье.

Узнали мы, например, однажды, что в партизанские села зачастила молодая женщина, меняющая немецкие сигареты на продукты. Само появление неизвестной и ее поведение насторожили партизан. Наши люди познакомились с ней. В дальнейшем выяснилось, что Борисенко (такова была фамилия женщины) прочно связана с полоцким гестапо и действует по его заданию. Когда партизанам удалось поймать Борисенко, она сама призналась во всем. Суд над шпионкой был справедливым и беспощадным.

Или такой случай. Как-то в одной из деревень к партизанам обратилась женщина лет сорока-сорока пяти и заявила, что у нее в яме, под стогом старой соломы, укрывается командир Красной Армии Николай Сенин.

Партизаны согласились встретиться с Сениным, и женщина привела его. Но тут же мы узнали от жителей этой деревни, что женщина, прятая Сенина, настроена враждебно по отношению к Советской власти, а муж ее работает у гитлеровцев переводчиком. Это, естественно, настораживало. И все же новичка приняли в отряд и установили за ним наблюдение. Но вскоре Сенин сбежал к своим хозяевам в Невель. Причем, оказалось, что он был заместителем командира полицейского отряда по борьбе с партизанами.

Узнав это, мы решили во что бы то ни стало его поймать и уничтожить.

В этом нам помогла Клава Иванова, скрывавшаяся у родственников недалеко от Невеля. Подпольщица получила задание пробраться в Невель и свести счеты с гестаповским выкормышем. Действовала Клава смело и решительно. Ей удалось познакомиться с предателем. Николай Сенин увлекся красивой девушкой, стал искать встреч с ней. Во время одной из них Клава Иванова застрелила изменника, воспользовавшись для этого его собственным пистолетом.

Нужно отметить, что по следам изменников шли, как бы контролируя их, специальные немецкие агенты, знавшие русский язык и выдававшие себя за советских граждан. Эти агенты, заброшенные в разные районы, вели разведку, определяли дислокацию ближайших к фронту частей Советской Армии, пытались войти в доверие к

населению, охотились за партизанскими связными и попутно перепроверяли работу местной агентуры, завербованной гестапо.

Немало и кадровых разведчиков — офицеров абвера — бродило по оккупированной территории. Они высискивали наиболее удобные места для выхода в тылы советских частей, а затем в случае благополучного выполнения задания возвращались в свои штабы.

Вот один из эпизодов.

Группа партизан во главе с Евгением Телегуевым и Борисом Табачниковым вела разведку юго-западнее города Торопец. Разведчикам предстояло перейти линию фронта, чтобы получить очередную партию оружия, взрывчатки и медикаментов.

Было это в конце лета. Душные дни сменялись холодными ночами. Когда ярко светило и припекало солнце, партизаны отлеживались в густом кустарнике и вполголоса вели разговоры о своем житье-бытье. Но лишь только солнце садилось за горизонт, Телегуев и Табачников поднимали бойцов и начинали, как они позже говорили, непрерывное ползание. Разведчики подползали почти вплотную к передовому охранению гитлеровских частей и, не найдя удобного места для перехода, ползли в другую сторону. Перейти линию фронта — дело не легкое.

Однажды под вечер Телегуев заметил в кустарнике человека в штатском — он спал, подложив под голову обычный деревенский мешок. Телегуев и Табачников удивленно переглянулись. Зачем этот человек здесь? Недалеко идут бои...

Земля содрогалась от разрывов артиллерийских снарядов, где-то далеко строчили пулеметы, ухали мины. В небе кружили вражеские самолеты. Место для отдыха неподходящее!

Незнакомца разбудили. Открыв глаза, он сел, скрестив по-турецки ноги, и спокойно стал свертывать цигарку. На его давно не бритом лице не было и тени испуга или недоумения.

— Что вы тут делаете? — спросил Телегуев.

— Я минский, — на чистом русском языке ответил тот, — фамилия моя Бердяев, Иван Антонович. Бухгалтер по профессии. Жена и дети застряли в Торопце. Вот и решил как-то добираться до них.

— Но ведь вы лезете на верную смерть, — перебил Табачников. — Гитлеровцы рядом, идут бои. Вас подстрелят или задержат.

Незнакомец безразлично пожал плечами.

— А может, кривая вывезет, — усмехнулся он. — Не хотите ли закурить?

Всем своим видом и спокойным поведением гражданин из Минска не вызывал никаких подозрений, но зоркий глаз Телегуева заметил, как тот, будто невзначай, ощупывал взглядом партизан. Да и очень необычным было место, выбранное Бердяевым для «отдыха». Неспроста это, решили партизаны и, посоветовавшись, взяли незнакомца с собой.

Тот пытался протестовать, но Табачников его «утешил»:

— Вы хотели перейти на ту сторону, где красные? Значит, нам по пути.

Волей-неволей «жителю Минска» пришлось подчиниться. Когда группа Телегуева и Табачникова через два дня пересекла наконец линию фронта, незнакомца сдали армейской контрразведке.

Задержанный «минчанин» оказался офицером гитлеровского абвера капитаном Шмульцем.

Борьба с тайной немецкой разведкой была одной из наиболее важных, сложных и трудных задач, стоявших перед нашей бригадой. И сейчас, оглядываясь назад, можно сказать, мы справились с ней. Тайным силам гестапо и абвера не удалось сломить растущее сопротивление советских людей. Зато немало гитлеровских агентов нашло на белорусской земле свой позорный конец.

ОПЕРАЦИЯ «НЮРНБЕРГ»

Партизанское движение росло с каждым днем, этому не могли помешать никакие силы. К концу 1942 года оно приняло в Белоруссии такой широкий все-народный размах, удары партизан стали так чувствительны, что гитлеровское командование не могло больше успокаивать своего фюрера и его ставку донесениями о массовых расстрелах «бандитов», об очистке оккупированной территории от коммунистов, комсомольцев и всех подозрительных элементов. Теперь врагу нужно было попытаться действительно уничтожить многочисленные партизанские отряды, и если не полностью, то хотя бы частично уменьшить те потери, которые ежедневно, ежечасно несли немецкие войска. А эти потери были особенно ощутимы в связи с плачевными делами гитлеровцев. Фронт требовал все новых и новых сил, а партизаны отвлекали эти силы, уничтожали их, мешали снабжению фронта боеприпасами, продовольствием. Для победы на войне нужен прочный тыл, а такого тыла у немцев как раз и не было.

Мне вспоминается один любопытный случай. На собрании, которое мы проводили в лесу недалеко от Большой Щеперни, присутствовали партизаны и местные жители. Один из крестьян спросил, когда откроется второй фронт.

— Второй фронт открыт! — громко ответила ему комсомолка партизанка Татьяна Янусова.

— Как так?

— А что? Разве мы, партизаны, это не второй фронт? — поддержал Янусову Григорий Корнилов. —

Хорошо, конечно, если бы американцы и англичане выполнили свое обещание. Но они медлят. Ждут, видно, когда больше будет пролито нашей пролетарской крови. Что ж, и без них обойдемся!

И действительно, то, что происходило на оккупированной территории, походило на второй фронт. От Балтики до Черного моря в тылу захватчиков действовали отряды русских, латышских, литовских, белорусских и украинских партизан. Вражеский фронт оказался, с одной стороны, с востока, под ударами Красной Армии, а с другой стороны, с запада, под ударами партизан.

Это отлично чувствовали, понимали и сами захватчики. Достаточно прочесть хотя бы выдержку из письма обер-ефрейтора Хангена, написанного им в город Киль:

«Это бешеная страна. Здесь повсюду фронт, здесь находишься в постоянном напряжении. Уже полгода я в России, и за все это время много пришлось пережить. В марте я был брошен в траншеи на передовой, оттуда был направлен для охоты на партизан. В настоящее время пришлось участвовать в таких тяжелых операциях, что, я говорю об этом без каких-либо преувеличений, надо быть чересчур выносливым, чтобы жить в таких условиях. Часто несем большие потери, много людей навсегда ушло от нас».

Ефрейтор Людвиг Ланго словно вторит Хангену:

«Завтра должно прибыть пополнение к нам, но мы предпочли бы его не получать, так как тогда была бы надежда, что нас уберут отсюда, а с нас всех довольно. О том, чтобы провести еще одну зиму в России, мы не можем без страха подумать».

К концу сорок второго года на севере Белоруссии образовался огромный партизанский край. Партизаны были полными хозяевами в Освейском и Россонском районах и занимали часть территории Дриссенского, Себежского, Новоскольного и Полоцкого районов. Под постоянными ударами партизан находились такие важные для фашистов стратегические магистрали, как Двинск — Полоцк, Полоцк — Невель, Резекне — Невель. На этих магистралях развернулась упорная и беспощадная «рельсовая война».

В партизанском крае действовало одиннадцать бригад и два самостоятельных отряда. Всего более десяти тысяч бойцов. Это были Россонская бригада

(командир Р. А. Охотин), Освейская бригада им. Фрунзе (командир И. К. Захаров), Дриссенская бригада (командир Г. П. Герасимов), вторая Дриссенская бригада им. Калинина (командир И. М. Кухаренко), бригада им. Рокоссовского (командир А. В. Романов), созданная на базе местного отряда им. Щорса, которым командовал П. М. Машеров, ставший затем комиссаром этой бригады, Сиротинская бригада им. Короткина (командир В. Э. Талаквадзе), партизанская бригада под командованием Фалалеева, бригада «Спартак» (командир И. И. Петров), вторая Полоцкая бригада (командир А. Я. Марченко), бригада «За Советскую Белоруссию» (командир П. М. Романов) и, наконец, наша бригада «Неуловимые». Здесь же по соседству была гитлеровцев латышская бригада под командованием В. П. Самсона. Взаимодействовали мы и с партизанами Калининской области, которыми командовал А. И. Штрахов. Южнее Полоцка воевало партизанское соединение под командованием В. Е. Лобанка.

Русские, белорусы, латыши! Народ трех братских республик объединил свои усилия против общего ненавистного врага. Поэтому иногда мы называли свой партизанский край Братским. Ныне неподалеку от деревни Ляхово, на юго-западе Псковской области, еще издали виден большой курган. На его вершине шумит молодой дуб. Именно здесь, на стыке трех социалистических республик — РСФСР, БССР и ЛССР, в 1959 году местные жители соорудили этот Курган боевой дружбы — своеобразный памятник русским, белорусским и латышским партизанам.

Наш Братский край причинял немцам большие неприятности. В одном из донесений немецкой службы безопасности говорилось:

«Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших действий» *.

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Воениздат. 1964, т. 3, стр. 473,

Иметь у себя в тылу такого врага для фашистов было с каждым днем опаснее и опаснее, особенно принимая во внимание катастрофическое ухудшение их дел на фронте.

В ноябре сорок второго года через наших разведчиков и подпольщиков мы узнали, что гитлеровцы разработали специальный и весьма подробный план под секретным кодированным названием «Нюрнберг», целью которого являлось уничтожить партизан на севере Белоруссии. (Немецкий город Нюрнберг стал, как известно, местом, где были осуждены главные фашистские заправилы, виновные в развязывании второй мировой войны. Там их судили, там же приводили в исполнение приговоры. Случайное совпадение названий — города, где происходил суд, и карательной операции в Белоруссии — кажется мне весьма символичным.)

Разработав с присущей им педантичностью детали операции «Нюрнберг», гитлеровцы поручили осуществить ее видному фашистскому специалисту по «акциям» группенфюреру СС, генерал-лейтенанту фон Готбергу. Ему подчинили крупные силы наземных войск и авиации, причем главный удар предполагалось нанести по нашей бригаде, расположенной северо-западнее и северо-восточнее Полоцка. Обо всем этом сообщили нашей разведчице Анне Наумовне Смирновой бесстрашные подпольщики Лиля Костецкая и капитан гитлеровской полиции Карл Миллер. Да, да, немецкий офицер Миллер, стойкий антифашист, работавший на Советскую власть, на партизан.

О нем, как и о Лиле Костецкой, я расскажу чуть позже. А пока опишу встречу с Анной Смирновой.

Дремучий лес под Полоцком был для нас не только прибежищем, а и местом нередких свиданий с подпольщиками и разведчиками. То в одном, то в другом уголке леса среди густо разросшихся деревьев и кустарников в условленное время меня, начальника разведки бригады Павла Алексеевича Корабельникова или кого-либо из связных обычно поджидал тот, кто должен был принести нам сведения о положении в гарнизонах противника, о настроениях местных жителей, о намерениях оккупантов. В темной лесной чаще мы обменивались новостями, мнениями, инструктировали разведчиков, подпольщиков, передавали им листовки, мины, взрывчатку.

Чаше других сюда приходила Анна Наумовна Смирнова. Молодая женщина, учительница, бывший работник ЦК комсомола Белоруссии, неизменно бодрая и энергичная, никогда не терявшая присутствия духа, она, казалось, самой природой, всем своим обликом и характером была создана для трудной подпольной работы. Ни ежедневный риск, ни ежечасные опасности не гасили ее спокойную улыбку. Только в голубых глазах всегда таились напряженность и настороженность.

Анна Смирнова постоянно жила в Полоцке (где, кстати, живет и поныне), в котором расположился многотысячный гитлеровский гарнизон и скопилось множество немецких и «русских» учреждений — всякие комендатуры, управы, полевая полиция, гестапо, зондеркоманды и прочие «канцелярии» с вывесками и без них. Официально Смирнова числилась безработной, точнее — поденщицей. Она часто меняла квартиры, устраивалась то домашней работницей у родственников или в семье какого-нибудь новоиспеченного чиновника, то официанткой в немецкой столовой или в госпитале и, таким образом, не только страховалась от отправки в Германию, а и постепенно примелькалась местному начальству, что очень устраивало нас.

Следует сказать, нам требовались любые связи. Мелкий служащий управы, официантка в офицерской столовой, дежурный по вокзалу, подгулявший гитлеровский фельдфебель, интересующийся русскими «медхен», не говоря уже о фашистских офицерах и полицейских — все они понемногу, невольно или сознательно, вкладывали в копилку разведчиков сведения, которые мы потом просеивали, отбирая наиболее ценное.

Каждый раз, выходя из города на встречу с нами, Смирнова в каком-либо ближайшем селе переодевалась, чтобы не бросаться в глаза патрульным и полицаям. Вот и на сей раз, посетив кого-то из своих друзей в деревушке под Полоцком, она сняла с себя обычную городскую одежду, натянула темное истрепанное пальто, повязалась старым теплым платком, обулась в растоптанные валенки и в таком виде пришла в условленное место, где ее поджидали я и Корабельников.

Вокруг было тихо. Несколько автоматчиков, составлявших нашу охрану, будто растворились в лесу. Лишь

изредка хлопья снега, не задержавшись на ветвях деревьев, падали к нашим ногам.

— Ну вот и я, — сказала Анна Наумовна, да так просто и буднично, будто пришла не на опасную подпольную встречу, а на обычную прогулку.

— Как живете-можете? Как дошли? — спросил Корабельников, пожимая руку разведчице. Плотной варежкой он очистил от снега широкий пень и предложил: — Садитесь, Анна Наумовна, отдохайте, рассказывайте.

— Спасибо, Павел Алексеевич. — Смирнова опустилась на пень и посетовала: — Вам, Михаил Сидорович, и присесть не на что. Я потеснюсь, а вы устраивайтесь рядом.

— В тесноте, да не в обиде, — согласился я, тоже усаживаясь на пень. — Чем порадуете?

— Новости у меня не больно веселые, — вздохнула Смирнова. — Фрицы задумали недоброе. Все гарнизоны увеличиваются, прибывают новые части. Против вас готовится большая операция.

— Кое-что уже нам известно, — заметил я. — Есть какие подробности?

— Карл присутствовал на двух последних совещаниях фашистского командования. Первое, в конце ноября, продолжалось два дня в помещении полоцкого собора. Второе было совсем недавно, в Боровухе-первой — в здании бывшего Дома Красной Армии.

— Интересно, — спокойно проговорил Корабельников. — И кто же там был?

— По словам Карла, на совещании присутствовали все старшие офицеры полоцкого и других расположенных вблизи гарнизонов, а также различное начальство из разведки, полевой жандармерии и гестапо.

— Карл сообщил повестку дня? — поинтересовался я.

— Да. Обсуждался один вопрос: уничтожение партизан на всей территории северо-западной Белоруссии, вплоть до границы с Литвой. Генерал-лейтенант эсэс фон Готберг — вам ведь эта фамилия знакома! — приказал все партизанские районы разбить на зоны и направить в эти зоны карательные экспедиции. Каратели будут сжигать села, расстреливать и вешать местных жителей и, конечно, в первую очередь семьи партизан.

— Карлу удалось прочитать приказ Готберга? — спросил Корабельников.

— Не знаю. Наверное, прочитал, ведь он сообщил Лиле некоторые подробности.

— Какие именно?

— Для уничтожения партизан в Полоцком, Россонском, Дриссенском и Освейском районах Витебской области, а также в Невельском районе Великолукской области создана специальная боевая группа. Штаб этой группы уже разослал во все немецкие части приказ о маршрутах движения, об охране колонн и шифрованной связи.

Разговор с Анной Наумовной продолжался еще около получаса. Собираясь в обратный путь, в Полоцк, она протянула нам холодную, покрасневшую на морозе руку и улыбнулась.

— До скорой встречи, товарищи!

Мы проводили глазами ее небольшую, чуть сгорбившуюся фигуру и мысленно пожелали нашей верной помощнице успеха и благополучия.

После свидания со Смирновой встречались с другими разведчиками и подпольщиками. Картина операции, готовящейся против партизан, становилась все более ясной. И теперь наши головы, можно сказать, были целиком заняты ею. Мы много думали и часто говорили о том, как парировать удар гитлеровцев. Особенно запомнился один разговор, который как бы суммировал наши тревожные раздумья.

Штабная землянка полна. Здесь комиссар бригады Борис Львович Глезин, помощник командира бригады Тимофей Миронович Никитин, начальник штаба Алексей Николаевич Кривский, начальник разведки Павел Алексеевич Корабельников.

Железная печурка накалена добела. Она гудит и дрожит от бушующего в ней пламени и наполняет землянку приятным теплом.

— Давайте, товарищи, подумаем еще раз о главном, — негромко предложил Глезин и оструганной палочкой прикрыл железную дверцу печурки. — Об операции «Нюрнберг»...

Худощавый, подвижный, с отросшей рыжеватой шевелюрой, он окинул нас внимательным взглядом серых глаз. Комиссар как бы хотел еще и еще раз обозреть все, что мы надумали за последнее время.

— По существу, операция «Нюрнберг» уже началась, — сказал он.

— Верно. Не случайно так усилилось передвижение гитлеровцев по железной дороге, главным образом, на линии Даугавпилс — Полоцк, — поддержал Глезина Кривский.

— Да и гарнизоны в этих районах непрерывно растут. И это тоже не случайно, — добавил Корабельников.

— Теперь яснее ясного, — сказал я, — что фон Готберг особый зуб имеет против нас — «Неуловимых». Мы у него в печенках сидим. Я так представляю план противника. Он попытается заставить наши отряды отойти в треугольник железной дороги Полоцк — Невель — Витебск, чтобы зажать нас в этом треугольнике и уничтожить. Мы обязаны избежать ловушки. Для этого есть, по-моему, только один, не раз испытанный способ: просочиться мелкими группами в тыл и бить фашистов в спину. Они потеряют ориентировку, и их удары будут приходиться по пустым местам. Спутав карты врага, мы заставим его нести большие потери.

— Ясно! — удовлетворенно улыбнулся Кривский и почему-то дернул себя за мочку правого уха. — Звенит! — пояснил он. — Раз звенит, значит, и вправду фашистам придется кусать локти.

— В приметы веришь? — притворно нахмурившись, спросил Глезин.

— Э-э, какие там приметы! — отмахнулся Кривский. — Без всяких примет верю, что и обманем гитлеровцев и дадим им жару.

Мне нравилась в этом молодом, но уже много пережившем человеке постоянная уверенность, бодрость, убежденность в нашей правоте. Сейчас он уже не был похож на того изможденного военнопленного, который пришел к нам летом 1942 года, покрытый незаживающими язвами. Алексей Кривский окреп, подлечился, выпрямился, в глазах его снова засветился огонек жизни и даже говорить стал внятно и четко. В концлагере фашисты выбили у него много зубов, что мешало Алексею и есть и разговаривать.

— Надо подготовить приказ по бригаде, — сказал я Кривскому, и он тут же стал делать пометки в блокноте. — В приказе предусмотреть следующее. Усилить разведывательную и подрывную работу на всех направлениях, особенно на подступах к Полоцку. Надеюсь, понятно, зачем это требуется?

— Несомненно, — поспешно отозвался Корабельников и пояснил: — Максимально затруднить переброску сил противника к фронту и в наш район, а также постоянно иметь точные сведения о маневрах и намерениях немцев и их действительных возможностях.

— Верно, — подтвердил я. — Теперь давайте взглянем на карты.

— Глядим! — сказал Никитин, уже давно пристально рассматривавший свою испещренную пометками карту.

Я предложил заслать в самые дальние от Полоцка районы подрывные группы. Их короткие, но чувствительные удары отвлекут внимание от нас, дезориентируют и деморализуют противника. Ведь гитлеровцы значительными силами будут наступать в район нашей главной базы, полагая, что этим они уничтожат всех партизан. Поэтому каждый взрыв моста или базы с горючим в далеком тылу врага, каждый налет на проходящие войска и небольшие гарнизоны будут восприниматься очень болезненно. А о том, что фашисты легко поддаются панике, мы знали по собственному боевому опыту.

Командиры поместили на картах пункты, куда предстояло забросить разведывательно-диверсионные группы.

— А что же здесь, под Полоцком? — спросил нетерпеливый Корабельников.

— Сейчас поговорим и о Полоцке, — успокоил я Корабельникова и на небольшом листке бумаги стал чертить схему, на которой показал, как, по-моему, следует расположить в этом районе наши отряды.

— Конечно, и на подступах к Полоцку нам придется принять бой, точнее несколько боев. Вот здесь находятся главные силы нашей бригады, ее четырнадцать отрядов. Чтобы не поставить их под удар, надо выставить заслон. Предлагаю использовать отряды Михаила Мышко, Николая Комлева, Анатолия Меркуля, Петра Широкова, Николая Федорова и Владимира Антонова.

— Шесть отрядов, — подсчитал Кривский.

— Выходит так.

В этой схватке с оккупантами мы должны были применять самую разнообразную тактику. Помимо активных действий большого числа мелких подрывных групп в самых отдаленных районах в тылу противника, требовалась особая гибкость, оперативность, маневренность и от самих партизанских отрядов. Малейшая олош-

ность — и отряд мог попасть в очень тяжелое положение, поплатиться большой кровью. Поэтому я предлагал усилить разведку, повысить бдительность и все время держать инициативу в своих руках, навязывая врагу бои на выгодных для нас рубежах. Это заставит его развертываться, замедлять движение, нести потери в живой силе и технике. Но все мы отлично понимали, что, как бы ни были выгодны занятые нами рубежи, мы не могли долго держать оборону против отлично вооруженного и превосходящего нас численностью противника. Да и гитлеровцы стремились разгромить нас в такой фронтовой, открытой схватке.

— Мы должны заставить врага развернуться, окопаться, намерзнуться, может и наголодаться... Сами же тем временем обойдем его фланги или просочимся между боевыми порядками. Иначе говоря, окажемся в тылу гитлеровцев. А потом...

— Потом уже по обстановке, — подсказал Корабельников.

Но его поправил Никитин.

— По обстановке не означает, что мы можем полагаться на волю случая и действовать вслепую. Ведь бои надо принимать только на выгодных рубежах, — он сделал ударение на слове «выгодных», — и очень важно создать у фашистов впечатление, что они, столкнувшись с нами, уже достигли границ партизанского края.

— Вот, вот, Тимофей Миронович, — подтвердил я. — Совершенно правильно! Первые же бои должны показать противнику, что он имеет дело со всеми нашими силами. А в это время развернутся действия на дальних подступах, во вражеском тылу. Тогда фрицы поймут, что они сами попали в ловушку.

— Ясно! — воскликнул Кривский.

— Ну что ж, если замечаний по плану нет, тогда сделаем еще вот что. Четырнадцать отрядов разобьем на три боевые группы. Первую, центральную, возглавлю я. Вторую, северо-восточную, возьмет на себя товарищ Никитин. Третью, северо-западную, — наш заслон поручим Ивану Васильевичу Якимову. На него можно положиться.

В «запасе» у нас еще оставалось два отряда — отряды Анатолия Константиновича Александрова и Ильи Дмитриевича Афанасьева. Оба они находились в пяти-

десяти километрах северо-восточнее Полоцка, и мы решили поручить им совместно с соседней партизанской бригадой Фалалеева защищать нас, если можно так выразиться, с тылу, то есть защищать наши восточные границы, поскольку главный удар при осуществлении операции «Нюрнберг» противник наносил нам с северо-запада. Отряды Александрова и Афанасьева тоже, конечно, долго держать фронт не могли. Но им предстояло заставлять гитлеровцев развешиваться в боевые порядки раньше намеченного срока и замедлять тем самым движение колонн. Они должны были взрывать мосты, портить дороги, устраивать завалы и минные поля, то есть всеми силами и способами задерживать продвижение гитлеровцев, давая нам время для маневрирования. А когда врагу удастся продвинуться ближе к Полоцку, отряды Александрова и Афанасьева прорвутся в тыл немцев и будут совершать там диверсии.

— Все хорошо, — сказал Глезин. — Но меня волнует еще одно немаловажное обстоятельство, и вот какое: как быть с местными жителями? Многие деревни и населенные пункты окажутся в зоне боевых действий. Фашисты, несомненно, будут вымещать на жителях свою злобу. Расстрелы, пожары, виселицы, пытки...

— Картина знакомая, — бросил Кривский. — Предлагаю разослать наших разведчиков. Пусть осторожно подготовят жителей к возможному появлению гитлеровцев, посоветуют прятаться в лесах, угонять скот, закапывать в землю и прятать в тайники свой скарб.

Говоря об этом, мы имели в виду инструкцию от 11 ноября 1942 года, составленную гитлеровским генералом Йодлем и утвержденную фельдмаршалом Кейтелем. Она обязывала немецкие войска, жандармерию, зондеркоманды, гестапо и прочие части и учреждения вешать в ходе карательных экспедиций всех мужчин и женщин, «захваченных в плен». Это означало не что иное, как поголовное истребление советских людей: ведь каждый солдат или полицейский мог «зачислить» в партизаны и тут же повесить любого советского человека.

На изуверскую директиву Йодля партизаны тогда же ответили мощными ударами в разных районах Белоруссии, усиленной «рельсовой войной», разгромом многих фашистских гарнизонов. Кроме того, где только было возможно, создавались партизанские участки, наз-

начались коменданты из опытных и проверенных людей, хорошо знавших местность и население. Со своими помощниками они представляли на временно оккупированной территории Советскую власть и всячески заботились о гражданском населении: выдавали крестьянам различные документы и справки, помогали проводить сельскохозяйственные работы, созывали собрания и принимали решения по тем или иным вопросам.

Вот почему эти вопросы так беспокоили подпольный райком партии и нас.

Но наше совещание на этом не закончилось. Совсем неожиданно начальник разведки Корабельников предложил «добавочную порцию» для Готберга.

Дело в том, что мы имели точные данные о расположении воинских частей, разведывательных и контрразведывательных фашистских органов в самом Полоцке и ближайших к нему населенных пунктах. Мы знали, где, на какой улице, в каком здании находится та или иная часть, то или иное учреждение. Это и вызвало у Корабельникова естественное желание во время операции «Нюрнберг» как бы в ответ немцам совершить какую-нибудь крупную диверсию в Полоцке или по соседству с ним. Пусть мы будем не только обороняющейся, а и нападающей стороной.

Корабельников развернул свой небольшой самодельный чертеж и сказал:

— Глядите, какая добыча! Объекты — один заманчивее другого...

Мы молчали, так как представляли себе всю заманчивость, но неосуществимость еще не высказанного предложения начальника разведки. А он продолжал:

— Вот, смотрите! В Доме Красной Армии живет большая группа сотрудников абвера. На Советской улице и на улице Фрунзе расположилась жандармерия. За Западной Двиной в пятнадцатой школе — фельдкомендатура.

— Что ты нам душу выматываешь? — не удержался Кривский.

— Ага, значит, сам понимаешь, — торжествующе парировал Корабельников. — Тогда могу еще доложить и про первую и про вторую Боровухи. Там фрицы заполнили пять наших школ. Пять! — И он для убедительности вытянул ладонь с растопыренными веером пальцами.

— Итак, Павел Алексеевич, — задумчиво сказал Никитин, — твоя сумбурная речь сводится к одному...

— Не к одному, а ко многому, — перебил его Корабельников.

— Ты, очевидно, предлагаешь в ответ на операцию «Нюрнберг» одновременно или поочередно взорвать к черту все перечисленные тобой объекты, — улыбнулся Глезин и вопросительно поглядел на меня. — Думаю, что нам сейчас не до этого.

— Да, мы не можем распылять свои силы, — согласился я с Глезиным, — рисковать нашими подпольщиками в Полоцке. Да и времени нет на подготовку всего, что предлагает Павел Алексеевич. Вы же знаете, что подготовка даже одной диверсии, взрыва или поджога всегда требует много времени и усилий. Готберг уже двинул войска, и нам предстоит немало срочных хлопот.

— Причем в самые ближайшие дни, — добавил Никитин.

Корабельников уже, видимо, понял неосуществимость своего предложения, но отказаться от него было трудно, и он смущенно пробормотал:

— А если бы сочетать... Здесь бой, а там — взрыв...

— Заманчиво, ой как заманчиво, — не то иронически, не то с огорчением произнес Никитин. — Но строить воздушные замки, значит... Впрочем, тебе, надеюсь, понятно? — уже мягко спросил он Корабельникова.

— А чертежик свой сохрани, — посоветовал я. — Он нам еще пригодится.

— Вы думаете?

— Не думаю, а уверен. Начальник разведки тоже должен быть в этом уверен. И не печалься. Ты же знаешь, что все эти сведения мы уже переслали в Москву. Глядишь, и без нас летчики разбомбят твои объекты.

Поднявшийся со своего места Глезин с неожиданной мечтательностью произнес:

— Эх, друзья мои!.. Придет время, и мы с вами еще как-нибудь соберемся опять вместе... Не в землянке конечно, а в обычной квартире... Соберемся и вспомним все, что пережили, что сделали...

В землянке стало тихо. Слышно было, как гудит и мечется в печурке огонь да постреливают сучки в поленьях.

А я продолжал думать о том, о чем мы только что говорили. Это, конечно, невозможно, немислимо, но хотелось предусмотреть буквально все, все хитрости гитлеровцев и каждый наш шаг. Надо было сделать так, чтобы не только сохранить свою живую силу и вооружение, но и уничтожить в ходе этой операции как можно больше фашистов.

После тщательной подготовки, сосредоточившись на избранных направлениях, гитлеровцы наконец приступили к осуществлению операции «Нюрнберг».

Напомню еще раз: главной целью фашистского командования был разгром партизанских отрядов на севере Белоруссии. На северо-западе наш партизанский край граничил с Латвией, на северо-востоке с Калининской областью, а в южной его части находился весьма важный для противника в стратегическом отношении город Полоцк. Здесь, как известно, сосредоточилось одиннадцать партизанских бригад и два самостоятельных отряда. Главный удар против этих партизанских сил гитлеровцы наносили с северо-запада, от границ Латвии. Они двинули против партизан пять полков СС, четырнадцать отдельных батальонов, несколько отрядов из местных гарнизонов, всего около двадцати тысяч человек с артиллерией, танками, авиацией.

Указанная группировка начала свои активные действия в первых числах февраля 1943 года. Но еще двумя месяцами раньше, нанося как бы отвлекающий удар, оккупанты предприняли наступательные действия с востока, со стороны Витебска и Невеля по направлению Полоцка. В этой восточной группировке насчитывалось около трех тысяч солдат, вооруженных кроме стрелкового оружия минометами, легкой артиллерией, танками.

Первыми приняли на себя удары наступающих с востока фашистов партизанские отряды Александрова и Афанасьева, а также соседствующая с ними бригада Фалалеева.

И Александров и Афанасьев — опытные партизанские командиры.

Анатолий Константинович Александров, среднего роста, полный сорокалетний человек, был офицером Красной Армии. Под Вязьмой попал в плен, бежал и вступил

в бригаду. Показал себя смелым, грамотным воином и был вскоре назначен командиром отряда, где проявил себя с самой лучшей стороны.

Илья Дмитриевич Афанасьев был лет на десять моложе Александра. Не имея специальной военной подготовки, он быстро овладел партизанскими методами борьбы. Отряд под командованием Афанасьева снискал себе добрую славу в бригаде.

Несколько слов о комиссарах этих отрядов.

В отряде Александра комиссаром был двадцатитрехлетний Иван Иванович Мартинцев, посланный в тыл врага по заданию ЦК ВЛКСМ. Внешне он ничем не выделялся среди окружающих. Скромный, даже излишне застенчивый Мартинцев вел себя так, будто стеснялся командовать и приказывать. Но мне не раз приходилось наблюдать, как мягко, но настойчиво, убедительно разговаривал он с партизанами. Невысокий, круглолицый, он в такие минуты походил на сельского учителя. Но в бою становился неузнаваемым. Обычно тихий голос комиссара звучал тогда громко и страстно. А если фашисты начинали теснить партизан, комиссар не только словом, а и личным примером^{*} показывал, как надо драться.

Комиссар отряда Афанасьева Виктор Михайлович Барсуков был чуть постарше Мартинцева, но отличался тоже удивительной смелостью и решительностью. Он вел большую партийно-политическую работу и успешно участвовал во многих боевых операциях.

И вот в декабрьские дни 1942 года на долю отрядов Александра и Афанасьева выпали тяжелые испытания. Им первым пришлось принять удары карателей.

Вражеские колонны лавиной двигались по шоссе и грунтовым дорогам. Но партизаны не ждали, пока фашисты нагрянут на их стоянки. Как и было намечено по плану, они выбирали наиболее удобные места, устраивали засады и били гитлеровцев на всем пути их продвижения. Иногда партизаны навязывали противнику упорные бои и заставляли его развертываться там, где это было ему невыгодно. Ударной силой в таких случаях у врага были танки. А мы имели против танков только бутылки с горючей смесью, противотанковые гранаты и ПТР. Но в умелых руках и эти скромные средства — хорошее оружие. То тут, то там голубоватые

струи пламени охватывали фашистские бронированные машины с черно-белыми крестами на бортах. С лязгом слетали с катков гусеницы, и танки вертелись на месте, взрыхляя снег и покрывая его черно-бурой копотью.

Затем обычно начинался артиллерийский обстрел. Снаряды и мины с визгом и воем рвались на дорогах и в лесах, вспахивая покрытую снегом землю, секли и кромсали деревья. Пятнадцать — двадцать минут длился этот огненный смерч, после чего фашистские солдаты опять шли вперед, стремясь выбить партизан с занятых рубежей.

Во время этой операции мы часто устраивали минные поля и лесные завалы. Гитлеровцы боялись их, знали, что партизаны нередко практикуют огневые налеты как раз в тот момент, когда противник натывается на минное поле и останавливается. Но мы, к сожалению, не были богаты взрывчаткой. Мины ставили главным образом на тех участках, где видели наступающего противника или точно знали о его приближении. Иногда же, не закладывая мин, оставляли лишь следы, свидетельствовавшие о пребывании минеров. Этого было достаточно, чтобы заставить фашистов остановиться, а затем повернуть и искать другой дороги. Особенно нам удавалось путать врагу карты, когда разведчики-подпольщики или просто местные жители, «случайно» оказавшиеся в зоне наступления противника, по нашей просьбе вели оккупантов к определенным участкам и показывали: «Вот там партизаны заминировали, будьте осторожны». После этого противник менял направление своего наступления, наткнулся на наши засады, а это только и требовалось.

Вспоминается такой эпизод. Отряд карателей, только что выйдя из села, двигался по узкой лесной дороге. Впереди и позади, прикрывая пехоту, медленно ползли танки. Группа наших партизан, замаскировавшись в лесу, ожидала приближения вражеской колонны. Павел Студнов, отличавшийся смекалкой и инициативой, несколько раз нетерпеливо поднимался на локтях, словно готовился выскочить из-за деревьев и один на один сразиться с врагом. Не выдержав, он подполз к Александрову и горячо зашептал в ухо:

— Товарищ командир!.. Давайте с маху ударим по переднему и заднему танкам. А когда они задымят, пусть ребята косят гадов.

Александров согласился. Вскоре партизанские гранаты сделали свое дело — фашистские танки задымили. В тот же миг отряд открыл огонь по вражеской пехоте. Гитлеровцы заметались. Их разили меткие партизанские пули. А когда открыли ответный огонь, то партизан уже не было, они «растворились» в лесу.

Об этом случае мне, как всегда неторопливо, рассказывал сам Александров.

— Я иногда думаю так, — сказал он. — Командирский опыт дело хорошее. А партизанская смекалка — она вроде кирпичиков, фундамента для этого опыта.

За время войны я не раз убеждался в правильности этих слов. Очень много операций мы разработали и осуществили именно с учетом мнения и предложений рядовых партизан. Они хорошо знали местность и всегда умели найти «щелочки» в немецких рядах. Инициатива бойцов не только подкрепляла и развивала то, что задумывало командование, но и зачастую сама становилась источником новых замыслов.

С огромным вниманием и большим волнением следил штаб бригады за боевыми действиями отрядов Александрова и Афанасьева. Эти опытные командиры с честью выполняли свой долг и дрались хорошо. Но обстановка на участке их отрядов все усложнялась. Еще до начала боев мы отлично понимали, что эти отряды не в состоянии остановить наступление немцев. Их задача, как уже говорилось, заключалась в том, чтобы сперва нанести короткие огневые удары с выгодных рубежей, а затем просочиться между боевыми порядками противника, оказаться у него в тылу и развернуть там беспощадную партизанскую войну.

Между тем отряды Афанасьева и Александрова, как ни старались, не смогли пока пробиться в фашистский тыл: немцы наступали очень плотными колоннами, кроме того, не всегда точно срабатывала разведка, а открытая местность не позволяла партизанам ни маскироваться, ни маневрировать. Гитлеровцы сразу обнаруживали движение отрядов и открывали такой огонь, что нашим товарищам приходилось туго.

Тогда в помощь Афанасьеву и Александрову мы решили послать в качестве начальника разведки Николая Ивановича Горбунова.

К нам в бригаду он пришел в июне 1942 года, бежав

из плена. Сначала Горбунов был рядовым и проходил «проверку боем». Затем стал разведчиком — инициативным, смелым, изворотливым. Мы с Корабельниковым решили, что Горбунову по силам возглавить разведку этих двух отрядов.

Вызвав Николая Ивановича в штаб бригады, мы детально проинструктировали его. Горбунов внимательно выслушал наши советы и наставления, крепко пожал нам руки и двинулся в путь. Маршрут он знал хорошо, ориентировался в пути даже без карты. Мы были уверены, что он благополучно доберется и выполнит трудное задание.

И действительно, Горбунов вместе со своими разведчиками нащупал наиболее уязвимое место противника, после чего Александров и Афанасьев, посоветовавшись с Фалалеевым, разработали план прорыва.

Таким местом, по данным разведчиков, являлась станция Алеша, расположенная на линии железной дороги Полоцк — Дретунь — Невель. Гитлеровцы считали, что здесь партизан быть не может, и чувствовали себя относительно спокойно. Тем неожиданнее было для них появление «руссише партизанен».

Наши незаметно сосредоточились неподалеку от станции и открыли огонь из всех видов стрелкового оружия. Ответный огонь был сначала слабым, но постепенно стал нарастать. Бой продолжался минут сорок и закончился прорывом отрядов Александрова и Афанасьева. Теперь два отряда бригады «Неуловимых» получили возможность бить наступающих немцев с тыла.

В этих боях, развернувшихся восточнее Полоцка, мы за два месяца нанесли большой урон противнику. По самым скромным подсчетам, гитлеровцы потеряли за декабрь — январь не менее тысячи солдат и офицеров, не считая убитых во время взрывов и поджогов.

Но самые напряженные и тяжелые бои развернулись в феврале — марте 1943 года, когда от границ Латвии двинулась на партизан двадцатитысячная фашистская орда, располагавшая помимо артиллерии и танков еще и авиацией. Мышиного цвета колонны заполнили дороги Белоруссии. Гитлеровцы тщательно прочесывали леса, а места предполагаемого расположения партизан под-

вергали жесточайшему артиллерийскому обстрелу и бомбежкам.

Над партизанами северной Белоруссии нависла серьезная угроза.

В эти тревожные дни, в начале февраля сорок третьего года, в наш партизанский край прибыл уполномоченный ЦК компартии Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения Александр Федорович Бардадын. Когда начались бои, он создал штаб по руководству боевыми действиями бригад и отрядов, находящихся на территории партизанского края и примыкающих к нему братских республик. В состав штаба вошли представители партийных организаций и некоторые партизанские командиры. Существование штаба помогло координировать действия партизанских бригад, отрядов и подпольных партийных организаций.

Первое время и в этот период наша борьба с карателями носила чисто партизанский характер. Мы крепко держали инициативу в своих руках. Оккупантам буквально не давали житья партизаны, которых они в своих донесениях именовали бандитами. А «бандиты» эти были неуловимыми бойцами, патриотами, верными сынами народа и партии.

...Удачно осуществили партизаны и вторую часть задуманного плана: отвлекая и дезориентируя противника, они просачивались мелкими группами между его боевыми порядками и оказывались в тылу врага. Группы шли болотами и лесами, форсировали мелкие речушки, проползали ночами мимо охранения, бесшумно снимали по пути вражеских часовых и патрульных и, наконец, прочно обосновывались в тылу карателей.

Руководить отрядами, действовавшими в дальних районах, приходилось через связных. Днем и ночью пробирались они в штаб бригады и, получив необходимые инструкции, отправлялись в обратный путь. Такая связь позволяла не только хорошо знать положение каждого отряда, его успехи и трудности, но и своевременно подсказывать необходимую тактику, выбирать маршруты и объекты для огневых ударов и разведывательно-подрывных действий.

Командование и работники штаба бригады не только руководили боевыми операциями, но и сами неоднократно вступали во главе отрядов в схватки с карателями,

участвовали в засадах, минировании, в подготовке взрыва поездов и разрушения мостов. В те напряженные дни мы взорвали усиленно охранявшийся мост на железной дороге Полоцк — Даугавпилс. Группу подрывников возглавлял помощник командира бригады Тимофей Мионович Никитин. Взрывы вызвали неопишущую ярость генерала Готберга. Об этом нам сообщил Карл через Лилю Костецкую. Что касается меня и комиссара Глезина, то мы с ним старались быть на самых решающих участках.

Наиболее тяжелые и упорные бои между партизанами и карателями завязались в марте на реке Свольна. Из бригады «Неуловимых» здесь действовали отряды Грищенко, Никитина, Лученка, Якимова, Щербины и Шинкарева. Вместе с другими отрядами и бригадами нашего партизанского края они под руководством уполномоченного ЦК компартии Белоруссии А. Бардадына создали сплошной фронт, протяженностью более двадцати километров. Позиции гитлеровцев проходили по западному берегу Свольны, в лесной заболоченной местности. Это мешало им применить против партизан самое сильное свое оружие — танки.

Боевое напряжение на Свольне с каждым днем росло. Каратели непрерывно бомбили с воздуха близлежащие населенные пункты, обстреливали из артиллерии участки обороны партизан, неоднократно пытались форсировать реку. Однако партизаны дружным огнем каждый раз отбрасывали оккупантов на исходные позиции. Большую помощь партизанам в этих боях оказывали местные жители. Они снабжали их продуктами, одеждой и всем, чем могли. Иногда вставали в строй на место убитых.

Партизанское командование заслало в тыл наступающим на Свольне гитлеровским войскам пять отрядов и несколько групп разведчиков. Те перехватывали обозы, устраивали засады, минировали дороги, по которым подтягивались немецкие подкрепления.

Одновременно с действиями в тылу врага были проведены и наступательные операции. Партизанская бригада Романова разгромила гарнизон в Лисно, бригада латышских стрелков — гарнизон в Миловидове, бригада Захарова — гарнизон в Моторино. В это же время был совершен налет и на вражеские позиции на

реке Свольна. Бригаде Г. П. Герасимова удалось в двух местах форсировать Свольну и перерезать линию обороны противника. Завязались тяжелые бои. Оккупанты стали подбрасывать новые силы. Положение гитлеровской карательной экспедиции на рубеже реки Свольна с каждым днем осложнялось. Организовать прорыв и выйти на магистраль у фашистов не хватало сил.

20 марта наши разведчики доложили, что противник готовится к отходу. 21 марта карательная экспедиция под прикрытием огня артиллерии и самолетов начала отступать в направлении Себеж, Освея, Кохановичи. Вскоре весь Освейский район был очищен от гитлеровцев.

Чтобы скрыть свои неудачи, фашисты выпустили листовки, в которых утверждали, что партизаны Россонского района полностью уничтожены, что в лесах скрываются только одиночки, а руководитель (они имели в виду А. Бардадына) убит. Но все было как раз наоборот. Фашистским захватчикам не удалось не только уничтожить партизанское движение на севере Белоруссии, но даже ослабить его. Наши подрывные группы, посланные еще до начала операции «Нюрнберг» в самые отдаленные районы, продолжали активно действовать. Всем нашим отрядам, благодаря хорошо поставленной разведке, удалось избежать разного рода «клещей», «мешков» и «котлов», которые готовили для нас гитлеровцы. Мы находили проходы в боевых порядках противника, обходили его фланги и оказывались в тылу, там, где меньше всего нас ждали. Стремясь окружить партизан в Полоцком, Освейском, Россонском районах, оккупанты вскоре почувствовали, что сами попали в невидимый, но осязаемый «котел», где на каждом шагу их караулит смерть. Несмотря на грандиозный размах операции «Нюрнберг» и ее громкое название, хозяевами белорусской земли как были, так и остались партизаны.

Потери и поражения не останавливали генерал-лейтенанта СС фон Готберга. С чисто немецкой педантичностью он продолжал осуществлять карательную экспедицию. Грозные приказы и шифровки из Берлина непрерывно подхлестывали неудачливого вояку. Боясь впасть в немилость, генерал требовал, чтобы командиры частей

сжигали «непокорные деревни», вешали и расстреливали партизан и их пособников, железной рукой устанавливали пресловутый «новый порядок».

По мере продвижения вперед и «очищения» отдельных районов гитлеровцы оставляли в различных населенных пунктах хорошо вооруженные гарнизоны, рассчитывая с их помощью держать в руках население и подавлять малейшие вспышки народного сопротивления. Кроме того, эти гарнизоны должны были служить своего рода опорными базами и резервами, откуда гитлеровское командование могло в любое время черпать пополнение для переброски на угрожаемые участки.

— И эту гитлеровскую карту надо бить! — сказал я на очередном оперативном совещании.

— Но как? — спросил начальник боепитания Михаил Александрович Рыбаков, временно заменивший начальника штаба Кривского, ушедшего на выполнение специального задания.

— Сейчас обмозгуем...

Я раскрыл карту и поделился своими соображениями о разгроме фашистского гарнизона в селе Каменка.

Почему мы выбрали Каменку? Потому что, во-первых, численность этого гарнизона (до 150 человек) давала нам возможность успешно и без значительных потерь очистить село от оккупантов. Во-вторых, из Каменки фашисты установили связь с ближайшими гарнизонами и постоянно взаимодействовали с ними, а для нас было важно нарушить это взаимодействие. В-третьих, налет на Каменку должен был еще раз показать, что, несмотря на хвастливые сообщения оккупантов об уничтожении в этом районе партизан, они на самом деле живут, борются и бьют врага. И, наконец, мы имели в виду еще одно немаловажное обстоятельство. Создавая свой гарнизон в Каменке, вблизи от линии железной дороги, гитлеровцы рассчитывали прикрыть железную дорогу Полоцк — Невель от партизанских подрывных групп.

Взвесив все это, мы и решили совершить налет на Каменку.

Наклонившись над картой, Глезин задумчиво повертел карандаш и наконец сказал:

— Согласен!.. Если обеспечим внезапность, обеспечим и успех.

— Каменка — район действия отрядов Александрова и Афанасьева. Задача им по плечу. Они сами высказывали эту мысль. Пусть ждут нашу команду, — заметил, не отрываясь от карты, Корабельников.

— Хорошо. Готовьте разведчиков. Пошлем наши указания и тому и другому, — заключил я и стал набрасывать текст боевого приказа.

Дальнейшие события развивались так.

Получив приказ, Александров и Афанасьев установили связь с отрядом Щербакова из бригады Фалалеева. На совместном совещании в деревне Стайки они разработали план налета на Каменку и сформировали объединенный ударный отряд из 220 человек, то есть создали превосходство над силами противника.

В четыре часа утра, когда хмурый зимний рассвет еще не пришел на белорусскую землю, партизаны начали наступать на фашистский гарнизон. В абсолютной темноте и тишине люди шли по глубокому снегу, проваливались в непромерзшие болота. От пятнадцатиградусного мороза и порывистого ветра коченели руки и лопали спины. Многие бойцы промокли до пояса, одежда на них задубела.

Передовой отряд Александрова вел партизанский проводник Петр Иосифович Журидов — житель деревни Стайки, хорошо знавший здешние места. До прихода оккупантов он работал лесником и облазил в лесах и на болотах каждый уголок. Этот крепкий, не старый еще мужчина уверенно вел отряд к цели.

Но на войне, к сожалению, всего не предусмотреть. Как ни старались партизаны подобраться тихо и незаметно, гитлеровские часовые все же обнаружили их и подняли тревогу. Стысот метров оставалось до исходного рубежа атаки, а немцы уже открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Все три отряда тоже начали стрельбу, однако важное преимущество — внезапность было потеряно. Три часа продолжался огневой бой. Три часа партизаны, лежа на снегу, обстреливали гитлеровский гарнизон. Дважды поднимались в атаку. Но сломить сопротивление немцев, опоясавших Каменку дзотами, не смогли.

Время шло. Стало светать. У партизан иссякали боеприпасы. А гитлеровцы тем временем подтянули подкрепление.

Под огневым прикрытием бойцов Александрова отошли отряды Афанасьева и Щербакова. Потом отошел и Александров.

Посоветовавшись, командиры решили применить другую тактику: непрерывно тревожить противника, систематически обстреливать Каменку и истреблять подходящие подкрепления. Это было правильное решение. Ежедневные налеты держали оккупантов в постоянном напряжении. Они зарылись в землю, боялись высунуть нос, чтобы не попасть под автоматный или пулеметный огонь. Фактически они оказались в «мешке».

В Каменку из Дретуни не раз прибывали расчеты фашистских минометчиков. Выпустив несколько десятков мин по невидимым целям, они возвращались в Дретунь. Но на обратном пути их обычно ожидали сюрпризы: партизаны успевали минировать дороги, и грузовики с гитлеровцами взлетали на воздух.

Видимо, нервы оккупантов не выдержали: они убрали остатки своего гарнизона из Каменки и направили его на укрепление гарнизона в Дретуни.

Эта маленькая победа в ходе общей борьбы с карателями воодушевила и партизан и местных жителей. Бегство немцев из Каменки свидетельствовало, что широко задуманная операция «Нюрнберг» дает все больше и больше трещин, а гибкая тактика партизан приносит свои плоды.

Карательная экспедиция «Нюрнберг» продолжалась непрерывно до марта 1943 года. Фашисты терпели одну неудачу за другой. Подтягивая новые силы и ставя им новые задачи, они придумывали и новые кодовые названия. В районе непосредственно под Полоцком действовала группировка под секретным названием «Рихард». Севернее Полоцка осуществлялась операция под названием «Шнеехазе» — снежный заяц. Обанкротившегося генерал-лейтенанта СС фон Готберга заменили штандартенфюрером СС Ламмердингом...

Десятки раз фашисты «уничтожали» нас в своих приказах и донесениях. Но мы жили, мы воевали за родную советскую землю, и не было такой силы, чтобы уничтожила нас или ослабила наши удары по врагу.

«Неуловимые» вместе с другими бригадами продолжали свою священную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В официальных документах и сообщениях, направляемых в Берлин, оккупанты писали: «Неуловимые» действуют». В ответ — все те же директивы: «Уничтожить!.. Очистить!.. Сжечь!..»

Но ни происки гестаповцев, ни огонь пушек и автоматов не могли сломить народного сопротивления.

ПАРОЛЬ — «ОРЕЛ», ОТЗЫВ — «ОКА»

В штабную землянку стремительно вошел запыхавшийся радист Владимир Пиняев.

— Товарищ комбриг! Срочная радиограмма из Москвы! — громко сказал он и протянул мне небольшой листок бумаги, испещренный множеством цифр.

Корабельников испытующе посмотрел на радиста из-под насупленных бровей.

— Почему ты считаешь, что срочная?

Пиняев еле заметно пожал плечами и пояснил:

— Адресована лично «Неуловимому». Значит, важная и срочная.

Начальник нашей «Белки» знал, что только радиограммы особой срочности и секретности шифровались моим кодом и шли в адрес «Неуловимого». Поэтому-то он и поспешил к нам в землянку, чтобы быстрее передать сообщение из Москвы.

— Ну что ж, — сказал Глезин, — займись, Михаил Сидорович, расшифровкой, а мы пока выйдем в соседнюю землянку, чтобы не мешать тебе.

— И мне можно идти? — спросил Пиняев.

— Иди, Володя, когда будешь нужен, позову.

Глезин, Корабельников и Пиняев вышли, впустив в землянку струю холодного воздуха, а я раскрыл свой планшет, достал кодовую таблицу и стал расшифровывать радиограмму. Цифра за цифрой, буква за буквой, и вот уже перед глазами появились записанные карандашом фразы. Они заставили меня призадуматься.

Текст радиogramмы гласил:

«Неуловимому. Вам подготовлен десант. О готовности принять, сигналах и месте выброски срочно радируйте. Анатолий».

Этим именем подписывался генерал, имевший прямое отношение к руководству партизанским движением и, так сказать, непосредственно опекавший бригаду «Неуловимых». Через него мы тоже держали постоянную связь с Москвой, получали необходимые указания и посильную помощь. Ему же, Анатолию, мы часто посылали сведения о проведенных операциях, разведывательные данные для Верховного Главнокомандования, сообщали о наших успехах и неудачах.

Казалось бы, эти несколько строчек не содержали в себе ничего необычного и волнительного. Однако необходимость принять новый десант ставила нас в весьма затруднительное положение.

За время борьбы в тылу врага нам не раз приходилось встречать десантников и принимать ценные грузы, ведь мы очень нуждались в боеприпасах, взрывчатке, батареях питания для «Белки». Снабженцы и бойцы с нетерпением ожидали соли, курева и, конечно, писем. Да, простых, смятых конвертов или треугольничков, доносивших до нас весточки от родных и близких, оставшихся в далеком тылу, на родной Большой земле.

Ожидая очередной самолет, партизаны обычно говорили о чем угодно: о медикаментах и спирте, которых ждут не дождутся врач Анна Алексеевна Савкова и военфельдшер Александра Никандровна Павлюченкова; о русской махорке или ароматном табачке — хотя бы на две-три закрутки; о новом пополнении — разведчиках и минерах, прибывавших к нам после окончания специальных курсов или с других участков фронта. Не говорили они вслух только об одном, о чем непрерывно думали, что волновало каждого — о письмах. Что дома? Как жены, детишки? Все ли живы, здоровы?.. Письма были зримыми вестниками от любимых, родственников и друзей. Каждый листочек перечитывался десятки раз и затем бережно прятался в карман — рядом с партийным, комсомольским билетом или с горсткой патронов, отложенных про запас.

Встреча каждого десанта доставляла нам много хлопот. Надо было выбрать подходящее место для посадки самолета

та или приема груза на парашютах, подготовить условные сигналы и охрану, все сделать так, чтобы не привлечь внимания фашистов и самим не попасть под удар. А такое, к сожалению, уже случалось. Иногда в намеченное нами место прилетали не советские, а фашистские самолеты...

Почему происходили такие неожиданности? Потому что, во-первых, немцам иногда удавалось по радиосигналам или другим признакам узнавать наши намерения. И тогда фашистская авиация, нередко даже с фальшивыми советскими опознавательными знаками, блокировав «небесную территорию» над партизанским краем, опережала наши самолеты и бомбила нас, после чего мы уходили «пустыми», унося на базу раненых и убитых. Во-вторых, погода часто не благоприятствовала вылету советских самолетов с далеких тыловых аэродромов, а шнырявшие неподалеку фашистские «рамы» засекали наши костры и немедленно вызывали бомбардировщиков.

Но неудачи и жертвы не могли остановить нас, и мы каждый раз делали все возможное, чтобы обмануть немецкое командование и как следует встретить дорогих гостей из Москвы.

Новая радиограмма и обрадовала и встревожила нас. Надо было срочно радировать о готовности принять десант, сообщить сигналы и место выброски. Но сделать это, да еще срочно, не так просто. Уже несколько дней свирепствует пурга, глубокие сугробы начисто завалили все дороги и потайные лесные тропы. После каждого шага на снегу оставались ясно различимые следы, которые привлекали внимание карательных отрядов эсэсовцев, а также специально посланных в леса агентов гестапо и предателей.

Таким образом, выход группы партизан на поиски места приемки десанта представлял определенные трудности и был связан с большим риском.

Но к риску и опасностям мы привыкли. Нас больше волновало другое: Москва требовала радировать срочно, а чтобы найти место, нужно время, хотя бы несколько дней. Ведь не могли же мы, не имея права принимать десант вблизи штабного отряда или неподалеку от расположения других отрядов. Значит, надо отправляться в далекий путь, чтобы найти удобную, незаметную поля-

ну, густо окруженную со всех сторон деревьями, да выбрать к тому же несколько маршрутов для подхода и на всякий случай для вынужденного отхода.

Когда Глезин и Корабельников вернулись в штабную землянку, я прочитал им радиограмму и спросил, имеются ли у них какие-нибудь предложения.

— Какие могут быть предложения, — сказал Глезин. — Приказ есть приказ, и мы обязаны выполнить его.

— Что верно, то верно, — подтвердил Корабельников. — Только время уж больно неподходящее.

Мы все понимали, что в нашем деле трудно ждать подходящего времени и подходящих условий.

— Объявить бы временную передышку, — в шутку сказал комиссар. — Вот тогда все будет в порядке!

Все невольно улыбнулись, а Корабельников, поддержав шутку, предложил:

— Тогда и разведчиков посылать незачем. Пусть гости летят и приземляются на ближайшем аэродроме. Приготовим оркестр или выступление нашего ансамбля...

— Шутки шутками, однако времени терять нельзя, — заметил я.

После получасового делового разговора мы решили: послать группу разведчиков из сорока человек под командованием отважного, сообразительного офицера — начальника штаба отряда Александра Алексеевича Дюжина и поручить ей найти место для приема десанта — подалее от расположения бригады, где-нибудь северо-западнее Полоцка; вместо обычных пяти костров «конвертом» разложить шесть или семь костров на некотором удалении друг от друга, изобразив созвездие «Большой медведицы»; тщательно проинструктировать каждого разведчика, обязав на память выучить условные фразы и пароль для опознавания приземлившихся десантников.

Такой пароль у нас существовал, и мы с успехом пользовались им.

— Мои ребята не подкачают! — уверенно заявил Корабельников и не удержался от того, чтобы не похвалиться заодно своими знаниями. — Разговор разыгрывается как по нотам. Вот послушайте.

И он процитировал весь текст пароля:

— «Как выглядит Крымская площадь»? Это спрашиваю, конечно, я, — пояснил Корабельников. — Ну, а при-

бывший отвечает: «Площадь не изменилась, как и вся Москва. А в каком доме и в какой квартире вы там жили?»

— И все? — быстро спросил Глезин.

— Нет, товарищ комиссар. Потом я говорю: «Пароль — «Орел», а прибывший отвечает: «Отзыв — «Ока». После этого я подаю ему руку, как товарищу и брату, и веду к своим.

— А если он запнется или не ответит, как положено? — задал каверзный вопрос Глезин.

— Если... если... Тогда разговор пойдет другой — с партизанским приветом, битте-дритте, поднимайте руки или получайте свинец!

Корабельников поправил на себе автомат, будто сейчас предстояло пустить его в ход.

— Может, разрешите мне пойти с разведчиками? — спросил он, поглядывая то на комиссара, то на меня.

— Нет, пойду сам, — ответил я Корабельникову. — В помощники возьму Николая Щенникова. К утру отберите, как решили, сорок бойцов, да таких, что не подведут.

— Многие из наших уже принимали десанты, — напомнил Корабельников, явно огорченный тем, что ему придется остаться на базе.

— Вот из них и сформируйте отряд, — распорядился я. — К рассвету все должны быть готовы.

Мы развернули карту и стали прокладывать маршрут на северо-запад от Полоцка и нашей основной базы в районе села Зеленка. Почти сплошные зеленые массивы пересекали только голубые пятна и тоненькие жилки озер и речушек, да резко выделялись длинные красные полосы железнодорожных путей.

— Если идти вдоль речки Чернейки, — рассуждал вслух Корабельников, — то на пути встретятся населенные пункты Лукавцы, Глисновка, Жуково... Дальше надо переправиться через Дриссу и двигаться в обход Церквища, Залесья, Горбунова, Изабилина...

Все перечисленные места были хорошо знакомы. Не раз, организуя встречи с подпольщиками и связными, пробирался я здесь. Сюда же часто хаживали наши подрывники, чтобы минировать в самых неожиданных пунктах шоссе и небольшие мосты. Но в последнее время особо активных действий здесь не на-

блюдалось, и, возможно, это обстоятельство в какой-то мере успокоило оккупантов, ослабило их бдительность.

— Хорошо, пойдём в этом направлении, — решил я. — Если благополучно доберёмся сюда, в район села Калачево, то, надеюсь, и место отыщем.

— А там по обстановке, — произнес свою любимую фразу Корабельников. Но тут же спохватился. — А что, если немцы перехватили радиogramму, расшифровали её и узнали, что мы ждём десант?

— Резонное опасение, — вмешался комиссар. — Действительно, если гитлеровцы прочтут шифровку, они немедленно направят во все концы свои войска. Да и наблюдение с воздуха тоже усилят. А нам все это не с руки!

Все мы понимали, что Корабельников прав и нужно принять все меры, чтобы дезориентировать противника или по крайней мере проверить, пеленгует ли он нас и расшифровывает ли наши радиogramмы. Данных об этом у нас пока не было.

— Давайте подбросим гитлеровцам утку, будто мы ожидаем десант прямо на Полоцк, — предложил Корабельников. — Фрицы стянут к городу и его окрестностям свои части, начнут строить оборонительные укрепления, а мы тем временем встретим москвичей в другом месте.

— А как мы узнаем, что немцы съели нашу утку? — вслух подумал Глезин.

В это время в землянку вошли мой помощник Никитин, заместитель начальника штаба Щенников и комсомольский вожак партизанской бригады Давид Файнгелеринт.

Узнав содержание полученной радиogramмы, Никитин без предисловий заявил, что готов пока похозяйничать во время моего отсутствия, но просит по пути повстречаться с нашими разведчиками и подпольщиками. А Давид Файнгелеринт спросил с надеждой:

— Переводчик вам, Михаил Сидорович, случайно, не понадобится?

Помощник комиссара по комсомольской работе и организатор партизанского ансамбля художественной самодеятельности, Файнгелеринт, зная немецкий и французский языки, выполнял по мере надобности и роль переводчика. Он присутствовал при допросе захвачен-

ных пленных, изучал попадавшие к нам вражеские документы и переписку, а иногда даже готовил по нашему заданию «послания» некоторым фашистским комендантам и командирам.

— На этот раз вам с нами делать нечего. Лучше помогите отобрать в отряд Дюжина несколько боевых комсомольцев.

— Будет сделано, товарищ комбриг! А комсомольцы у нас все боевые. Взять хотя бы...

— Ну-ну, сейчас начнешь перечислять всю комсомольскую организацию, — добродушно прервал Давида комиссар. — Так на чем мы остановились? Кажется, на утке...

— Точно, — охотно подхватил Корабельников. — Разрешите доложить...

Мы договорились так: пока я с группой буду двигаться в намеченный район, Смирнова, Костецкая и Карл успеют сообщить, реагируют ли гитлеровцы на наши радиogramмы о предстоящем мнимом десанте на Полоцк. Зная это, легче будет принимать дальнейшие решения.

— Вот тут-то, товарищ Корабельников, ты и прояви максимум оперативности, — подсказал Глезин.

Первую радиogramму решено было отправить немедленно. Наутро нашей группе предстояло двинуться в путь. Через три дня в лесу неподалеку от поселка Казаково нас встретит заранее предупрежденный связной Друца — один из опытных разведчиков и подрывников, знавший местность и имевший добротные сделанные «документы прикрытия». В этих документах значилось, что Друца работает на станции Оболь и по делам службы имеет право беспрепятственно передвигаться по железной дороге и с помощью подручного транспорта. Если Друца сообщит, что гитлеровцы расшифровали нашу радиogramму, то мы передадим в Москву, что принять десант в настоящее время не можем. Или направим наши предложения с Кривским, которому предстоит через день-два в сопровождении связных и легкораненых пересечь линию фронта и двигаться в столицу. Если же Карл передаст, что никаких приготовлений фашистов к встрече десанта не заметно, мы дадим Москве координаты «аэродрома», условные сигналы и организуем встречу.

— Итак, Павел Алексеевич, — обратился я к Корабельникову, — тебе предстоит немало работы. Подготовь Друцу. Организуй встречи с подпольщиками в Полоцке... Минут через двадцать пришли ко мне радиста.

— Что же ты все-таки напишешь? — поинтересовался Корабельников.

— Думаю, подойдет такой примерно текст: «Ждем десант на Полоцк. Подробности сообщим дополнительно».

— А в Москве разберутся, что к чему? — усомнился Никитин.

Все сошлись на том, что, получив такую радиограмму, в Москве поймут главное: мы начали подготовку к встрече десанта. Упоминание же города Полоцка будет расценено как ошибка, и при необходимости нас обязательно запросят, чтобы уточнить пункт приема десанта.

В ту ночь спать пришлось мало. Удастся ли обмануть гитлеровцев и благополучно принять десант? Что если фашисты подготовили нам встречу не только в Полоцке, а и в самых дальних районах?.. Сумеет ли Кривский попасть в Москву?.. Справится ли без него Щенников с обязанностями начальника штаба бригады? Впрочем, Николай неплохо показал себя и в боях, и в разведках, и в разработке планов очередных операций...

Все эти мысли одолевали меня. Несколько раз я поднимался и выходил из землянки. В засыпанном снегом лесу по-особому темны зимние ночи. Где-то далеко проскакивают по небу то ли ломаные пики зарниц, то ли отблески артиллерийских разрывов. Надрывно гудит невдалеке самолет. Возле землянки переступает с ноги на ногу часовая... Привычная, до боли знакомая картина.

Ранним утром Дюжин выстроил в две шеренги сорок бойцов и перед фронтом доложил мне, что люди вооружены, снабжены сухим пайком и к походу готовы. Легко вскинув руку к шапке-ушанке, он молодецкато пристукнул каблуками и закончил рапорт обычной фразой:

— Докладывает лейтенант Дюжин.

Лейтенант!.. Да, он служил лейтенантом в одной из частей 3-й ударной армии, но в начале 1942 года под Великими Луками попал в плен. Однако пробыл там недолго. Уже в июне, обманув немецкую охрану, бежал и после долгих мытарств установил связь с партизанами

бригады «Неуловимых». Здесь Дюжин блестяще показал себя, много раз совершал вылазки с подрывниками, был трижды ранен, но эвакуироваться в тыл, на Большую землю, отказался. Назначая его командиром отряда, выступавшего на поиски места для приемки десанта, я был уверен, что сделал правильный выбор...

Дружеские рукопожатия, короткие пожелания успеха, и наш отряд тронулся в путь.

Выход на операцию, как я уже упоминал, мы использовали и для встреч с нашими разведчиками и подпольщиками. Через них я узнал, что гитлеровский гарнизон в поселке Заенки не увеличился, что солдаты и офицеры часто ездят на станцию Церковище. Однако дальше, в окрестностях станции Залесье и населенных пунктах Песковатка, Гарбузово и Казаково, оккупанты не показываются и скопления их войск там нет.

Эти сведения были очень кстати, так как связной из штаба бригады Друца должен был встретить нас именно в районе Казаково.

К этому району мы подошли на третий день. Сделали привал. Стрелки часов перевалили за пять. Начало смеркаться. Томительное ожидание длилось около двух часов. И вот наконец передо мной вытянулся Друца — высокий брюнет в темном пальто.

— Так что прибыл по расписанию, товарищ комбриг, — спокойно и весело сказал он.

Друца сообщил, что за время нашего отсутствия Корабельников встречался с полоцкими подпольщиками и выяснил: никаких сведений насчет предполагаемого десанта в штабе генерала Готберга нет. Ни полиция, ни служба СД ничего, очевидно, не знают и занимаются обычными делами. Карл подтвердил, что среди немецких штабных офицеров не заметно каких-либо приготовлений к усиленной обороне Полоцка или к посылке специальных команд для обнаружения советских парашютистов.

Я вздохнул с облегчением: враг не запеленговал нашу радиосвязь с Москвой или, во всяком случае, не расшифровал радиogramмы. Можно действовать спокойно и уверенно.

Через два дня мы были уже в районе села Калачево. Обследовав в лесу все ходы и выходы, убедились, что фашистов поблизости нет, и после долгих поисков вы-

брали подходящую площадку для приемки самолета или грузов на парашютах. Поляна шириной в 200 и длиной в 250 метров в густом лесу позволяла относительно безопасно разложить «Большую медведицу» и скрытно разместить бойцов на случай неожиданностей.

Определив наши координаты, я составил радиограмму в Москву и отправил ее с Друцой в штаб бригады. Нахлобучив поглубже свою железнодорожную фуражку, Друца, не торопясь, отправился в обратный путь. А мы занялись подготовкой горючего для костров.

Двое суток мы отсиживались в лесу, а на третью ночь разложили семь костров из нарубленных деревьев и веток. Если Москва приняла и правильно расшифровала наши радиограммы, в середине ночи мы можем ждать прилета друзей.

Однако час проходил за часом, в костры летели новые и новые порции горючего, ярко-оранжевое пламя быстро, с веселым треском пожирало их, а десанта все не было. Мы даже не уловили хотя бы отдаленного гула самолета, который мог кружить где-то неподалеку, разыскивая нас.

Правда, погода выдалась, как назло, препротивная: все небо заволокло темными, низко нависшими тучами, ветер неистово метался между деревьями и вышибал из костров не только искры, а и мелко нарубленные сучья. В такую погоду тяжелому транспортному самолету трудно лететь издалека по неизведанному маршруту. И все же мы нетерпеливо ждали...

Когда в лес стал заползать неуверенный мутный рассвет, а часы уже показывали наступление утра, Дюжин, усталый, обросший щетиной, спросил:

— Что делать с кострами, товарищ комбриг? Как бы чего не вышло...

— Гасите! Бойцы пусть отдыхают. Часовых сменить. Выслать парные дозоры.

Такой же тревожной, бессонной и безрезультатной оказалась и вторая ночь. Опять посреди поляны горели костры, опять тяжелые тучи лежали чуть ли не на кронах сосен, опять все бойцы нашего маленького отряда прислушивались к каждому звуку и шороху. И все напрасно: ни самолета, ни десанта, ни грузов. Когда мы снова погасили костры, Дюжин даже чертыхнулся и, ни к кому не обращаясь, пробурчал:

— Спят они там, что ли? Сколько еще ждать?

Наступила третья ночь, такая же черная и метельная.

— И нынче никого не будет, — с горечью сказал мне Дюжин, прислушиваясь к неумолкающему реву ветра. — Это ведь не из Дретуни и не из Полоцка лететь!

И вдруг схватил меня за руку:

— Товарищ комбриг!.. Слышите?..

Да, я услышал еще далекий, прерывистый гул самолета. Гул постепенно приближался, словно притягиваемый пламенем наших костров. Но сердце у меня болезненно сжалось: доносившиеся до нас звуки больше были похожи на гудение немецких «хейнкелей» или «мессершмиттов».

Что если приближается фашистский самолет? Гасить костры все равно поздно. А если идет свой? Тогда погасшие костры введут советского летчика в заблуждение, и, чего доброго, он повернет обратно.

Эти мысли быстро пронеслись в голове, и я успел только рассредоточить людей и залечь рядом с Дюжиным за двумя сросшимися соснами с толстыми широкими стволами.

Через минуту над поляной огромной птицей пронесся самолет. Вытянув шею и всматриваясь в небо до боли в глазах, мы следили за ним: свой или чужой?.. Машина сделала второй круг, потом третий... Глухой, прерывистый гул бил в уши, от сотрясения воздуха сомкнувшиеся кроны деревьев стряхивали с себя пушистые хлопья снега и осыпали нас холодной пылью. И вдруг!.. Проклятье!.. Повторилось почти то, что произошло в мае сорок второго года. Самолет, взревев мотором, ринулся в пике и сбросил фугасную бомбу. Она угодила в самую середину «Большой медведицы», разметала и погасила костры. Сделав новый заход, фашистский летчик сбросил еще две бомбы. Они упали неподалеку, наполнив лес гулом взрыва и треском падающих деревьев. Кто-то вскрикнул, кто-то застонал...

Дюжин перевернулся на спину, вскинул автомат и со злостью дал очередь. Но фашистский бомбардировщик уже улетел, в лесу стало снова тихо, тихо до боли в ушах.

Несколько человек были легко ранены осколками бомб. Но двое не поднялись, не откликнулись: Петр Романюк и Анатолий Кузнецов.

Подавленные всем случившимся, партизаны тут же неподалеку от «аэродрома», выкопали яму и бережно опустили в нее бездыханные тела друзей. Еще один холмик... Еще одна могила, в которой спят непробудным сном два воина из бригады «Неуловимых».

Я не помню сейчас, какие слова говорил у братской могилы. Наверное, о том, что оба наши товарища пали смертью храбрых за великое дело освобождения Советской Родины. И вечная слава им, рядовым бойцам, участникам всенародной борьбы за счастье и независимость нашей социалистической Отчизны...

Дюжин хотел было дать прощальный залп из винтовок, но мне пришлось остановить его: стрельба сейчас была ни к чему.

Что делать дальше? Где, в чем, когда мы допустили промах, ошибку, оплошность? Каким образом немцы узнали о нашем местопребывании? Ведь по донесениям разведчиков и подпольщиков фашистское командование, очевидно, ничего не знало...

Я — командир, и я обязан был ответить на все эти вопросы. Дюжин и столпившиеся вокруг бойцы испытующе глядели на меня и ждали распоряжений. А я, сидя на заснеженном пне, мучительно ломал голову, стараясь найти наиболее правильное решение.

Прежде всего, сообщать или не сообщать о случившемся Москве? Поразмыслив, я решил не тревожить товарищей в Москве до тех пор, пока не удастся во всем разобраться. В штаб бригады к моему заместителю Никитину срочно отправились двое связных, а весь отряд остался на месте, чтобы с наступлением темноты вновь зажечь костры. В глубине души я был уверен, что десанту помешала плохая погода и что в ближайшие дни самолет появится. Кроме того, думалось мне, — и в этом со мной согласился Дюжин — гитлеровцы не будут дважды бомбить одно и то же место. Скорее всего, сюда примчится какая-нибудь зондеркоманда: немцы, конечно, захотят убедиться, что стоянка партизан обнаружена и люди уничтожены.

В наспех оборудованном лагере мы провели несколько томительных, напряженных суток. Бойцы спали мало: почти все время приходилось дежурить в секретах и дозорах. Я тоже изрядно устал, борода моя превратилась в заскорузлый ледяной ком, глаза болели и слезились.

— Вы бы отдохнули, товарищ комбриг, — несколько раз предлагал Дюжин. Его тоже шатало от усталости, но держался он молодцом.

Но разве мог я отдыхать! Все мысли, вся воля сосредоточились на одном: дождаться десанта из Москвы.

...Меры предосторожности, принятые нами, оказались не напрасными. Дозорные приметили на окраине села Калачево человека. Он долго осматривался, прежде чем углубился в лес. Заподозрив неладное, партизаны задержали неизвестного. Невысокий плюгавый мужичишка назвался Мудрецовым, жителем Полоцка, приехавшим в село якобы для «харчевания».

В то время такие случаи бывали: горожане, страдавшие от недоедания, пытались добывать продукты в селах. Но поведение задержанного выглядело очень странным.

И действительно, через час Мудрецов разговорился. Он оказался бывшим уголовником. Фашисты выпустили его из тюрьмы, завербовали для агентурной работы, присвоив кличку Филин. Шпик уже не раз ходил в села, заводил знакомства с местными жителями, выдавая себя за беженца или за бывшего красноармейца, а потом сообщал полоцкому гестапо сведения о семьях партизан и коммунистов, составлял списки «неблагонадежных».

Пять дней назад Филин получил задание побывать в лесах, окружающих Калачево, Семешки, Якубово, и «понюхать» — нет ли поблизости партизан. О нашем «аэродроме», судя по всему, Филин не знал. Я отправил задержанного в штаб бригады. Но с места решил не сниматься.

С нетерпением ожидали мы возвращения из штаба бригады наших связных. Они принесли записку от Глезина и Никитина. И комиссар и замкомбриг поддержали мое решение ожидать десант. Они сообщили также, что, по данным разведки, в Дретуни расположился немецкий авиационный полк, который ежедневно проводит тренировочные полеты. Фашистские летчики перед отправкой на фронт учатся обнаруживать замаскированные цели и бомбят их. Зафиксировано несколько бомбардировок населенных пунктов и костров, разведенных случайными путниками. По всей вероятности, писали Глезин и Никитин, один из учебных фашистских самолетов обнаружил наши костры, посчитал их за парти-

занскую базу и сбросил бомбы. Что же касается самолета из Москвы, он, видимо, не вылетел из-за плохой погоды.

Связные сообщили еще одну новость: Глезин и Никитин решили через день-два направить к нам радиста Пиняева вместе с «Белкой». Они хотели на некоторое время переменить место радиопередач, чтобы затруднить немцам пеленгацию. Кроме того, присутствие радиста, рассудили товарищи, позволит нам в случае необходимости немедленно связаться с Москвой.

На следующий день мы с радостью встретили Володю Пиняева и группу сопровождения из пяти бойцов.

Предложив ребятам обогреться у костра, я пошел проверять часовых и дозоры.

В ту ночь костры горели долго. Взглянув на часы, я решил было опять гасить их, но ко мне подбежал Дюжин и быстро проговорил:

— Самолет!.. Летит!..

Прислушался. Сначала тишина казалась непроницаемой. Но вот издали донесся гул авиационного мотора — ровный, размеренный. От внезапно нахлынувшего чувства радостного облегчения я с силой сжал локоть Дюжина.

Еще минута, другая... Партизаны, спрятавшись за деревьями, так же как и я, закинули голову и всматривались в небо, начинавшее чуть-чуть сереть. Все тот же вопрос: свой или чужой? — волновал каждого из нас, но теперь мы были почти уверены: летит посланец Москвы. Когда над поляной показался большой транспортный самолет, мы от радости начали кидать вверх шапки, а Дюжин бросился к кострам и стал подбрасывать ветки, чтобы увеличить пламя.

Сделав над поляной два круга, самолет набрал высоту. Сердце у меня колотилось так, что готово было выскочить из груди.

— Наши! — крикнул Дюжин во всю силу легких. От самолета уже отделялись черные точки, превращавшиеся в парашюты с людьми и грузами. Парашюты опускались то слева, то справа, то далеко, то близко, а мы все считали: один, два, три, четыре... Считали и сбивались со счета.

Но вот круживший над нами самолет, приветственно помахав крыльями, набрал высоту и скрылся. Дюжин

с бойцами кинулся разыскивать опустившихся парашютистов.

Прошло немного времени, и передо мной остановился невысокий молодой человек в ватнике и ушанке. Он с явным любопытством разглядывал и меня, и Дюжина, и стоявших рядом с автоматами наготове партизан.

— Как выглядит Крымская площадь? — задал я первый условный вопрос.

— Площадь не изменилась, как и вся Москва, — ответил прибывший парашютист и добавил: — А в каком доме и в какой квартире вы там жили?

Сделав небольшую паузу, я четко произнес:

— Пароль — «Орел».

— Отзыв — «Ока», — так же четко прозвучал ответ.

Значит, все в порядке. Свои!.. Я крепко пожал руку стоявшего передо мной молодого человека, а он, вытянувшись, доложил:

— Старший лейтенант Воробьев. Вместе с группой в четырнадцать человек прибыл в ваше распоряжение. Вам доставлены грузы: продукты, медикаменты, спирт и мешок с письмами. Вот список грузов...

Повеселевший Дюжин поторапливал партизан, стаскивавших мешки и ящики с парашютами в одно место поближе к поляне, а я тем временем разговаривал с Виктором Воробьевым и с каждой минутой все больше убеждался, что Москва прислала нам опытного офицера, способного выполнять самые сложные и ответственные задания. По отзыву Воробьева, все прибывшие с ним десантники были хорошо подготовлены к разведывательно-диверсионной работе.

Теперь можно проинформировать Москву о благополучном приземлении десанта и грузов. Я зашифровал сообщение и приказал Пиняеву отойти со своей «Белкой» в сторону и передать радиограмму. Пиняев быстро выполнил приказание.

Всем бойцам нашего небольшого отряда хотелось поскорее раскрыть мешок с письмами: авось там найдутся весточки и для них. Но мы торопились вернуться на базу, в штаб бригады, поэтому Дюжин, сам сгоравший от нетерпения, распорядился:

— А ну, товарищи, готовьтесь, да побыстрее. На сборы даю двадцать минут.

Не буду описывать всех наших переживаний во время встречи с боевыми друзьями — Глезиным, Никитиным, Корабельниковым и другими. Упомяну только об одной подробности. Мешок с письмами был распакован немедленно. Запуская руку в мешок, секретарь парт-организации Иван Петрович Попов громко выкрикивал:

— Чекурлаев!.. Никольский!.. Телегуев!.. Челноков!.. Ароник!.. Хурнов!..

Услышав свою фамилию, партизан буквально выхватывал письмо из рук Попова, затем отходил в сторону и долго читал-перечитывал весточку от матери, жены, детей, родственников.

Кто из фронтовиков, прошедших по дорогам Великой Отечественной войны, не знает, сколько добрых волнений и радости приносили письма из дому. Кто не знает, что письма потом читались вслух ближайшим друзьям — в окопе, в землянке, на привале. Письма были тем драгоценным боевым зарядом, в котором нуждались все, кто, оставив мирный труд и семьи, воевал на фронтах и в тылу врага.

Попов раздал почту. Получил письмо и я: на Ленинградском фронте погиб старший брат Ефим. Ох и тяжело было мне в тот момент... И все же переломил настроение, взял себя в руки. Не мог я предаваться личному горю, когда видел вокруг счастливые лица моих боевых друзей, получивших весточки из родного дома.

ЭШЕЛОНЫ ЛЕТЯТ ПОД ОТКОС

Не проходило дня, чтобы мы не минировали шоссейные и грунтовые дороги, не пускали под откос поезда с вражескими войсками и техникой, не взрывали мосты и склады... Не было дня, чтобы мы не сообщали подпольному райкому партии, штабу партизанского движения в Белоруссии и Верховному командованию разведывательные сведения, столь нужные на войне.

В отчетах и донесениях все это именовалось сухо и буднично разведывательной деятельностью. Но за кажущейся будничностью вставляли многочисленные факты героизма, бесстрашия и боевого мастерства.

Как правило, каждый партизан являлся бойцом-универсалом: и стрелком-автоматчиком, и пулеметчиком, и разведчиком, и подрывником... В любую минуту он был готов выполнить самое сложное и необычное задание. Однако даже среди «универсалов» постепенно вырастали специалисты по разведке, мастера взрывов и поджогов, осмотрительные и остроумные следопыты. У нас появились свои инструкторы, рационализаторы, изобретатели.

Инструктором подрывного дела был Лев Константинов. Этот молодой худощавый парень закончил в Москве специальные курсы и с большой любовью и мастерством передавал свои знания товарищам. Обучение, конечно, было необычным: не за партой в классе, а на шоссейных и железнодорожных коммуникациях врага. Там «ученики» под руководством своего инструктора, взрывая мосты и дороги, держали боевой экзамен.

Я не оговорился, назвав работой разведку и диверсионные действия. Да, это была повседневная боевая работа бригады, и мы старались выполнять ее так, чтобы фашисты постоянно чувствовали, что советская земля горит у них под ногами. Приведу только две скупые записи из журнала боевых действий и своего личного дневника.

«2 января 1943 года. На линии Полоцк — Молодечно, северо-западнее станции Орехово, пущен под откос поезд с живой силой и техникой противника. Разбиты и сгорели двенадцать вагонов. Операцию совершили Николай Чайкин, Вера Янкова, Иван Ушацкий, Сергей Мазук, Владимир Ушаков, Петр Бабич. Почти все — комсомольцы. Командир группы начальник разведки отряда Мышко — Александр Валентик».

«29 марта 1943 года. На железной дороге Полоцк — Даугавпилс, юго-восточнее станции Свольно, подорван эшелон: четыре вагона с гитлеровскими солдатами и пятнадцать с боеприпасами. Около часа взрывались ящики с патронами и снарядами. Задание выполнили Петр Третьяков, Михаил Хлызов, Лев Лайковский, Василий Зименин, Владимир Шеверда, Борис Васильев. Командир группы Петр Третьяков».

Эти записи точно характеризуют наши партизанские будни.

Активность партизан заметно возрастала, когда мы получали сведения об усиленной переброске фашистских войск по железной дороге, о появлении новых резервов, о подготовке карательных экспедиций, об увеличении числа гарнизонов противника. В таких случаях по особому плану и по указанию из Москвы мы забрасывали в дальние районы разведывательно-диверсионные группы, увеличивали число взрывов, поджогов, нападений из засад.

Практика показала, что разгром небольшого фашистского гарнизона дает меньше эффекта, чем взрыв одного железнодорожного эшелона. От такого взрыва противник лишался солидного количества боевой техники и живой силы, а мы, как правило, несли меньше потерь, чем в открытом бою. Поэтому-то наша главная помощь фронту заключалась прежде всего в активной деятельности подрывников.

За время партизанской борьбы в тылу врага мы

освоили много способов минирования. Отправляясь на то или иное задание, командиры заранее определяли, какой способ в данном случае «сработает» лучше.

В первой книге «Неуловимые» я подробно описал различные приемы работы наших подрывников, но здесь, прежде чем говорить о их деятельности, мне хочется кратко напомнить основное.

Наиболее простым и примитивным был такой способ. Охраняемый своими товарищами, подрывник скрытно подползал к железнодорожному полотну или к балкам моста и закладывал под рельс (в опорную балку) заряд тола. К чеке взрывателя привязывался шнур, длиной примерно 50 метров, подрывник отползал в сторону, забирался в укрытие и часами ждал приближения поезда. Как только передние колеса паровоза достигали места, где находился заряд тола, партизан дергал шнур.

Первое время этот способ действовал безотказно. Однако немцы усилили охрану железнодорожных путей и подходов к ним, стали вырубать придорожные рощи и посадки. Лежать часами неподалеку от насыпи было уже невозможно. Тогда партизаны призвали на помощь «малую механизацию».

Тот же самый толовый заряд скрытно закладывался под рельсы, но уже вместе со взрывателем механического действия. Взрыв происходил от нажима на рельсы тяжести паровоза. Поставив такой «подарок», наши могли сразу же уходить подальше от опасного места, уверенные, что взрыватель обязательно сработает.

Против нашей хитрости немцы применили свою: впереди эшелонов они стали пускать платформы, груженные камнями, булыжником. Вес груза и платформы равнялся весу паровоза. От такого давления наш толовый заряд конечно срабатывал, платформы опрокидывались и разлетались на куски, зато паровоз и вагоны оставались невредимыми.

Помню, собрались как-то наши подрывники. Сокрушенно вздыхая, они сетовали, что «фашист, сукин сын, все же раскусил нашу хитрость и теперь, наверно, посмеивается над партизанами».

— Ничего, товарищи, — успокоил всех Константинов. — Дайте время, что-нибудь придумаем.

В результате коллективных поисков родился новый способ, который кто-то остроумно окрестил «палочкой-

выручалочкой». Теперь партизаны к чехе взрывателя прикрепляли небольшую палочку-стойку высотой до 50 сантиметров. Все было рассчитано так, чтобы ось платформы не задевали стойку, поскольку они расположены выше оси паровоза. Платформы благополучно проходили мимо заряда, зато ось паровоза ударяла в стойку и выбивала со своего места чеху. «Палочка-выручалочка» помогла нам свалить не один вражеский эшелон.

Но прошло несколько недель, фашисты разгадали секрет и этого способа. Они стали приколачивать к платформам щиты или доски, опуская их ниже осей. Щиты задевали за «палочку-выручалочку» и выдергивали чеху, вызывая преждевременный взрыв.

Наши командиры и подрывники с упрямой злостью стали искать новых путей борьбы с врагом.

Вскоре и был найден еще один способ подрыва вражеских эшелонов. Вместо одной «палочки-выручалочки» появились две. Обе насаживались на небольшой деревянный барабанчик, причем вторая палочка-стойка закреплялась под углом 90 градусов по отношению к первой. Получалось что-то вроде колеса с двумя спицами, каждая из которых имела свое назначение. Щиты платформы, как и раньше, ударяли по первой палочке, и она падала, поворачивая барабанчик и поднимая вторую стойку с привязанной к ней чехой. Ось паровоза задевала ее, и взрыв происходил под днищем паровоза.

Мы настойчиво продолжали совершенствовать свою подрывную технику. Нас не совсем удовлетворял и только что описанный мною способ. Ведь мина срабатывала в том случае, если поезд шел в предполагаемом нами направлении. Если же он появлялся с другой стороны, то все наши старания пропадали впустую. Установив это, мы добавили третью палочку-стойку, создав, таким образом, заряд с тремя стойками-спицами. Внешне наша мина все более и более напоминала часть колеса со ступицей. Это «колесо» устанавливалось так, чтобы поезд, идущий в любом направлении, обязательно задевал за среднюю стойку. Вращаясь, она поднимала одну из крайних спиц с чехой. Ось паровоза тут же ударяла по этой спице.

Полоцкие подпольщики сообщили нам, что гитлеровцы просто взбеленились. В бессильной ярости они сме-

няли комендантов железнодорожных станций, некоторых арестовывали, а некоторых предавали суду. Совершать диверсии на железных дорогах становилось все труднее: теперь вдоль полотна, по шпалам и по насыпи почти непрерывно вышагивали патрули, в прилегающих районах размещались замаскированные засады с пулеметами и огнеметами, увеличилось и число собак-ищеек.

Мы время от времени чередовали способы, применяя старые, «забытые», а потом снова переходя на новые. Способы и методы подрыва зависели от графика движения поездов, от плотности охраны и рельефа окружающей местности. Разнообразие методов приносило свои плоды. Только за три месяца 1943 года партизаны бригады взорвали и сожгли 58 вражеских эшелонов с войсками и техникой, следовавших на фронт, разрушили 12 мостов, заминировали десятки шоссежных дорог.

Вот несколько эпизодов из практики нашей разведывательно-диверсионной работы.

Группа подрывников во главе с командиром отряда Иваном Васильевичем Якимовым — человеком спокойным и невозмутимым — получила задание взорвать полотно на железной дороге Полоцк — Даугавпилс и пустить под откос воинский эшелон. Зимней студеной ночью все бойцы надели белые маскировочные костюмы, запаслись взрывчаткой и, попрощавшись с товарищами, быстро заскользили на лыжах среди вековых сосен.

Двое суток почти без отдыха шли лыжники к назначенному участку. Считалось, что охраны здесь нет. Подошли и увидели: по шпалам навстречу друг другу ходят гитлеровские патрули. К ним наведывается, громахая, дрезина, облепленная автоматчиками.

Якимову стало ясно: произвести взрыв в этом месте не удастся. Но возвращаться «пустым» он не привык и решил воспользоваться запасным «адресом». Удалившись от насыпи на достаточное расстояние и держась параллельно ей, группа двинулась в сторону Полоцка. Расчет был прост: вблизи крупных населенных пунктов и укрепленных гарнизонов фашисты меньше всего опасались появления партизан и зачастую ослабляли бдительность. Сюда, мол, «бандиты» не сунутся.

Однако группа Якимова «сунулась». Она обнаружила не охраняемый участок железной дороги и решила осуществить задуманное.

Дело было ночью. По крутому заснеженному склону Якимов и два подрывника скатились к насыпи и подползли к рельсам. Быстрыми привычными движениями заложили заряд, а к чеке взрывателя привязали длинный шнур. Все готово, можно ползти наверх. И вдруг подрывники услышали немецкую речь: по шпалам брели фашистские автоматчики. Заметят или нет? Партизаны, затаив дыхание, притаились на снегу. Автоматчики, медленно переставляя ноги, прошли дальше. Якимов облегченно вздохнул: все в порядке, теперь остается набраться терпения.

Рассвет наступал медленно, нехотя. Посвистывала поземка, крупные хлопья снега сыпали на землю, закрывая и заматавая все вокруг.

Но вот издали донесся неясный шум, затем воздух прорезал паровозный гудок. Якимов предупреждая поднял руку. Еще минута-другая, и из снежной мглы показалась темная громада поезда. Паровозные фары освещали путь.

Только чутье и натренированность подрывника подсказывают ему тот почти неуловимый момент, когда надо выдергивать чеку. Заметив, что передние колеса паровоза приближаются к «обработанному» месту, Якимов с силой дернул за шнур. Многоголосое эхо взрыва потрясло окрестность. Паровоз с мгновенно погасшими фарами повалился набок, а теплушки с гитлеровскими солдатами и артиллерийскими орудиями начали гореть, с треском наползая друг на друга.

Дело сделано. Казалось, можно уходить. Однако к месту взрыва с шоссе бегут солдаты, над горящими теплушками кружит, четко вырисовываясь в небе, вражеский самолет. Значит, надо неподвижно лежать на месте. Иначе заметят, и тогда... С тремя автоматами и несколькими гранатами продержишься недолго! И Якимов лежит. Лежат и два его напарника. Хорошо, что метет метель — за ее завесой надежнее. Только с наступлением вечера в полной темноте подрывники выбрались из своих снежных нор и незаметно достигли леса. А лес — друг и союзник партизана!

Штаб бригады получил лаконичное донесение, а в дневнике боевых действий появилась новая короткая запись:

«Взорван поезд около станции Полоцк, Командир отряда И. Якимов».

Или еще такой случай.

В отряде Алексея Афанасьевича Щербины (бойцы любовно называли его Батей или отцом Алексием за умение копировать речи попов и дьячков) отличался боевым мастерством командир взвода Александр Иванович Лысяков. Он и сейчас, в 1964 году, выглядит молодым и энергичным, а тогда, в дни Великой Отечественной войны, казался совсем юным. Всегда подтянутый, с открытым волевым лицом, Лысяков пользовался непрекаемым авторитетом среди бойцов своего взвода.

Недавно Александр Иванович прислал мне письмо, в котором вспоминает боевые дела давно минувших дней. С его согласия привожу выдержку из письма, поскольку воспоминания Лысякова имеют непосредственное отношение к теме моего рассказа.

«...Мне как командиру взвода и старшему группы дали задание пустить под откос в районе Идрица фашистский эшелон с солдатами, отправлявшимися на фронт. Со мной пошли пять человек — люди малообученные и к нашему делу еще не привычные. Во всяком случае, самостоятельно ставить мины или производить взрывы им пока не приходилось.

Мы прошли больше ста километров, неся на себе два заряда тола весом в 16 килограммов. Никто не жаловался, что тяжело, никто не хныкал. Каждую остановку в пути использовали для учебы: я наставлял ребят, что и как нужно делать. И убедился — новички не подкачают, с ними можно даже черту рога сломить.

К железной дороге подойти было невозможно: она здорово охранялась, а в ближайших районах свирепствовали каратели. Но задание, сказал я ребятам, надо выполнить. В темноте неслышно проползли мы мимо одной гитлеровской засады, поставили на рельсах мину и сразу же подались в лес. Утром зашли в ближайшее село и узнали, что на дороге произошел взрыв (эхо его мы слышали), вместе с паровозом перевернулись и загорелись двенадцать вагонов с фрицами. Сколько их там покалечилось, я, к сожалению, не знаю.

Если помните, Михаил Сидорович, позже товарищ Корабельников послал на то место своих разведчиков из бригады, и они подтвердили, что наша группа сработала так, как и положено партизанам бригады „Неуловимых“...»

Как я уже упоминал, партизанские разведывательно-подрывные группы действовали в разных районах одновременно. Поэтому взрывы происходили каждые сутки — и днем и ночью.

В состав одной из групп входила Валентина Павловна Кленовская. Как и многие женщины бригады, она совмещала обязанности медицинской сестры и разведчицы. Приветливая душевная девушка, Валя в любое время оказывала медицинскую помощь партизанам и местным жителям. Но когда в очередную экспедицию готовились разведчики и подрывники, Кленовская не отходила от командира отряда Михаила Николаевича Мышко: просила, требовала, настаивала послать и ее.

— Вы недооцениваете женщин, — заявила она как-то в запальчивости, когда Мышко попытался урезонить ее и оставить «дома».

— Ну что мне с ней делать? — спросил Мышко меня. — Требуется, а не понимает, что она нужнее здесь! Скажу честно, жалею я ее молодую жизнь. Ведь ребята не на прогулку идут...

Я посоветовал Мышко все же послать Кленовскую на боевое задание, а когда группа вернулась, заинтересовался, как вела себя девушка во время операции.

— На все пять! — воскликнул Мышко. — Боевая дивчина, дай бог ей здоровья и мужа хорошего... после войны.

К сожалению, я не знаю, жива ли и где сейчас Валентина Павловна Кленовская, но считаю своим долгом вспомнить ее добрым словом. Она, как и многие партизаны, заслужила этого.

Чтобы облегчить взрывы на железных дорогах, мы посоветовали некоторым местным жителям устроиться на работу путевыми обходчиками. Они собирали для нас очень ценную разведывательную информацию, а при удобном случае прикрепляли к паровозам или цистернам магнитные мины. Военские поезда и эшелоны врага взлетали на воздух за много километров от места отправки.

Совершали мы и так называемые комбинированные операции. Небольшие подвижные группы не только минировали дороги и взрывали поезда, а и устраивали засады, истребляли мелкие фашистские подразделения, захватывали пленных, обстреливали гарнизоны..

Для примера приведу одну такую комбинированную операцию, осуществленную Александром Дюжиным. В составе его группы были опытные, смелые партизаны: Михаил Колосов, Алексей Тюкалов (кстати, весьма искусный гармонист, душа нашего партизанского ансамбля художественной самодеятельности), старшина Игнат Сердюков, разведчик Иван Бобков и автоматчик Семен Соленов. В помощь им и для выучки придали еще двух молодых бойцов — Николая Литвинова и Михаила Горбатенко.

Группе предстояло много дней действовать самостоятельно в отрыве от основных сил бригады, поэтому, выстроив людей, Дюжин без обиняков спросил:

— Выдержите, хлопцы, или, может, кто в себе сомневается? Не в гости отправляемся...

Никто из бойцов и не пошевелился. Каждый пристально глядел на командира. А Дюжин продолжал:

— Может, кто сомневается, но стесняется отойти в сторону? Товарищи, мол, засмеют. А смеяться, между прочим, тут нечего. Дело предстоит серьезное и лучше сейчас каждому со своей совестью посоветоваться, чем потом оказаться не на месте. Понятно, товарищи, или требуются разъяснения?

— Ясно... Понятно... — раздались голоса.

— Ну раз ясно, тогда запомните: идем на святое партийное дело. Народу служить идем. За Родину!..

Хотя в своих помощниках Дюжин не сомневался, эту речь он произнес не зря. Многодневное пребывание вблизи крупных фашистских гарнизонов и выполнение полученного от командования бригады задания требовали от каждого человека большого мужества, воли, находчивости и физической натренированности. Ночевки в деревнях, забитых полицейскими и гитлеровскими солдатами, были исключены. Поэтому каждый боец взял с собой помимо автомата, взрывчатки, противопехотных мин и ручных гранат изрядный запас продуктов, курено, спички.

Исходным пунктом операции наметили Камзелевский лес, недалеко от крупной станции Бигосово. В этот лес группа пришла благополучно. Дюжин выбрал удобное место — опушку, откуда далеко видна шоссейная дорога. Вплотную к шоссе подступал болотистый кустарник — значит, здесь, на шоссе, можно наметить точку для пер-

вой мины. Вторую мину решили установить на повороте к деревне Гвоздово, куда сворачивали немецкие машины. А третью? Дюжин и Колосов долго осматривали местность. Больше ничего подходящего не заметно. И вдруг Колосов вытянул указательный палец:

— Вон там, глядите... Путевая будка.

— Вижу.

— Не может быть, чтобы патрульные фрицев или проезжие солдаты не заходили в будку погреться или покурить.

— Верно, — согласился Дюжин. — Солдатам выдают по шесть сигарет в сутки, а курить на ветру да на морозе они не мастаки. Что ж, заминируем и будку.

— А пока дождемся ночи, — сказал Колосов и пошел в глубь леса, где их ожидали остальные бойцы.

Ночь выдалась как по заказу — тихая, спокойная, безлунная. Изредка по шоссе проносится запоздавшая машина с погашенными фарами. Заглохнет шум мотора, и снова — ни шороха, ни звука.

По команде Дюжина партизаны, разбившись на группы, быстро поставили мины во всех трех точках, а затем расположились в густом кустарнике. Отсюда они наблюдали за шоссе, за поворотом на Гвоздово и за путевой будкой. Лучшего места не сыщешь: все видно как на ладони.

С наступлением утра шоссе ожило. Из Полоцка на Боровуху проследовали первые машины, затем через короткий промежуток показались грузовики с гитлеровскими солдатами. Первый, второй, третий... В скупых лучах утреннего солнца поблескивали стволы автоматов, нацеленных по сторонам шоссе.

Но что за чертовщина? Машины благополучно проходят, а взрыва нет. Почему? Не сработали заряды? Это исключено. В чем же дело?

Через несколько минут по шоссе побежал четвертый грузовик с солдатами. Вот он ближе, ближе... И вдруг — грохот и огонь. Машина поднялась «на попа», задние колеса отлетели в кювет. Дюжин подсчитал: тринадцать гитлеровцев лежат неподвижно, убиты наповал, семь еще шевелятся. Для первого раза не так уж плохо!..

Подошла пустая грузовая машина. Шофер с двумя солдатами подобрали убитых и раненых и направились

дальше. Однако до города грузовик не дошел: партизаны открыли огонь.

Примерно через час на место взрыва прибыли саперы и стали восстанавливать дорогу, убирать трупы и обломки автомашины. Саперами командовали два фашистских офицера — не то эсэсовцы, не то инженеры. Они ретиво покрикивали на солдат, рассматривали обгорелые части машины, покачивали головой и, конечно, не предполагали, что за ними пристально наблюдают партизаны.

Все происходило как по-писанному. Офицеры вынули портсигары и направились к будке. Вот они на пороге... Вот открывают дверь... Еще один взрыв гулким эхом разорвал тишину. Ни будки, ни офицеров не стало. Саперы, схватив инструменты, поспешно скрылись.

До поздней ночи подрывники просидели в кустарнике, пережидая, пока затихнет движение на шоссе. Следовало опасаться отрядов карателей, которые, несомненно, уже рыщут вокруг.

У Дюжина еще остался запас тола — его берегли для воинского эшелона. На разведку и подготовку ушло несколько дней. Подойти к железнодорожному полотну было не просто: по обе стороны линии лес вырублен, а на насыпи через каждые восемь минут появляются патрули. И все же партизаны сумели поставить заряд нажимного действия. Стали ждать. Вот и поезд. Длинный состав прогрохотал по рельсам и скрылся в темноте...

Вскоре прошел еще один поезд, и снова — ничего. Дюжин даже зубами скрипнул. Потерять четыре дня и четыре ночи, потратить столько сил — и понапрасну! В чем причина неудачи?

Дюжин решил потратить еще одну ночь, но лично выяснить, что случилось. Однако сделать это не удалось — напоролась на охранников.

К утру группа без потерь добралась до деревни Сестренки, где находились бойцы отряда Петра Тищенко, одного из самых опытных и безудержно смелых командиров. Здесь подрывники и встретились со своими друзьями. Стали судить-рядить: идти на базу или попытаться повторить вылазку?

Воспользовавшись тем, что в Сестренках партизаны, между прочим, выплавляли тол из собранных артилле-

рийских снарядов, Дюжин выпросил несколько килограммов «на одну вспышку».

Двое суток готовился он к новой вылазке. Ночью группа бесшумно подошла к еле заметному полотну дороги на главной магистрали Полоцк — Даугавпилс. За три долгих часа в сторону фронта прошли два эшелона с сеном и соломой: впереди паровозов бежали платформы со щитами.

— Все как полагается, — удовлетворенно шепнул Дюжин. — Замаскированные танки и снаряды. Запасаются, сволочи.

Третий эшелон не заставил себя долго ждать. Гитлеровцы, видимо, всерьез готовились к наступательным действиям и усиленно подбрасывали к фронту технику и боеприпасы. «Волшебная палочка» была установлена, когда до подхода поезда оставалось не больше двух-трех минут. Вспыхнуло багровое зарево, загрохотали рвущиеся снаряды, раздавленные вагоны с треском полезли друг на друга...

Так закончился длительный рейд подрывников группы Дюжина — один из многих, осуществленных нами на земле Белоруссии.

★

ПО ЗАДАНИЮ ГЕСТАПО

Совершив очередную разведывательно-диверсионную операцию, в лагерь возвратился один из лучших наших подрывников Павел Семенович Николаев. Это был невысокий двадцатилетний молодой человек с бледным лицом, которое оживляли умные, с легким прищуром глаза. В боевой обстановке, в разведке или на диверсионных заданиях Николаев никогда не терялся, действовал хладнокровно и решительно. Он заслуженно пользовался общим доверием и уважением.

И вдруг...

Впрочем, расскажу все по порядку.

В штабную землянку Николаев вошел вместе со своими шестью товарищами. Эта семерка несколько дней «шуровала» в фашистском тылу, занимаясь взрывами и поджогами.

Я, Глезин и исполнявший обязанности начальника штаба Щенников, как всегда, встретили подрывников с радостью. Николаев был бледнее обычного, щеки его ввалились, но серые глаза смотрели на меня весело и удовлетворенно.

— Товарищ комбриг, боевое задание выполнено! — доложил он и оглянулся на своих спутников. — Группа действовала как требуется.

— Расскажите подробно, — попросил Глезин.

— Могу и подробно, — согласился Николаев. — Мелкое не в счет. А вот главное. Неподалеку от станции Ловша, на линии дороги Полоцк — Витебск, мы подорвали вражеский эшелон, Тридцать вагонов с войсками и техникой.

— В какую сторону он шел? — спросил Щенников.

— В сторону фронта.

Важно было знать, как группе удалось «подкараулить» такую ценную добычу, и мы заставили Николаева рассказать все пообстоятельнее.

В десяти километрах от станции Ловша группу встретила, как и было условлено, наша подпольщица Надежда Николаевна Залядская — жизнерадостная девушка из деревни Дайлидово. Николаев и Залядская обменялись паролями, затем она объяснила и показала, как лучше скрытно подойти к полотну железной дороги.

— Стемнеет, покажу путь еще раз, — пообещала Залядская, — а пока отдохните у нас и послушайте, что мы вам расскажем.

— Кто это мы? — насторожился Николаев.

— Я и моя двоюродная сестра... Да не беспокойтесь, она тоже против оккупантов работает.

В небольшой деревенской хатенке Надю и ее гостей встретила еще нестарая женщина с приветливым улыбочивым лицом и, протягивая партизанам руку, назвала себя:

— Плеханова... Евгения Филимоновна... Будем знакомы...

Залядская и Плеханова сообщили партизанам, сколько поездов ежедневно проходит из Полоцка на Витебск и обратно, каковы график движения и характер грузов, указали месторасположение ближайших гарнизонов и даже проинформировали о настроениях вражеских солдат. На все вопросы Николаева и его товарищей сестры отвечали подробно, со знанием дела, на память называли цифры, фамилии фашистских офицеров и полицейских...

В конце беседы с подпольщицами Николаев поинтересовался, как им удастся добывать такие сведения, живя в глухой деревне?

Евгения Филимоновна улыбнулась и пояснила:

— А мы, знаете, всей семьей одним делом занимаемся. Мой муж, Никифор Васильевич, работает кондуктором на железной дороге и часто сопровождает поезда. Все, что видит и слышит, передает мне. Моя двоюродная сестра Ефросинья Филимоновна Костюченко тоже многое узнает от своего мужа, Степана Гавриловича. Он на станции Полоцк служит. Место самое подходящее...

— Кроме мужей у нас есть сестры, у сестер братья, — вмешалась в беседу Залядская. — Да и сами мы ходим по селам, слушаем, выглядываем, запоминаем...

Располагая графиком движения поездов, Николаев и повел свою группу западнее станции Ловша, чтобы там заложить мину. Сестры Надежда Залядская и Евгения Плеханова показали партизанам кратчайший путь.

— Ну а дальше — дело обычное, — подытожил свой доклад Николаев. — Заряд заложили за полчаса до подхода поезда. Применили «волшебную палочку». Она и сработала.

Он помолчал минуту и добавил с необычно теплыми нотками в голосе:

— Спасибо советским людям, они нам хорошо помогают... Без них мы ходили бы как слепые...

И опустил голову. Я не придавал этому особого значения, просто устал человек, ко сну клонит.

— Поздравляю вас, Павел Семенович, и всех ваших людей с удачей, — сказал я и крепко пожал его руку. — А теперь на отдых.

Но Николаев будто и не слышал моих последних слов. Не выпуская моей руки, он очень тихо и как-то необычно произнес:

— Товарищ комбриг! Есть у меня к вам один небольшой разговор.

— Если небольшой, может, отложим? — предложил я.

— Нет, нет, — словно испугался Николаев. — Лучше сейчас... Только я хотел бы с вами лично... наедине...

— Ладно, беседуйте, — сказал Глезин и направился к выходу. — Меня ждут... Обещал сделать политинформацию... Пошли, товарищи, — обратился он к партизанам.

Мы остались с Николаевым вдвоем. С минуту он помолчал, а затем спросил:

— Товарищ комбриг, скажите по-честному, оправдал я ваше доверие?

Не дав мне ответить, он добавил:

— И вообще, что я за человек, по-вашему?

Признаться, в ту минуту мне показалось, что Николаев болен и бредит — до того странно и нелепо прозвучали его вопросы.

— Все мы считаем вас настоящим советским патриотом, боевым и заслуженным партизаном, — ответил я.

Николаев поднялся и, смяв в руках шапку, снова спросил меня:

— Позвольте задать еще один вопрос... Товарищ комбриг, верите вы мне?

— А как вы сами считаете: верим мы вам или не верим?

— В том-то и дело, товарищ комбриг, что я сам иногда не знаю... А хочу, очень хочу, чтобы мне верили...

В землянке было слышно, как тяжело и шумно дышит Николаев. И тут он произнес такое, отчего у меня по коже забегали мурашки.

— Товарищ комбриг... Так вот... Я пришел к вам в бригаду... по заданию гестапо.

Лицо его побледнело, из глаз покатались слезы, и он тяжело опустился на табуретку.

Ну и дела! Один из лучших разведчиков и подрывников, у которого на счету не один эшелон, и вдруг — агент гестапо... Вот почему он так осторожно и сдержанно вел себя в бригаде! Я не знал, что думать. Самые разноречивые чувства охватили меня: и злость, и удивление, и стыд, и любопытство.

— Вы — фашистский агент?

— Нет... Нет! — в ужасе запротестовал Николаев.

— Но вы ведь сами только что сказали...

— Сейчас, сейчас я вам все объясню, — устало проговорил он и закрыл лицо ладонями. Просидев так минут-другую, Николаев взял себя в руки и начал рассказывать.

Когда на территории Белоруссии появились оккупанты, Николаев, учительствовавший в Полоцком районе, решил бороться с ними в рядах партизан. Но как найти их? Весной сорок второго года он услышал от крестьян, что где-то в округе действуют партизаны во главе с бородатым командиром (я носил в те дни большую густую бороду). Учитель захотел найти партизанский отряд и присоединиться к нему. Он положил в вещевой мешок немного хлеба, пару белья, стал на лыжи и отправился в путь. В районе села Горань его задержал немецкий патруль и доставил к фельдфебелю, который немного говорил по-русски. Тот отправил Николаева в

Н. И. Горбунов

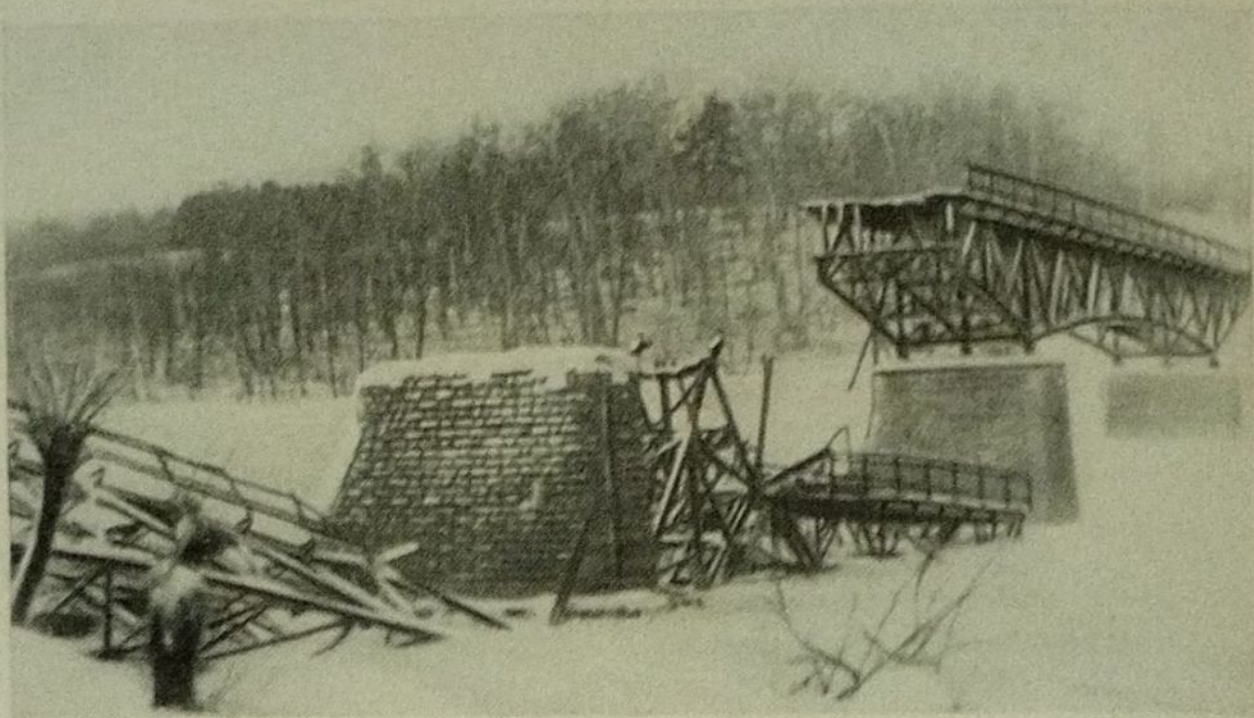
А. Ф. Бордадын

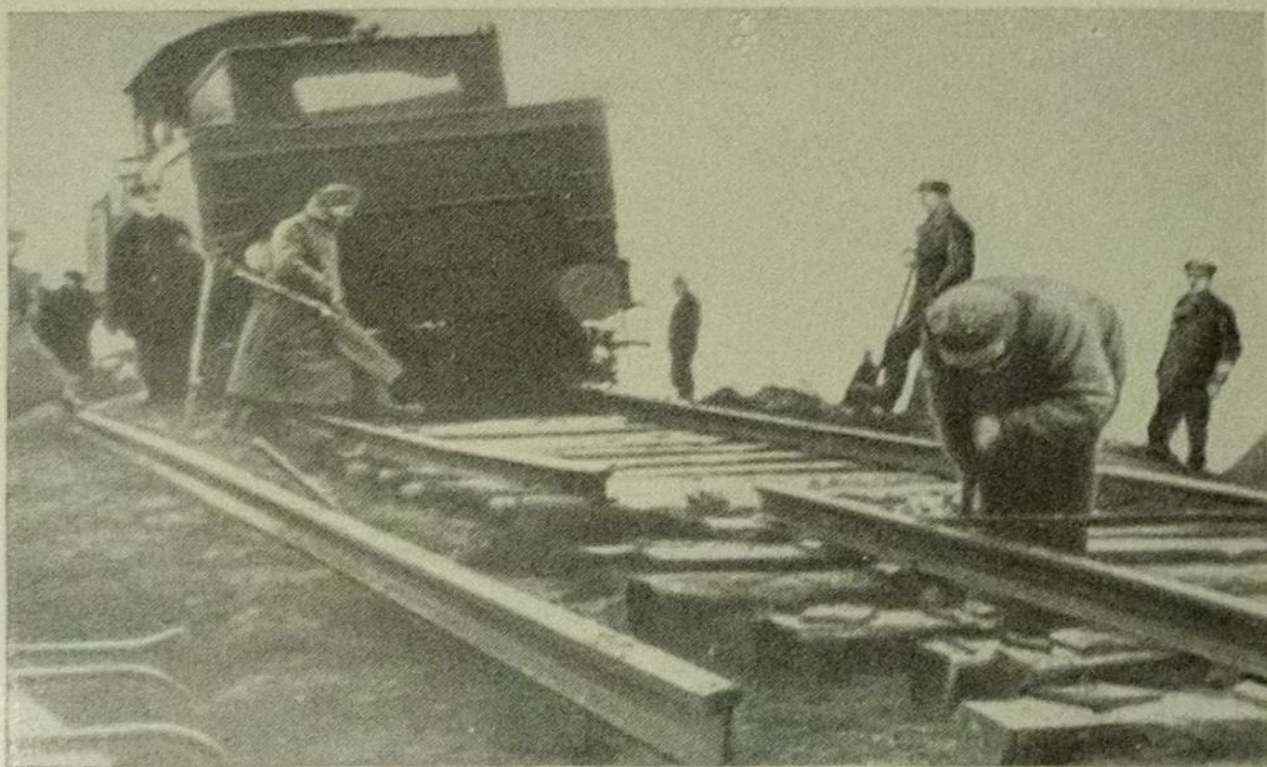
В. Е. Лобанок

Д. М. Файнгелеринт

Партизаны взорвали мост

Оккупанты восстанавливают взорванное полотно железной дороги

комендатуру станции Боровуха-первая, где его придиристо допрашивали, кто он, куда и зачем идет? Николаев объяснил, что жил в Полоцке, но так как работы по специальности не нашел, решил податься в какой-нибудь район, где и устроиться, если не учителем, то хотя бы писарем или на худой конец работником в любую крестьянскую семью.

— Не знаю, поверили гитлеровцы или нет, — продолжал Николаев, — но допрашивавший меня офицер, посоветовавшись о чем-то со своим помощником, прямо спросил: что я выбираю — жизнь или смерть? В тот момент я не до конца понимал, о чем идет речь, но все же ответил, что, как и каждый человек, хочу жить. «Тогда вам придется поработать на пользу великой Германии, — сказал офицер. — Имейте в виду, с такими, как вы, мы не церемонимся. Если обманете, везде вас найдем и повесим». Чтобы выиграть время и сообразить, как быть дальше, я спросил, чем могу быть полезен. И тогда офицер сказал: «Отсюда пойдете в деревню Вторая Осиновка. Там несколько дней назад появилась группа большевистских бандитов на лыжах и куда-то скрылась. Вот мы и поручаем вам найти эту группу, а затем сообщить нам, где она скрывается». У меня было желание сразу же отказаться, но я тут же подумал, что представляется удобный случай найти партизан. Отказаться от такой удачи и убеждать фашистского офицера в своих патриотических чувствах мне казалось ненужной глупостью. Если откажусь, повесят и на этом закончится вся моя «борьба» с фашистами. Если же сделаю вид, что соглашаюсь, то смогу вскоре связаться с партизанами и принести какую-то пользу... Может, вы мне не верите? — спохватился Николаев и испытующе поглядел на меня.

— Рассказывайте дальше, — коротко ответил я.

— Я сказал, что постараюсь выполнить поручение. Офицер обрадовался, даже несколько раз меня по плечу похлопал. Затем стал инструктировать, где искать партизан, как попасть к ним, что надо разузнать и как держать связь.

— Мирно и по-деловому беседовали! — невольно вырвалось у меня.

— Не надо так, товарищ комбриг, — с душевной болью отозвался Николаев. — Дослушайте до конца, а

там — решайте... Этот самый немецкий офицер стал внушать мне, что работать я должен честно и активно. Я иносказательно ответил, что собираюсь работать и бороться только честно и активно. Мы, естественно, разговаривали на разных языках. Офицер имел в виду мою работу на фашистов, а я про себя твердо решил сделать все, чтобы возможно лучше послужить своему народу. Гитлеровец, к счастью, не понял этого и получилось, что мы, вроде, обо всем договорились.

— Предположим, все так, — сказал я. — Но почему вы, придя к нам, не рассказали сразу, что вас задерживали гитлеровцы и дали задание?

— Боялся. Все время боялся, что вы не поверите. Решил — заслужу сперва доверие, а потом все начистую скажу. Слова не утаю. Потому что трудно, тяжело мне вот так жить. И когда выполнил это последнее ваше задание, возвращался назад, то и решил выложить все не когда-нибудь, а именно сейчас! — Николаев тщательно вытер потное лицо. — Воевал и воюю я честно, и моя совесть перед вами, перед Советской властью, перед народом и партией чиста. А раньше вы могли мне и не поверить.

— Это почему же?

— Посудите сами... Вдруг появляется незнакомый человек. Кто он, что он? Говорит, что его направили немцы. А, может, он и на самом деле фашистский агент, предатель? Кто мог заглянуть в мою душу и увидеть, с какими намерениями я пришел? Если бы тогда, в апреле 1942 года, я рассказал то, что сейчас, разве бы вы поверили мне? Скорее всего нет. А доказать тогда свою честность и преданность я не мог ничем, кроме как на словах. И если бы вы приказали расстрелять меня, я принял бы это как должное. Теперь другое дело. Обо мне вы можете судить не только по словам, а и по делам. Я принимал участие в пятнадцати операциях, сам взорвал несколько эшелонов, много раз в разведку ходил, выполняя ваши, товарищ комбриг, задания. Это уже не слова, а факты.

Да, это были факты. Николаев считался у нас одним из лучших среди разведчиков и подрывников. Когда нам предстояло очень сложное, опасное задание, мы обязательно включали в состав участников группы Николаева. И все же я не мог отделаться от понятного подозре-

ния, беспокойства и, если хотите, внутреннего протеста. Ведь этот человек побывал в руках фашистских карателей и гестаповцев, получил от них инструкции и до сих пор, — а прошло много времени! — не обмолвился об этом ни словом. Я не мог, не имел права принять на веру заявление Николаева.

Сказанное им надо было обдумать, посоветоваться с товарищами, наметить какие-то меры проверки...

— Все? — спросил я.

— Нет, товарищ комбриг. Осталось рассказать подробности, которые вам, думаю, пригодятся... Нам всем пригодятся, — добавил он после небольшой паузы и поглядел на меня, словно проверял, считаю ли я еще его своим или невидимая, но резкая грань уже пролегла между нами. — Меня обещали, как я уже докладывал, наградить. Обещали деньги и поездку в Германию, чтобы я своими глазами увидел, как живут «культурные» люди... Тьфу! — смачно плюнул он и тут же сконфузился. — Извините... Не удержался... Офицер предусмотрел и такой вариант. «Предположим, сказал он, вы не найдете партизан и не будете знать, что делать дальше. Тогда приходите в Боровуху-первую и свяжитесь с комендантом Кремсом. Все, что нужно, он будет о вас знать. От него получите дальнейшие инструкции». Но меня предупредили, что к Кремсу можно обращаться только в случае самой крайней необходимости, если мне, например, станет известно о подготовке налета на их гарнизон или о каких-либо других планах партизанского командования.

— Как гестаповцы рассчитывали держать с вами связь, если вас примут в отряд?

— Меня предупредили, чтобы я не спешил уходить из отряда, завоевал доверие, накопил побольше сведений. Офицер особенно интересовался командным составом — кто, откуда, местные или присланные из Москвы... Ну, понятно, хотел знать численность отрядов и вооружение.

Конспиративную связь Николаев должен был поддерживать с жителем деревни Ропно, Полоцкого района, Павлом Баулиным.

Этого типа мы знали. У Корабельникова были о нем необходимые сведения. Как только появились оккупанты, Баулин стал их активным агентом. Старался

вовсю! По его доносам уже много наших людей попало в лапы гестапо. Но нам никак не удавалось взять его на мушку.

— Значит, мы уже знаем две ваши связи, — сказал я. — Кремс... Баулин... Все?

Волнение сдавило Николаеву горло. Он взял кружку с водой и сделал несколько быстрых глотков.

— Нет, не все... Мне дали пароль. Я обязан сказать: «Я послан доктором Венцелем за ответом на мой вопрос». Связной должен ответить: «Это было в Лобке второго апреля».

Мне хотелось верить, что Николаев говорит правду. Да, учитель в свое время струхнул, и немцам показалось, что он — ценная находка. Они его проинструктировали и указали способы связи. Но на встречи со связными Николаев, думалось мне, не ходил и идти не собирался, а угрызения совести старался заглушить, берясь за самые опасные задания. Однако гитлеровцы сами могли попытаться найти Николаева, подослать к нему своего связного... Тут возникала серия вопросов, которые следовало детально разобрать и продумать.

— Значит, вы ни с кем из гитлеровских агентов не встречались? — на всякий случай спросил я.

— Нет, товарищ комбриг. Никого из них в лицо не знаю и не собирался с ними встречаться.

— Хорошо. Можете идти отдыхать.

Николаев встал и, ссутулившись, вышел из землянки.

Вскоре пришел Глезин, а следом за ним Корабельников. Я рассказал им все, что услышал от Николаева.

— Вот это задача! — сказал Корабельников.

Задача была на самом деле сложная. То, что партизан сам, без всякого нажима рассказал, что был в свое время завербован, вселяло доверие к Николаеву. Каждое его слово звучало искренне. А с другой стороны, мы не могли без самой тщательной проверки принять на веру его слова. Мы отвечали за бригаду, за людей, за то, что нам было поручено. Кроме того, в этом деле была и еще одна сторона. Нельзя воевать рядом с товарищем, посылать его в разведку, на задание, если до конца не веришь ему, если есть хоть капля сомнения.

— Хорошо бы встретиться с самим майором Венцелем и потрясти его, — мечтательно проговорил Корабельников. — Хитрая бестия!..

— Эту бестию не так-то просто достать, — отозвался Глезин. — Наши разведчики издали видели его. Сухой как палка, глаза злые, не говорит, а лает... Но черт с ним, с Венцелем... Знаете что... У меня есть такое предложение. Давайте для начала поговорим с Бадоевым.

Хаджибатыр Алиханович Бадоев, высокий коренастый осетин, обладавший огромной физической силой, был сначала рядовым разведчиком, а позднее стал комиссаром отряда Петра Тищенко. Мы знали, что он близок с Николаевым: ест и спит рядом, ходит вместе на задания, часто беседует по душам.

Мы вызвали в штаб Бадоева. О Николаеве он был самого высокого мнения — смелый, искренний, преданный общему делу боец. Лучшего партизана трудно сыскать.

И вот тогда, чтобы отпали последние сомнения, чтобы поверить до конца в человека, который сам готов на любую проверку ради установления истины, мы пошли на самое крайнее — воспользовались для проверки Николаева паролем, полученным им от немецкой разведки.

В деревню Ропно, где Николаева должен был встретить фашистский агент Баулин, решили отправить нашего опытного подпольщика и разведчика Константина Викентьевича Косача. Ему мы поручили играть роль Баулина, не раскрывая существа дела, дали гестаповский пароль и тщательно проинструктировали, как вести себя при встрече. Николаева тоже проинструктировали, как и о чем говорить с «Баулиным», а для визуального наблюдения и проверки направили вслед за Николаевым группу партизан во главе со Щенниковым.

Косач жил в деревне Поташонки, Замшанского сельсовета, Полоцкого района. Он быстро усвоил все, что от него требуется.

В штабе бригады мы договорились: как только Николаев направится обратно в лагерь, я выеду другой дорогой на встречу с Косачом. До тех пор Николаев не должен видеть меня.

Встретился я с Косачом в деревне Осиповка. На ее окраинах и в ближайших избах разместились бойцы охраны. Косач принял меня с довольной улыбкой на широком лице. По ней я понял, что задание он выполнил удачно. Вот что рассказал мне Косач-«Баулин».

В намеченном месте, на окраине деревни Ропно, он повстречал Николаева (описание внешности у него имелось) и взглядом пригласил подойти поближе. Между ними произошел такой диалог.

Николаев. Мне нужен Баулин Павел Осипович.

Косач. Я и есть Баулин. Здравствуйте. Чем могу служить?

Николаев. Я послан доктором Венцелем за ответом на мой вопрос.

Косач. Это было в Лобке второго апреля.

После обмена «любезностями» Косач увел Николаева в безопасное и безлюдное место, в пустовавший на отшибе амбар для колхозного зерна, и здесь между ними состоялся «деловой» разговор. На вопрос Косача: «Чем, молодой человек, можете порадовать?», Николаев неторопливо, последовательно, почти дословно стал рассказывать все, что мы ему поручили. На второй вопрос «Баулина», почему так долго не появлялся, Николаев ответил:

— Прошу передать доктору Венцелю мои извинения, но я попал в сложные условия и не хотел рисковать. Несколько моих попыток не увенчались успехом. Рядом все время находились партизаны. Прошу вас, господин Баулин, ничего не забыть из того, что я вам рассказываю, а еще лучше, если вы запишете. Ведь у меня накопилось очень много интересных сведений. (Эти «сведения» представляли собой, главным образом, дезинформацию о расположении наших отрядов, вооружении, количестве партизан, продовольствия и боеприпасов.)

В общем, Николаев вел себя так, как мы и предполагали, как преданный нам человек.

Я поблагодарил Косача за «артистический талант» и поспешил обратно в лагерь. Здесь вместе с Глезиным и Корабельниковым мы побеседовали с Николаевым. Он полностью повторил рассказ Косача.

Когда Николаев вышел из штабной землянки, Глезин задумчиво проговорил:

— Приятно, когда убеждаешься, что не ошибся в человеке. Как твое мнение, Михаил Сидорович?

— Думаю, все сомнения теперь отпали. Поволновались мы с тобой, Борис Львович, зато теперь душа спо-

койна. Пусть Николаев действует, как и раньше — устраняет гитлеровцам фейерверки.

В эти дни мы снаряжали в дальний поход очередную группу подрывников. Среди бойцов, на правом фланге, стоял, вытянувшись и сосредоточенно глядя на меня, Николаев. Его безмолвный взгляд, казалось, спрашивал: «Теперь-то вы мне доверяете полностью?» Мы встретились глазами, и я утвердительно кивнул.

Ныне, перебирая свои записи и дневники, я часто вспоминаю этого бледного худощавого учителя, ставшего отважным разведчиком, подрывником. После проверки, которую мы тогда устроили, Николаев участвовал еще во многих операциях, и всегда был в числе тех, кем можно гордиться. Фашистскому майору доктору Венцелю, получавшему сводки о взрывах и поджогах, совершенных партизанами бригады «Неуловимых», не раз, наверное, икалось. Ведь учитель Николаев действительно выполнял свое обещание — активно и честно работал... «на пользу» великой Германии.

В конце 1943 года Павел Николаев с группой подрывников отправился в очередной поход. Группа нарвалась на фашистскую засаду и вынуждена была принять бой. Николаев хладнокровно расстреливал из автомата гитлеровские цепи, а когда они приблизились вплотную, бросил несколько ручных гранат.

В этом бою вражеская пуля сразила насмерть Павла Николаева — одного из тех, кто в годы Великой Отечественной войны с достоинством и честью выполнял свой долг перед Родиной.

БОЙЦЫ НЕЗРИМОГО ФРОНТА

Разведчики... Инициативные, находчивые, смелые, они ежедневно добывали драгоценные крупницы сведений, благодаря которым строились планы больших и малых операций. Стекаясь в наш штаб, донесения разведчиков сопоставлялись, анализировались, сводились в одно целое. Создавалась четкая картина положения дел во вражеском лагере, столь нужная командованию Советской Армии. Бригада «Неуловимых» была не просто боевой единицей. Она являлась как бы могучим коллективным разведчиком, действовавшим в глубоком тылу врага.

Высшей радостью и наградой были для разведчиков результаты их трудов: на картах появлялись новые и новые места для налетов и подрывных действий; сбитые с толку гитлеровские каратели попадали под губительный огонь партизанских засад; из-за колючей проволоки концентрационных лагерей вырывались бойцы и командиры нашей армии; предателей настигало заслуженное возмездие; из Москвы, из далеких тылов, вылетали авиационные эскадрильи и накрывали бомбами указанные им по радио военные объекты... В такие дни мы чувствовали себя именинниками.

Наших разведчиков можно было разделить на три категории.

К первой относились начальники разведок в отрядах. В подавляющем большинстве это были коммунисты-чекисты, оперативные работники органов государственной безопасности. Бесстрашные, волевые, не раз смотревшие

смерти в глаза, свято хранившие заветы и традиции отважного рыцаря революции Феликса Эдмундовича Дзержинского, они отличались умением быстро оценивать обстановку и делать правильные выводы из самых, казалось бы, незначительных и неприметных фактов. Никто лучше их не мог установить связь с друзьями в селах и городах или распознать засланных к нам агентов гестапо, абвера и полевой жандармерии.

В трудной обстановке — а она возникала почти ежедневно — чекисты показывали пример мужества и героизма — трезвого, обдуманного, без признаков лихачества и ненужного удальства. Именно им принадлежала инициатива и первичная разработка множества дерзких операций.

Ко второй категории относились рядовые партизаны и некоторые командиры, для которых разведка стала воинской специальностью, родом их боевой деятельности. Лично или при помощи связных они собирали сведения о численности противника, его вооружении и расположении, составляли графики движения воинских эшелонов, находили наиболее удобные места для осуществления подрывных действий и нередко сами же выполняли их. Они часами могли лежать в снежных сугробах или вязких болотах, «висеть» в гуще деревьев, пробираться в самое логово врага, высматривая, запоминая, подсчитывая...

И, наконец, наши разведчики-невидимки, местные жители, бродившие по оккупированной территории «в поисках хлеба», служившие на складах, базах, станциях, в управах и даже в полиции. Они не числились партизанами и не носили оружия. Но они были настоящими бойцами, выполнявшими очень трудные и рискованные задания. Вот о них я и хочу рассказать в первую очередь.

Показательно, что такие люди сами зачастую искали нас, желая участвовать в общей борьбе против ненавистных захватчиков. И случалось, что на нас, партизан, работали целые семьи — отцы, матери, дети и даже внуки. «Семейная» разведка позволяла собирать сведения из разных источников и, словно по цепочке, передавать командованию бригады. И таких разведчиков было много. В конце 1942 года во всех крупных населенных пунктах и даже фашистских гарнизонах, находившихся на

расстоянии 50—100 километров от мест базирования бригады, мы имели своих разведчиков из коренных жителей, добывавших для нас сведения о противнике, о его намерениях, планах... Это были глаза и уши партизан в стане врага.

Мы пользовались каждым случаем, чтобы встретиться со своими надежными помощниками, получить свежую информацию, поставить новые задачи, подбодрить людей, укрепить в них веру в наши силы.

Вспоминается, как однажды зимою, задумав побывать в детском доме, судьба которого сильно волновала партизан, я решил использовать этот поход и для связи с нашими разведчиками.

Прощаясь со мной, Глезин притронулся пальцем к моей полевой сумке и тепло сказал:

— Заветная!

В сумке лежали дневники (с ними я никогда не расставался), код для связи с Москвой и зашифрованная памятка с указанием пунктов встреч с разведчиками-подпольщиками. Эти документы представляли большую ценность, поэтому сумку я заминировал и в случае опасности мог взорвать в любую минуту. При попытке постороннего человека открыть сумку она бы тоже взорвалась.

Нас было двадцать пять человек. Пройти зимой 150 километров по оккупированной территории такой большой группе людей не так просто. Мы то шли, то ехали, то заходили в деревни, но большей частью пробирались лесами. Иногда расчленялись на мелкие звенья, стороной обходили опасные участки и снова соединялись. И везде, где только было можно, встречались с нашими верными друзьями-подпольщиками.

Первой неподалеку от деревни Поташонки мы повидали (уже в который раз!) двадцатилетнюю комсомолку Марию Алексеевну Янусову*. Симпатичная круглолицая блондинка, она часто ходила на железнодорожные станции, собирала сведения о воинских эшелонах противника, распространяла сводки Совинформбюро и листовки, обращенные к местным жителям. А бывало, что, выяснив обстановку на том или ином участке, вызывала группу партизан-подрывников и сама принимала

* Позднее М. А. Янусова стала начальником разведки одного из отрядов. — *Прим. авт.*

участие в операциях. Партизаны любили и оберегали ее. А иные, из самых молодых, даже заглядывались на эту очаровательную девушку.

Быстро, но подробно Янусова передала последние сведения: гитлеровцы укрепляют свои гарнизоны вдоль железнодорожных станций; поезда с солдатами и боевой техникой проходят чаще, чем раньше.

Я спросил, не заметила ли она передвижения воинских частей по направлению к Ветрино и Быковщине.

— Ветринский гарнизон, я слышала, все время увеличивается. А насчет Быковщины ничего не скажу... Если надо, могу туда сходить.

— Пока не нужно, — ответил я. — Продолжайте следить за действиями фашистских частей и комендатур. А главное, не забывайте поддерживать настроение жителей. Чаще напоминайте, что близок час освобождения!..

Следующая встреча была с Софьей Якубовой.

Эта скромная тридцатичетырехлетняя женщина проживала в Полоцке, на улице Пушкина. Племянница Якубовой Виталия Даниловна Зеленская работала в столовой для сотрудников гестапо и старших офицеров гарнизона. Обе женщины собирали для нас весьма ценную информацию. По нашему заданию они сумели «подружиться» с некоторыми посетителями столовой и с обслуживающим персоналом. В столовой гитлеровцы нередко говорили между собой о том, кого и когда собираются арестовать гестапо и фельджандармерия, кто из жителей Полоцка стал предателем, какие сведения удалось получить от них...

В Полоцке наши задания выполняла Степанида Викентьевна Казарина, устроившаяся в немецкий санаторий.

Вначале, когда Казариной посоветовали пойти на работу в санаторий, она категорически заявила:

— Лучше умру, а работать на них не стану!

И нелегко было нашим подпольщикам переубедить Степаниду Викентьевну.

В лесу неподалеку от Боровухи мы повидались сначала с Якубовой, а потом и с Казариной.

Якубова сжато и деловито сообщила нам все добытые ею за последнее время сведения, выслушала наши наставления, крепко пожала протянутые ей руки и ушла.

Казарина, наоборот, возбужденная, веселая, готова была проговорить много часов.

— Я так соскучилась... Все время приходится быть среди фашистских собак. Меня уже мутит от них...

Из бесед с Якубовой и Казариной мы выяснили, что гитлеровцы продолжают укреплять Полоцк и размещают в городе и его окрестностях все новые части. Записали фамилии особо рьяных фашистских прислужников, которые работают по заданию гестапо и железнодорожной полиции. Весьма огорчило нас сообщение о том, что недавняя ночная бомбардировка Полоцка советскими самолетами не дала нужного результата: бомбы упали главным образом в огороды и болота. После этого фашисты устроили в лагерях для военнопленных настоящее побоище, а затем вывезли трупы расстрелянных на городскую площадь и объявили, будто это жертвы красной авиации.

— Но и я кое-что успела сделать, — смущенно сказала Казарина. — Ваши ребята передали мне как-то мину. Да все не знала, куда и как ее приткнуть. А тут не сдержалась... Спрятала мину под передник и будто мимоходом зашла в офицерскую палату. Фрицы спали, дежурных нигде не видно. Я и сунула мину в печку, а сама скорее во двор — вроде дрова потребовались. Ну и грохнуло! Шесть офицеров наповал и с десятков ранило... Мне бы еще хоть одну мину...

Между селами Борковичи и Боровухой-первой стоялась, так сказать, заочная встреча с нашим разведчиком Верным — солдатом ветринского гарнизона, Гутербрахом.

Наши разведчики, прослышав о настроениях Гутербраха, познакомились с ним, и через некоторое время солдат согласился помогать советским партизанам. Мы регулярно получали донесения, которые он закладывал в «почтовый ящик».

Вот и на этот раз, незаметно пробравшись на кладбище между Борковичами и Боровухой, мы остановились у третьей могилы первого ряда. Вытащили деревянный крест. На нижнем конце его была сделана почти незаметная выемка. В ней и лежала записка Гутербраха. Разведчик перечислял воинские эшелоны, прошедшие к фронту и с фронта за последнюю неделю, и приводил наименование грузов в каждом эшелоне.

Щенников передал мне записку Верного и удовлетворенно заметил:

— Вот она, интернациональная дружба. Если бы в каждом гарнизоне иметь своих Гутербрахов!..

Заложив в «почтовый ящик» очередное задание Верному, мы двинулись дальше.

Так от одного явочного пункта к следующему, от одного патриота к другому мы двигались к цели. Встречи с друзьями как бы освещали наш путь и оберегали от опасностей, подстерегавших на каждом шагу.

Описывая операцию «Нюрнберг», я уже называл одну из наших лучших разведчиц-подпольщиц Анну Наумовну Смирнову (подпольная кличка Платонова).

С нею были связаны и под ее руководством работали многие подпольщики Полоцка. Вместе с Анной вели разведку ее четыре сестры — Ксения, Вера, Глафира, Ольга и брат Василий. К ним присоединился также муж Ксении — зубной врач Григорий Захарович Рыльков. Позднее семье Смирновых начали помогать учительница Бронислава Бубнова, медицинская сестра из городской больницы Тамара Никитина и фельдшеры Морозова и Плескунова.

Активным участником подпольной группы стал и муж Тамары Никитиной — Сергей Орлов, бежавший из плена лейтенант Красной Армии. Ему удалось надежно припрятать радиоприемник, и то в погребе, то на чердаке он принимал и записывал сводки Совинформбюро, а затем передавал их Смирновой. По ночам, когда над городом появлялись советские самолеты, Сергей Орлов подавал им сигналы ракетами.

Сестрам Смирновым с помощью медработников Никитиной, Морозовой и Плескуновой удалось изготовить фиктивные медицинские документы для большого числа советских военнопленных и таким образом освободить их из концентрационного лагеря. В тот период гитлеровцы проявляли иногда показной «либерализм» и в виде исключения отдавали на поруки родственников очень больных и истощенных лагерников.

Некоторые военнопленные, вырвавшиеся из фашистских лагерей, оказывались в наших отрядах или переходили на нелегальное положение и становились разведчиками.

Так было, например, с лейтенантом Красной Армии Сергеем Богдановым.

Из лагеря он вырвался с помощью Анны Наумовны Смирновой, которая сумела достать ему документы о тяжелой неизлечимой болезни. Несколько дней Богданов скрывался у родственников Смирновой, а она за это время добыла и вручила лейтенанту паспорт с пропиской. С паспортом можно было уже думать и об устройстве на работу. По нашему заданию Богданов поступил в мебельную мастерскую, которая в тот период делала гробы для убитых оккупантов.

«Акклиматизировавшись», Сергей Богданов установил связи с военнопленными в лагерях Полоцка, Боровухи-первой и второй, передавал за колючую проволоку листовки, сводки Совинформбюро, а также письма, разоблачавшие провокации фашистов.

Дело в том, что гестапо фабриковало приговоры от имени советских военных трибуналов и засылало их в лагеря. В приговорах указывались подлинные фамилии военнопленных, якобы приговоренных к смертной казни за то, что они попали в плен, и назывались сроки, на которые осуждены их родственники. Некоторые такие «документы» даже публиковались в печати.

Все делалось с одной целью: обмануть советских людей, запугать бывших бойцов и командиров Красной Армии, отбить у них охоту к побегам и принудить «добровольно» вступать в полицейские и другие карательные подразделения, формировавшиеся гитлеровцами.

Разоблачению уловок и провокаций гестапо мы придавали большое значение, и бесстрашная подпольная деятельность Богданова заслуживала самой высокой оценки.

Энергия молодого лейтенанта, ставшего нашим разведчиком, была через край. Не довольствуясь результатами своей работы, он начал совершать и подрывные акты. Получив от Смирновой мины замедленного действия, Богданов взорвал на станциях Полоцк и Ропно несколько цистерн с горючим.

В группу Смирновой входила и Лилия Павловна Костецкая, которую все ласково называли просто Лилей.

Лилия Костецкая родилась в 1919 году в семье полоцкого рабочего. Девочка была в семье самой младшей, и о ней всегда заботились старшие сестры — Ксе-

ния, Наталья, Ефросинья, Анна и брат Анатолий. Несмотря на материальные трудности, вся семья дружно помогала Лиле учиться, и она незадолго до войны стала учительницей в Сиротинском районе, Витебской области.

Активная комсомолка, молодая советская учительница решила отдать все силы борьбе против оккупантов. Но как это сделать? Где найти верных друзей?

Лиле посчастливилось встретиться со своей давней знакомой Анной Наумовной Смирновой, у которой хорошо был наметан глаз на стойких и преданных нашему делу людей. В марте 1942 года с помощью Анны Наумовны Лиля установила связь с бригадой «Неуловимых».

Костецкая сносно владела немецким языком, а гитлеровцы искали среди местных жителей «культурные силы». Лиля решила устроиться на службу в паспортный стол, подчинявшийся фашистской полиции. «И от каторги отверчусь и, может быть, пользу сумею принести», — говорила она Смирновой.

Смирнова одобрила намерения Лили, а позднее одобрили и мы, так как фактически получили доступ в аппарат немецкой полиции.

Она была романтиком, мечтателем, эта спокойная, добрая девушка с крупными чертами лица и тяжелой косой, оттягивавшей голову. Закончив деловые разговоры с Анной Наумовной, Лиля обычно начинала фантазировать:

— Вот кончится война, и вся жизнь станет прежней... Нет, лучше и красивее... Ах, какая будет жизнь!

Глаза ее загорались мечтательным блеском, в голосе появлялась певучесть, в движениях — мягкость... Всем сердцем верила она, что будет так, и только так.

Первые донесения Лили ограничивались сведениями об обстановке в городе, о приездах и отъездах гитлеровского начальства, о настроениях советских людей. Но однажды она сообщила Смирновой свои наблюдения, удивившие и очень заинтересовавшие нас. Речь шла о непосредственном начальнике Костецкой, капитане немецкой полиции Карле Миллере.

— Немец как немец, — рассказывала Лиля Смирновой. — Требует, приказывает, покрикивает. Но когда рядом нет никого из служащих, он словно преображается — становится вежливым, внимательным и часто гля-

дит на меня, словно я невеста какая красавица. В чем дело?

Я решил сам повидать Костецкую. Встреча состоялась на окраине Полоцка, в ночное время, на одной из конспиративных квартир. Меня сопровождали Николай Щенников и группа партизан.

— Как я рада видеть вас, — с искренней непосредственностью воскликнула Лиля. — Анна Наумовна мне много рассказывала.

— Больше всего, наверное, про бороду? — пошутил я.

— И про бороду, конечно, — улыбнулась она. — Вы ведь еще совсем молодой, а похожи на старого дядьку... Вот бы мне такую бороду!

— Это зачем?

— А чтобы никто не узнал, если придется куда идти.

Я попросил подробно рассказать о Миллере. Лиля со всеми деталями нарисовала внешность капитана, описала его поведение, упомянула о нескольких брошенных вскользь замечаниях своего шефа. Все говорило о том, что Миллер скорее всего антифашист, однако тщательно это скрывает, ведет себя весьма осмотрительно. Да и естественно: любой опрометчивый шаг стоил бы ему жизни.

— А не играет ли он с вами в кошки-мышки? — спросил я. — Не хочет ли испытать вас и поймать на чем-нибудь?

— Не знаю... Не думаю... Надо еще, конечно, приглядеться, прежде чем что-либо предпринимать.

Костецкая словно угадала мои мысли. Я посоветовал ей не торопиться, очень осторожно проверять свои впечатления о Миллере и на чем-нибудь испытать его.

— Но как? Подскажите!

— В удобный момент заведите речь о его семье. Поинтересуйтесь, как бы он отнесся, если его жену или сестер насильно угнали на работу в чужую страну? Возможно, такой разговор станет началом дальнейшего сближения с ним. Очень важно, чтобы ваши предположения переросли в уверенность.

— А разве среди немцев не может быть противников Гитлера? — неожиданно спросила Лиля. — В Германии ведь существовала коммунистическая партия, был Тельман... Вы извините, может, я рассуждаю наивно и даже глупо. Но, по-моему, коммунисты там сохранились.

— Ты права, — согласился я, невольно переходя на «ты». — И коммунисты есть, и подпольщики-антифашисты... Но ведь Миллер полицейский офицер.

— Мне почему-то кажется, что у него под фашистским мундиром честное сердце, — просто и естественно сказала Лиля. — Но все ваши советы и предупреждения я запомню.

— Если будешь передавать о нем сведения, — предложил я, — называй его Инициатором. Так будет спокойнее.

Дальнейшие отношения Лили Костецкой с Инициатором развивались медленно и сложно, но постепенно у нас росла уверенность, что в лице Миллера мы имеем друга, готового помогать партизанам и Красной Армии.

Ни жены, ни детей у Миллера, с его слов, не было, но он нежно любил своих сестер, показывал их фотографии и не мог даже представить себе, чтобы девочек угнали куда-нибудь из Германии. «Каждый человек должен любить свою Родину, — говорил он Лиле в минуты откровенных бесед, — поэтому мне понятна ненависть русских к фашистам, пришедшим на вашу землю. Но не все немцы одинаковы. Есть убежденные фашисты, есть простые исполнители чужой преступной воли, я называю их бездумными автоматами. Но есть и такие — их, правда, пока меньшинство, — что настроены против этой войны, начатой Гитлером, против зверств в России».

С каждой беседой Лиля становилась смелее и однажды спросила прямо, есть ли в Германии коммунисты?

— Конечно есть, — ответил Инициатор. — За ними охотится гестапо. Вот и ты можешь пойти в гестапо и рассказать о наших беседах. Тогда мне капут!

— А разве вы — коммунист?

От ответа на этот вопрос Миллер уклонился:

— На мне, фрейлен Лиля, офицерский мундир, так что мое положение сложнее, чем вы думаете... Имейте в виду, — добавил он улыбувшись, — если вы захотите предать меня, я, надеюсь, вывернусь и все свалю на вас. Немцу поверят скорее, чем русской девушке. Но я не хочу ни своей, ни вашей гибели. Считайте меня своим другом. А я постараюсь доказать это делом.

По нашему совету Лиля попросила Миллера помочь «одной своей знакомой» (в действительности такого человека не было), — не вызывая «знакомую», поставить

на пустом бланке советского паспорта штамп с указанием роста, цвета глаз, волос и других особых примет. Миллер молча кивнул головой и просьбу выполнил. После этого мы поручили Костецкой раздобыть у Миллера справку, отпечатанную на машинке, на имя одного из наших разведчиков. Такую справку офицер тоже выдал, ни о чем не спросив, сделал отметку о прописке, поставил печать и треугольный штамп.

Со второй половины 1942 года немцы ввели так называемые аусвайсы — специальные удостоверения личности. На одном листе плотной желтоватой бумаги указывались имя, фамилия, возраст и место рождения. На другом — записывались особые приметы. По просьбе Лили Инициатор выдал ей несколько бланков аусвайсов, которые нам оченьгодились. Гитлеровские патрули к таким документам относились с большим почтением и даже, бывало, шелкали каблуками, возвращая аусвайсы их владельцам.

Прошло еще некоторое время, прежде чем мы разрешили Костецкой более прямо переговорить с Миллером. Однажды вечером, когда все служащие уже разошлись, Лиля зашла в кабинет к шефу и после нескольких малозначащих фраз, как бы между прочим, сказала:

— Выходит, герр капитан, мы делаем с вами одно дело.

Миллер, казалось, давно ждал таких слов. После некоторого раздумья он ответил:

— Да, фрейлен Лиля, выходит, что так. И я очень рад этому.

— А вы не боитесь, что помогаете русским... партизанам?

— Немножко боюсь... Но хочу и буду делать то, что велит мне моя совесть честного немца, не зараженного фашизмом.

— Значит, мы поняли друг друга, герр капитан?

— Конечно. И давно. Только у меня есть к вам одна просьба.

— Пожалуйста.

— Передайте вашим товарищам, что я не могу и не хочу открыто перейти на вашу сторону. Лесных стрелков у вас, надеюсь, хватит. А здесь я буду полезнее. Пусть все остается по-прежнему.

— Хорошо, передам. А как вас называть? Коммунистом? Антифашистом?

— Честным немцем. Остальное не имеет значения. Только будьте осторожны, не подведите ни себя, ни меня...

Взвесив все обстоятельства, мы сообщили в Москву, что в полоцкой полиции работают два наших разведчика — советская патриотка Лиля Костецкая и немецкий офицер Карл Миллер. В ответ получили указание добыть через них несколько десятков чистых бланков паспортов или аусвайсов.

Как выполнить это поручение? Гитлеровцы, несомненно, строго учитывают документы. Если выкрасть три — четыре десятка бланков, это быстро обнаружится, а Костецкая и Миллер попадут под удар. Несколько дней я, Глезин, Корабельников и Щенников думали, как без особого риска выполнить задание. Советовались, конечно, со Смирновой, а через нее с Лилей и Миллером.

Выход, правда, довольно рискованный, нашла сама Лиля. Она предложила устроить «шурум-бурум». И пояснила:

— Давайте устроим в помещении паспортного стола небольшой взрыв, такой, чтобы повредить только столы и шкафы... А под шумок выкрадем чистые бланки.

Тянуть дальше было невозможно, и мы разрешили Лиле Костецкой осуществить ее предложение. Причем предупредили, что действовать она должна самостоятельно, не прибегая к помощи Инициатора. Мы не хотели подвергать его излишнему риску. Зато были уверены, что, если взрыв пройдет благополучно, Миллер сделает все, чтобы запутать учет и замять эту историю.

Через Платонову передали две гранаты с капсюлями, бикфордов шнур, толовую шашку и... немецкие солдатские сапоги. Заложив гранаты, Лиля должна была обуть сапоги и незаметно проложить след в сторону немецких казарм. Таким приемом мы рассчитывали сбить с толку гестаповцев, которые, несомненно, примчатся к месту взрыва с ищейками. Осколки стекла должны были навести гитлеровцев на мысль, что гранаты брошены через окно.

Паспортный отдел полоцкой полиции размещался на окраине города в небольшом двухэтажном доме. Специальной охраны здесь не было, только ночные патрули

каждые полчаса обходили дом и освещали его карманными фонариками, проверяя, все ли в порядке. Жители в это время на улицах уже не появлялись, так как наступал комендантский час.

Лиля Костецкая имела специальный ночной пропуск: бывало, что служащие паспортного отдела выполняли позднюю, сверхурочную работу. Взяв с собой все необходимое, она подошла поздно вечером к зданию паспортного отдела, подождала, когда пройдут патрули и через черный ход (у нее был запасной ключ) незаметно пробралась в канцелярию. Вот и нужный шкаф. Бланки паспортов и аусвайсов хранятся по номерам в нескольких папках. Чтобы затруднить гитлеровцам розыски пропажи и сбить их с толку, надо брать по нескольку штук из каждой пачки. Десять, двадцать, сорок бланков в руках у разведчицы. Теперь скорее прочь отсюда! Лиля быстро подложила под шкаф тол и гранаты, вставила запалы, подожгла бикфордов шнур. С трудом сдерживая волнение, осторожно вышла на улицу, предварительно натянув на ноги немецкие сапоги с железными подковками. Минуту-другую она потопталась возле здания, потом направилась в сторону немецких казарм, а там, через знакомые проходные дворы — к себе домой.

Гранаты вскоре взорвались. Взрывной волной и осколками разбило шкафы и столы, выбило стекла из окон.

Ночной взрыв вызвал переполох. Гитлеровцы немедленно оцепили улицу, а специальные команды бросились на обыски и аресты. Ищейки взяли след, повели проводников в сторону казарм и там закружились на одном месте. Вызванный к месту происшествия капитан Карл Миллер ничего не мог объяснить. Он только доложил начальству, что сгорело большое количество документов.

Несколько месяцев гестапо и полиция занимались поисками «диверсантов», однако установить ничего не удалось. Арестованные немецкие солдаты, на которых пало подозрение, также ничем не помогли следствию. А мы тем временем всю пользовались добытыми документами. Большинство чистых бланков отправили в Москву, а несколько штук оставили себе, заполнили их и через Миллера (он, конечно, понял, чьих рук это дело!) оформили прописку нужным людям и дали воз-

возможность разведчикам беспрепятственно разъезжать по оккупированной территории.

Радости Лили не было конца. Каждый раз, встречаясь с Анной Наумовной Смирновой, девушка с восторгом говорила:

— Здорово я их?.. А!.. Давайте придумаем еще что-нибудь!

И мы придумали. У Миллера скапливались паспорта и аусвайсы умерших граждан. Эти документы теперь часто попадали в наши руки. Все штампы и пометки о прописке были там давно сделаны, и нам оставалось только менять фотокарточки, а если требуется, подчищать год рождения.

Лиля и Карл не только добывали необходимые для «Неуловимых» документы, а и сообщали нам различные секретные сведения, информировали о намерениях гитлеровского командования, засекали предателей, работавших на гестапо. Особо ценную информацию мы получили от них во время подготовки операции «Нюрнберг», о чем я уже упоминал.

Расскажу еще об одном эпизоде, представляющем, как мне кажется, интерес для читателя.

Однажды Лиля узнала от Миллера о том, что фашистское командование готовит новую экспедицию для прочесывания белорусских лесов и расправы с непокорными селами. Костецкая, естественно, забеспокоилась и решила немедленно известить нас об этом. Как это сделать? Анны Наумовны Смирновой в городе не было, а каждая минута промедления могла стоить очень дорого. Тогда Лиля расковыряла себе верхнюю десну и отпросилась в поликлинику. С опухшей и кровоточащей десной она пришла на прием к нашей связной — к зубному врачу Ксении Смирновой.

Дождаясь своей очереди, Лиля заметила, что за ней пристально следит какой-то плюгавый старикашка. Сев в кресло, она сразу шепнула об этом Ксении. Оказывается, Ксения Наумовна давно заприметила соглядатая — он появлялся в поликлинике не первый раз. Прикоснувшись губами к уху пациентки, она тихо сказала:

— Не волнуйся, мы его обведем вокруг пальца.

Для отвода глаз доктор просверлила и запломбировала Лиле здоровый зуб и одновременно вынула у нее

из рта маленькую записку, прижатую под языком. Лиля просила сообщить партизанам о готовящейся новой карательной экспедиции. Прочитав записку, Ксения положила бумажку обратно под язык пациентки и молча кивнула головой. Это означало, что сообщение Лили она передаст своей сестре Анне Наумовне.

Через несколько дней Лиля снова явилась на прием, и Ксения заложила ей под язык новую бумажку, в которой сообщила, что все необходимые сведения «Неуловимым» переданы. Лишь после этого Лиля успокоилась и закончила свое «лечение».

Но гестапо подбиралось к семье Смирновых. Неожиданно была арестована и расстреляна после долгих пыток сестра Анны Наумовны Вера — прачка в немецкой казарме в Боровухе. Непосредственная опасность стала угрожать и самой Анне Наумовне. Мы помогли ей уйти из города. Она вступила в партизанский отряд Шинкарева, где впоследствии стала начальником разведки.

Очень беспокоила нас и судьба Лили Костецкой, но разведчица была крайне нужна в аппарате полиции, да она и сама настаивала на продолжении своей работы.

Вместе с Костецкой в паспортном столе служила некая Нина Ефременко. Эту слабовольную, трусливую девушку завербовало гестапо для слежки за служащими городской управы и полиции. Ефременко неоднократно пыталась заводить с Лилей провокационные разговоры, чтобы выведать ее подлинные настроения. Однако Лиля держалась осторожно, и у предательницы не было повода за что-нибудь уцепиться. По нашим указаниям Лиля делилась с Ефременко только слухами о действиях партизан, дезориентируя и предательницу и гестаповское начальство. Со своей стороны, мы тоже принимали меры, чтобы закрепить положение Костецкой. По нашему заданию Лиля написала немецкому коменданту фон Никишу о том, что житель Полоцка Крутиков якобы поносит немецкие власти и грозит связаться с партизанами. В действительности Крутиков был осведомителем гестапо и причинял немало бед советским людям. Его арестовали, и мы избавились от еще одного предателя, а позиции Костецкой в какой-то мере укрепились.

И все же Ефременко, неотступно следившая за Лилей, обнаружила однажды в кармане ее пальто два листка. На одном были записаны стихи Михалкова, на

другом — Лиля набросала начало собственного стихотворения:

Школы новые откроем,
Все почистим и помоем,
Гитлера сорвем портрет!..

Обрадованная находкой, Ефременко передала оба листка начальнику полоцкой вспомогательной полиции Альберту Обуховичу, а тот незамедлительно, минуя Карла Миллера, — в службу безопасности — СД.

Все это произошло утром 3 марта 1943 года. А днем нашу разведчицу арестовали прямо на службе, в помещении паспортного стола. Лиля прошла по коридору, окруженная автоматчиками, и даже не взглянула в сторону капитана Миллера. Он проводил девушку грустным взглядом, понимая, что ей придется пережить и какой конец ожидает славную патриотку.

Позже нам стало известно, что в первые дни следователи гестапо допрашивали Лилию Павловну сдержанно, внешне корректно, пытаясь уговорить ее выдать свои связи с партизанами. Для психологического воздействия ей даже разрешили свидание с сестрой Ефросиньей Павловной. Но Лилия молчала, и ее «большевистское упорство» взбесило гитлеровцев. Придя на второе свидание, Ефросинья Павловна увидела свою сестру в ужасном состоянии: ее лицо превратилось в сплошной кровоподтек, запекшиеся губы были разорваны, глаза бессмысленно смотрели в одну точку. Дежурный гестаповец, нагло улыбаясь, сказал:

— Ваша сестра — опасная бандитка. Уговорите ее сознаться. Иначе... — И он выразительно провел рукой по шее.

Узнав о провале Костецкой, мы пытались спасти ее. Через подпольщиков распространили слух, что фашисты стали арестовывать преданных им людей. Кроме того, организовали в городе несколько крупных взрывов. К сожалению, наши усилия не принесли результатов. Во-первых, взрывы и поджоги в Полоцке происходили и раньше, во-вторых, уж больно хотелось гитлеровцам обнаружить связных бригады «Неуловимых».

Лилию пытали долго и изощренно. Она вынесла все пытки, но ни словом не обмолвилась ни о партизанах, ни о капитане Миллере. Фашистам не удалось казнить

ее. Лиля сама покончила с собой. 8 марта 1943 года, когда ее вели по льду через Западную Двину на очередной допрос в гестапо, она неожиданно для конвоиров бросилась в прорубь. Гитлеровские солдаты пытались вытащить девушку: протягивали приклады винтовок, хватали за рукава намокшего пальто. Но Лиля упорно отбивалась от солдат и через несколько минут пошла на дно, унеся с собой тайну разведчицы «Неуловимых».

Дом Костецких на Ветринском шоссе окружили жандармы, однако родственники успели бежать и спрятаться. Сейчас в этом доме живут сестры Лили — Наталия, Ефросинья, Анна и брат Анатолий. Проходя и проезжая по Ветринскому шоссе, многие старожилы Полоцка с уважением снимают шапки или на минуту останавливаются у дома Костецких, отдавая последнюю почесть отважной разведчице. Как и все бойцы бригады, я был бы бесконечно рад увидеть в Полоцке памятник героине — Лилии Павловне Костецкой.

А что случилось с капитаном Карлом Миллером? После ареста и гибели Костецкой связь с ним оборвалась. Когда город был освобожден от гитлеровцев, мы узнали, что Миллер вместе со своим учреждением эвакуировался в Германию. Жив ли он? Удалось ли ему избежать кровавых рук гестапо? Хочется надеяться, что где-нибудь в Германии живет и трудится немец-антифашист Карл Миллер и вместе со всеми, кому дороги мир и счастье людей, борется против угрозы новой войны. Возможно, сбудется моя надежда, и Миллер подаст о себе весть, а я от всей души поблагодарю его. Ведь у советских людей крепкая память. Мы помним не только о зверствах фашистов на нашей земле. Мы никогда не забудем и тех честных немцев, которые, рискуя жизнью, помогали нам в трудной, тяжелой борьбе против коричневой чумы.

Нашими разведчиками, активными помощниками были люди самых различных возрастов, как говорится, стар и млад.

Вспоминается мне Геня Реут. В ту пору ему было двенадцать лет. Накануне войны он приехал из Ленинграда к своей бабушке в деревню Зябки и оказался затем в тылу врага. В октябре 1942 года Геня встретился

с партизаном Хаджибатыр Бадоевым. Мальчик рассказал, что он ленинградец, и попросил дать ему какое-нибудь задание. Бадоев поручил Гене вести учет движения воинских эшелонов по железной дороге Даугавпилс — Полоцк. Паренек добросовестно выполнил это поручение. А вскоре мы приняли его в свою партизанскую семью.

Весьма активными, находчивыми разведчиками-подрывниками были шестнадцатилетние девушки Надя Мурашко и Надя Попкова.

Несколько раз с помощью подпольщиков партизаны взрывали в Полоцке нефтебазу. Один из взрывов организовали наши Нади. В результате гитлеровцы потеряли около 700 тонн горючего и лишились нескольких помещений нефтебазы, в том числе склада с оружием и боеприпасами, а также казармы.

Но были среди разведчиков и пожилые люди. Такие, как Наталья Иосифовна Быкова. Эта вдова, обремененная большой семьей, жила в деревне Соколовшине, недалеко от станции Свольна.

Каждый день ходила она торговать маслом на привокзальный базар, а попутно выполняла наши задания.

Просиживая целые дни на базаре у железнодорожной станции, Наталья Иосифовна сообщала партизанам о движении эшелонов и доставляла почту от близкого нам человека, работавшего на товарной станции.

Осенью 1943 года на станцию Свольна прибыл эшелон с сеном. Быковой удалось узнать, что под сеном спрятаны танкетки и минометы. Об этом она успела известить партизан. В ту же ночь эшелон, едва отойдя от станции, полетел под откос.

А теперь — о разведчиках-партизанах.

Особой смелостью, находчивостью, изобретательностью отличался среди разведчиков-партизан Иван Никитич Колосов, высокий, красивый двадцатидвухлетний парень.

Накануне войны, в феврале 1941 года, Колосова призвали в армию. Служил он писарем в штабе 86-й танковой дивизии, дислоцировавшейся в городе Несвиже, Барановичской области. В октябре 1941 года часть солдат и офицеров дивизии, в их числе и Иван Колосов,

оказались в окружении. Боеприпасы кончились. Ни продуктов, ни курева не осталось. Решили мелкими группами и в одиночку действовать в тылу немцев. Иван Никитич Колосов отправился в Полоцкий район, который хорошо знал. Мечтал связаться с партизанами или подсобрать группу надежных людей. В 1942 году темной январской ночью пришел он в деревню Дохнары и постучался в родной дом.

На следующий день мать Ивана Никитича пригласила к себе бывшего директора Булаевской средней школы, а в ту пору писаря сельской управы Захара Терентьевича Бугаева. Колосов и Бугаев быстро поняли друг друга. Иван Никитич получил от управы удостоверение на право проживания в селе и вместе с писарем сельской управы начал сколачивать подпольную группу. Вскоре к ним примкнули бывший директор Дома культуры Иван Stanisлавович Колосов, бывший танкист Артем Павлович Филимонов, колхозник Николай Васильевич Литвинов и рабочий из Боровухи-второй Павел Петрович Колосов (надо сказать, что фамилию Колосовых носили многие жители деревни Дохнары).

Но Павла Колосова тут же арестовали. На допросах и пытках в гестапо он никого не выдал. А группа Бугаева — Ивана Колосова начала действовать: обстреливали одиночные вражеские машины, рвали телефонную связь, убивали полицаев, обозных и заготовителей.

Оккупанты рыскали по всей округе, но обнаружить партизан не смогли. А тут еще на дороге между деревней Зеленки и Полоцком члены подпольной группы обстреляли легковую машину, убили шофера и гитлеровского офицера. В тот же вечер в Дохнары нагрянули эсэсовцы и потребовали проводника к месту происшествия. Проводником согласился стать Иван Stanisлавович Колосов, который утром сам принимал участие в налете. Фашисты увидели только обгоревшую автомашину (трупы гитлеровцев партизаны успели закопать).

Через несколько дней Дохнары окружил крупный отряд полевой жандармерии. Всех жителей каратели согнали на площадь и через переводчика стали вызывать по списку тех, на кого указали предатели — вернувшиеся кулаки и уголовники. Из толпы вышли председатель колхоза Иван Новиков, директор школы Захар Бугаев (руководитель партизанской группы), бригадир колхоза

Василий Литвинов, тракторист Виктор Чижевский, колхозник Константин Колосов, колхозница Пелагея Колосова и мать Ивана Никитича. Всех их тут же, на площади, расстреляли.

После гибели Захара Терентьевича Бугаева Иван Никитич с несколькими товарищами ушел в леса, чтобы найти партизанский отряд. По пути они несколько раз ввязывались в перестрелку с карателями. Наконец в деревне Рудня дохнаровцы встретили начальника разведки отряда Щербины — Запорожца.

Так Иван Колосов попал в нашу бригаду.

Как-то ему вместе с небольшой группой партизан поручили разведать положение в селе Боровцы, что в 12 километрах северо-западнее Полоцка. Вокруг патрули, поголовная проверка документов. Ни пройти ни проехать. И вот тут-то у Колосова родился дерзкий план. Он решил переодеть разведчиков в немецкую форму.

Может быть, Колосов хорошо владел немецким языком? В том-то и дело, что он знал всего несколько ходовых фраз, а остальные разведчики и того меньше. Только Иван Зануда, рыжеватый веснушчатый парень, с трудом говорил по-немецки. Но безумство храбрых иногда приносит удачу...

Вечером разведчики под командованием «ефрейтора» Ивана Колосова беспрепятственно промаршировали мимо полицейских постов и вошли в деревню.

В первой же избе Иван Зануда строгим голосом «по-немецки» спросил хозяйку, есть ли в Боровцах «бандиты». Уткин «перевел» его слова. Испуганная женщина ответила, что партизан у них нет, зато есть своя полиция, которая охраняет село. В полиции служит и ее сын.

— Фамилия его Шемгов... Он на хорошем счету... Немцы его ценят, — лебезила хозяйка.

— Где он сейчас? — спросил Уткин.

— В караульном помещении... Ему скоро заступать на пост...

Выйдя на улицу, разведчики посоветовались и решили совершить налет на караульное помещение. Обстановка складывалась благоприятно.

Ночь выдалась темная, тихая. Ни шума, ни шороха. Не слышно даже собачьего лая. Партизаны незаметно подошли к караульному помещению и залегли.

Иван Зануда приблизился к окну и стал кричать по-немецки, используя весь имевшийся у него запас ругательств. Полицейские выскочили на улицу. Они почти-тельно кланялись Колосову, называя его офицером, хотя у того были нашивки ефрейтора.

Чтобы напугать на них побольше страху, Колосов все время недовольно рычал, а Уткин, якобы переводя приказания своего командира, кричал «по-немецки», что русские полицаи — трусы и лодыри, которым нельзя доверять оружие.

По приказанию «немцев» полицейские сняли с себя винтовки, гранаты и сложили их в кучу, все время уверяя, что комендант Боровухи господин Кремс самолично распорядился создать в Боровцах гарнизон.

После этого девять полицейских под охраной пяти наших разведчиков поплелись в Боровуху. Только выйдя из деревни, полицейские догадались, с кем имеют дело, и стали срывать с себя нарукавные белые повязки.

Колосов сдал полицейских командиру отряда, и они рассказали много интересного о гитлеровцах.

Успех окрылил Колосова. Хотя переодевание в немецкую форму было рискованным, он все же несколько раз пользовался этим приемом.

Колосов вел разведку в Боровухе-первой и других близлежащих населенных пунктах, где главным образом властвовали полицейские. И что же? Появление гитлеровского «лейтенанта» или «оберфельдфебеля» в сопровождении одного-двух автоматчиков всегда производило на предателей сильное впечатление: они немедленно называли места расположения засад, фамилии местных начальников, указывали сроки их приезда, сообщали о настроениях жителей. Все это было нам очень кстати.

В селе Белое располагался крупный гарнизон, укомплектованный солдатами оккупантов и завербованными полицейскими. Этот гарнизон нас очень интересовал, и мы поручили понаблюдать за ним двум разведчицам — учительнице Марии Филимоновне Колосовой и ее подруге Александре Ефремовне Дроздовой, постоянно проживавшей в Боровцах, но часто навешавшей родственников в Белом. Обе девушки работали добросовестно, но доступа в немецкую среду не имели.

Тогда мы посоветовали Марии Филимоновне познакомиться с кем-либо из полицейских. Вскоре узнали, что

к ней воспылал любовью сам заместитель начальника полицейского отряда в Белом Павел Глуздаков. Он знал немецкий язык, любил водку, женщин и быстро снюхался с фашистами. Им такие отбросы были нужны.

Встречаясь с Марией Филимоновной, Глуздаков, несмотря на природную болтливость, о планах командования гарнизона и вообще о политике говорил сдержанно. А учительница, испытывавшая отвращение к этому липкому, мерзкому человеку, вела двойную игру: прикидывалась влюбленной и одновременно осторожно, наводящими вопросами старалась выведать сведения, интересные партизан.

— Это нравственный урод, — говорила Колосова. — Этому подонку нужны деньги, водка да бабьи юбки, а на остальное — наплевать. Меня тошнит от него!

Мы отлично понимали Марию Филимоновну, однако вынуждены были настаивать на продолжении знакомства с Глуздаковым. Чтобы помочь Колосовой избавиться от слишком назойливых притязаний Глуздакова, порекомендовали встречаться втроем — вместе с Александрой Ефремовной Дроздовой. У той было немало знакомых в Боровухе-первой, и тройка «друзей» часто отправлялась туда на всякие вечеринки, где наши разведчицы попутно собирали важную информацию. Приглашала Дроздова Марию Филимоновну и Глуздакова и к себе в Боровцы. Здесь, вдали от немецких чинов, заместитель начальника полиции становился развязнее, держался свободнее.

Спустя некоторое время, чтобы развязать Глуздакову язык, мы устроили ему неожиданную встречу с его хозяевами — гитлеровцами. Роль командира «немецкой» группы, конечно, поручили Ивану Никитичу Колосову.

Лето сорок третьего года. Солнце светит щедро и горячо. От нагретой хвои в лесу воздух острый и пряный.

Свидание Глуздакова с Колосовой назначено на воскресный день, в три часа, неподалеку от деревни Подбельцы. Зная, что там густой лес и пустынные места, Глуздаков охотно согласился прогуляться.

Наши разведчики в немецкой форме во главе с Колосовым затаились за деревьями. Вскоре наблюдатель доложил, что по лесной тропинке идет «парочка». Как и

было договорено, Мария Филимоновна шла с правой стороны. Если Глуздаков попытается применить оружие, она должна, словно в испуге, схватить его за руку, повиснуть на ней.

«Немцы» медленным шагом пошли навстречу «влюбленным». Увидев «гитлеровцев», Мария Филимоновна испуганно охнула и хотела свернуть в сторону, однако Глуздаков взял ее за локоть и усмехнулся:

— Чего испугалась? Это ж свои!

Глуздаков вытянулся и козырнул «немецкому офицеру». Колосов тоже небрежно откозырял и, нарочно коверкая русский язык, спросил:

— Кто ты есть такой?..

— Я заместитель начальника полицейского отряда из гарнизона в деревне Белая.

— Так, какая причина ты здесь? Твой места ин отряд.

— Сегодня воскресенье, выходной день.

— А партизан тоже имеют выходная?

Глуздаков покраснел и ничего не ответил.

— Что там такой? — спросил Колосов, показывая на кобуру.

— Мое личное оружие.

— Зачем тебя оружий? Чтобы ухаживал за свой дама? Давай сюда!

Глуздаков отдал пистолет и только тогда понял, что перед ним партизаны. Он побледнел, затрясся, размяк и уже не говорил, а лепетал, еле шевеля языком.

Теперь изображать из себя немцев не было нужды, и Колосов прямо спросил:

— Почему изменил Родине и своему народу?

Глуздаков начал бормотать что-то невнятное, пытаясь объяснить, будто он оказался в безвыходном положении и служит фашистам, вопреки своим убеждениям.

— Врешь, гад! — крикнул Колосов. — Врешь и даже не стесняешься своей знакомой!

Мария Филимоновна все время хорошо играла свою роль: сморкалась, охала, прижимала руки к щекам и жалобно просила отпустить ее, так как она ни в чем не виновата ни перед гитлеровцами, ни перед партизанами.

— За трусость и предательство тебя следует наградить пулей, — сказал Глуздакову Колосов.

Глуздаков упал на колени и стал слезно умолять не губить его, заверяя, что готов сделать все, лишь бы искупить свою вину.

Посоветовавшись для виду со своими товарищами, Иван Никитич Колосов произнес:

— Ну ладно... Может, у тебя хоть на копейку совести осталось. Поглядим.

— Что я должен делать, чтобы заслужить прощение? — вскочил на ноги Глуздаков, понимая, что его помиловали. — Уйти из полиции?

— Нет, зачем? Продолжай там служить, но помни, с этой минуты ты обязан помогать партизанам. Нам нужны сведения о численности гарнизона и намерениях твоего начальства. Мы хотим знать, кого вы, полицаи и полевая жандармерия, посылаете в села для розыска советских активистов и для организации провокаций. Ты должен облегчить нашим людям получение нужных документов, предупреждать о появлении карателей... В общем, работы тебе хватит.

— Хорошо... Я сделаю все..

В эти минуты Глуздаков готов был дать какую угодно клятву и согласиться выполнить любое задание, лишь бы спасти свою шкуру.

— Эта женщина нам не нужна, — пояснил Колосов, указывая на Марию Филимоновну. — Пусть только молчит — и все. А сведения передавай нашим людям, которые будут приходить к тебе, как к полицейскому начальнику. Только предупреждаю, — Колосов повысил голос, — если обманешь или сообщишь о нашей встрече своим хозяевам, тебе конец.

— Нет-нет... Не сомневайтесь...

Предупредив для видимости Марию Филимоновну о необходимости «держаться язык за зубами», Колосов разрядил обойму пистолета Глуздакова и отдал его все еще дрожавшему владельцу, после чего удалился вместе со своими товарищами.

Глуздаков поверил, что встреча с партизанами произошла случайно. Марию Филимоновну он не выдал, своему начальству о случившемся не сообщил и некоторое время передавал нам различные сведения, правда, не очень важные.

Однако страх неотступно преследовал предателя. Однажды он неожиданно исчез — перевелся в какой-то отдаленный гарнизон. После войны я узнал, что Глуздякова поймали, арестовали и осудили.

А Колосов, то в роли гитлеровского лейтенанта, то в качестве фельдфебеля, продолжал навещать деревни и поселки Полоцкого, Ветринского и других районов, выполняя ответственные, рискованные задания.

Каждой операции предшествовала глубокая разведывательная работа. Нашим лозунгом было: без разведки — ни шагу!

Расскажу об одной из таких операций — о налете на районный центр Дисну.

Вражеский гарнизон в Дисне насчитывал около 400 человек; некоторую часть составляли полицейские, а остальные — матерые эсэсовцы. Подразделения гарнизона были разбросаны по всему городку и отсиживались за специальными укреплениями. С северо-востока Дисну опоясывает Западная Двина, а с юга — река Дисна. Таким образом, городок, как говорили сами немцы, находился в водяном мешке и был хорошо приспособлен к обороне.

Отсюда, из Дисны, оккупанты часто посылали свои подразделения для выполнения карательных функций. Напасть на городок следовало тогда, когда уменьшится гарнизон. По данным наших разведчиков, в том числе и Миллера, в Дисне размещались продовольственные и вещевые склады. Там же был расположен концентрационный лагерь, в котором медленной смертью умирали советские люди.

Надо сказать, план операции сложился у нас не сразу. На совещаниях в штабе бригады мы перебрали несколько вариантов. Одни предлагали навалиться на гарнизон всеми отрядами, точнее, штурмовать Дисну. Другие — создать три ударные группы и выделить резерв для захвата трофеев. Третьи считали целесообразным скрытно просочиться в городок и по сигналу начать громить гитлеровские и полицейские подразделения...

Планов было много, и разных, а я, признаться, медлил. Ведь я отвечал за жизнь каждого бойца и обязан

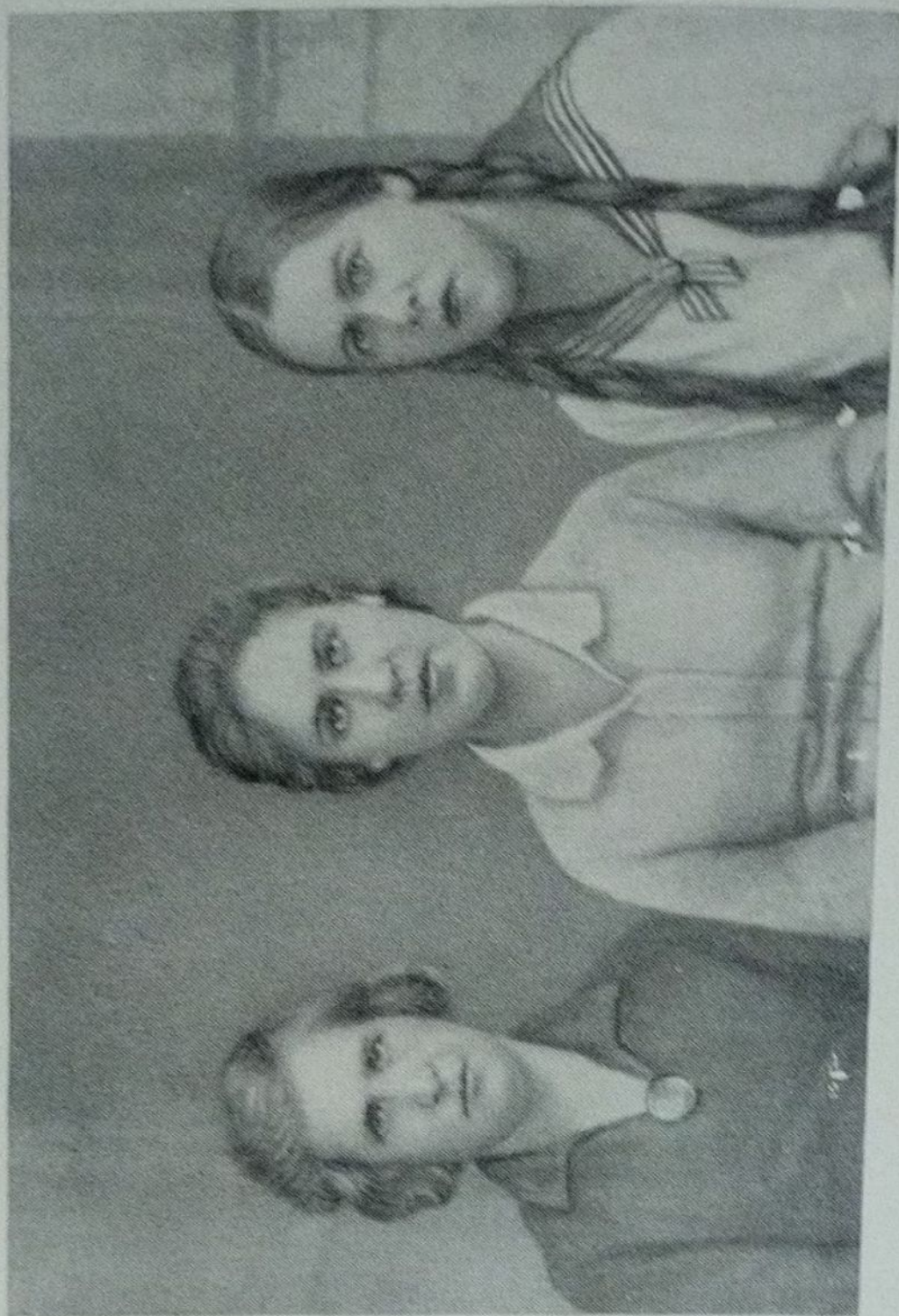
К. Н. Смирнова

В. Н. Смирнова

Г. З. Рыльков

Разведчица Л. П. Костенкая с сестрами.
Слева направо: Александра, Анна и Лилия
(фото 1936 г.)

И. Н. Колосов

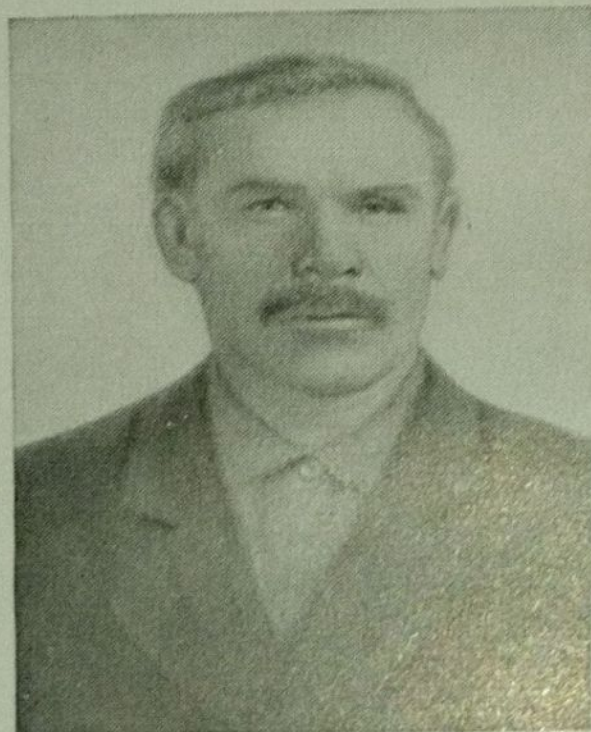
И. И. Шумский

П. Е. Гуков (слева) и П. Ф. Лученок

Ольга Разумович (слева)
и Зоя Михайлова
(фото 1940 г.)

Н. С. Тишкевич
(фото 1940 г.)

П. Н. Тишкевич
(фото 1945 г.)

был предусмотреть все мелочи. Я снова и снова посылал разведчиков, вместе с Глезиным и Корабельниковым тщательно просеивал и перепроверял сведения, без конца возвращался к карте. Перед тем как совершить налет на Дисну, мы должны были знать о ней буквально все.

В дисненской полиции служил наш разведчик Николай Николаевич Ананченко. Этот тридцатидвухлетний угрюмый с виду человек, неторопливый и флегматичный, очень страдал от того, что ему приходится выполнять «грязные» задания. Несколько раз он просил забрать его в бригаду.

— Не хочу и не могу больше служить в этом зверином логове, — говорил Ананченко. — Я ведь вижу, как истязают людей, особенно в лагере смерти. Дайте любое задание, только заберите отсюда!

Кроме Ананченко в Дисне и близлежащих пунктах действовали наши разведчики Петр Хохлов и Павел Кухаренок, считавшиеся своими людьми у оккупантов.

С помощью разведчиков мы установили, где, в каких зданиях ночуют солдаты и полицейские, где живут офицеры, каков распорядок дня, какими улицами легче и быстрее можно добраться до комендатуры и казарм, а также до концентрационного лагеря, находившегося немного южнее городка. Не забыли, конечно, пометить магазины, склады...

Наконец после длительной и всесторонней подготовки разработали и утвердили план налета на Дисну, согласовали этот план с райкомом партии и получили «добро» Москвы.

Операция была задумана следующим образом.

Из нескольких партизанских отрядов создавалась сводная группа, разделенная на три части. Первая под командованием Василия Михайловича Пигина получила задачу наступать вдоль южного берега Дисны, чтобы прорваться на север и напасть на дома, где расположились гитлеровские охранные подразделения.

Вторую группу возглавил Иван Константинович Касьян. Сосредоточившись на восточной опушке леса, вблизи деревни Шараги, он должен был оседлать шоссе, ведущую к Дисне — Шараги и истреблять гитлеровцев, которые попытаются бежать по этой дороге.

Командиром третьей группы назначили Петра Семеновича Иконникова. Этой группе предстояло наступать по западному берегу Дисны и разгромить фашистов, находившихся в казармах в южной части городка.

Пигицина, Касьяна и Иконникова не случайно назначили командирами боевых групп. Все они воевали в отряде Комлева, хорошо знали местность и были лично связаны с нашими разведчиками Ананченко, Хохловым и Кухаренком. Это облегчало движение групп, встречу с проводниками и общее взаимодействие. Кроме того, каждому командиру придавались партизаны из местных жителей, тоже хорошо знавшие каждую улицу, занятую врагом.

Задача состояла в том, чтобы в темноте бесшумно снять часовых, проникнуть в город, вплотную подойти к солдатским казармам и зданию комендатуры, забросать их гранатами и обстрелять из автоматов и пулеметов. Планом налета предусматривалось, что партизаны создадут видимость полного окружения города. Для этого группа Пигицина должна была теснить противника в южном направлении, а бойцы Касьяна, наоборот, — на север, навстречу Пигицину. В то же время группа Иконникова, действуя в западной части города, как бы замыкала кольцо окружения.

Перед выходом на исходные рубежи мы до мельчайших деталей отработали план налета. Ровно в одиннадцать вечера командиры повели свои небольшие отряды на места. всей операцией руководил Николай Комлев. Его штаб расположился на северной окраине деревни Положинчиково. Когда я прибыл туда, начальник штаба отряда Лубянников доложил, что все группы уже заняли исходные рубежи, тридцать подвод с лошадьми для перевозки будущих трофеев укрыты в лесу, связь с разведчиками в городе установлена, пути движения проверены.

— Можно начинать! — закончил Лубянников и взглянул на ручные часы с фосфоресцирующим циферблатом.

Распорядок дня в гарнизоне соблюдался неуклонно. В одиннадцать вечера в казармах погасли огни, только в окнах комендатуры из-за синих штор пробивались еле заметные полоски света. Ночь стояла тихая, безлунная. Партизаны с трех сторон подошли к окраинам городка. На часовых темными тенями прыгнули разведчики: ни вскрика, ни стога, только глухие удары падающих тел.

Мы с Комлевым и Лубянниковым напряженно следили за стрелками часов. Пять минут двенадцатого. Десять минут... пятнадцать... И вдруг тишину ночи нарушили взрывы гранат — этой партизанской карманной артиллерии. Затрещали автоматные очереди. Гитлеровцы выскакивали из дверей и прыгали из окон в нижнем белье. Раздался грохот со стороны реки: партизаны подорвали мост.

А затем началось что-то невообразимое. Мелкие группы бойцов перебегали от дома к дому и бросали в окна гранаты. Крики гитлеровцев заглушали выстрелы и взрывы.

Возле комендатуры солдаты попытались оказать сопротивление, но через две минуты их пулемет умолк. Беспорядочная стрельба эсэсовцев почти не причиняла нам вреда. Куда бы ни бросались гитлеровские солдаты и офицеры, они натыкались на наши засады.

Мы заранее предупредили бойцов, чтобы были осторожны и не подстрелили кого-либо из горожан. Поэтому, когда проснувшиеся жители стали выбегать на улицы, их встречали предупреждающие возгласы:

— Товарищи!.. Граждане!.. Прячьтесь в подвалы!..

Бой в городе подходил к концу. Комлев распорядился спасти узников концлагеря. Охрана в панике разбежалась. Заключенные не сразу поняли, в чем дело. А когда поняли, многие бросились подбирать брошенное немцами оружие и присоединялись к партизанам.

Не менее сотни вражеских трупов насчитали мы с Комлевым, проходя по улицам Дисны. Но весь гарнизон уничтожить не удалось. Около двухсот фашистских солдат, офицеров и полицейских все же прорвались в северном направлении. Прикрываясь огнем пулеметов, они на лодках обогнули городок и поплыли по Дисне. Наши пулеметчики били по лодкам, пока те не скрылись из глаз.

Небольшой, некогда уютный зеленый городок Дисна в ту ночь был неузнаваем. Ярко пылали здания комендатуры и полиции. Возбужденные и разгоряченные партизаны, шагая по хрустящим осколкам стекол, подбирали оружие. А на подводы грузились трофеи: мешки с солью и хлебом, ящики с маслом, одеяла, простыни, обувь...

— Будем кончать, товарищ комбриг? — повернулся ко мне Комлев, чья широкая добродушная улыбка свидетельствовала, что он доволен результатами операции.

Комлев поднял ракетницу и выстрелил. Огненно-белая дуга прочертила небосклон. Это означало конец операции.

Я тоже имел все основания быть довольным. Немецкий гарнизон разгромлен, наши потери совсем невелики (несколько раненых), узники лагеря смерти освобождены (часть влилась в наши отряды), захвачены богатые трофеи.

Вспоминая налет на Дисну, я все отчетливее представляю, какую громадную роль играли наши разведчики. Благодаря им Дисна и находившийся в ней гарнизон противника были у нас как на ладони. Мы знали не только, в каких казармах располагаются фашисты, но где, в какие часы стоит каждый их часовой, когда они ложатся спать, когда встают. Не гитлеровцы, а мы во время боя были в Дисне как у себя дома, как у себя в комнате, когда знаешь, где лежит какая вещь. Именно это и обеспечило успех партизан.

Я рассказал далеко не обо всех наших разведчиках. И тех, кого не упомянул, прошу не обижаться. Хотя и не названы их имена, они были в нашей партизанской семье и вместе со всеми бойцами бригады «Неуловимых» добывали победу над врагом.

ОЛЯ

Часто вспоминаю я девушек и женщин — беспартийных, комсомолок и коммунисток, деливших с нами тяготы и невзгоды походной партизанской жизни. В шинелях, ватниках, потертых пальтишках и залатанных шубейках шли они рядом с нами через леса и села Белоруссии. Поистине неуловимыми были многие из них — смелые разведчицы, отважные подпольщицы, заботливые санитарки, медицинские сестры.

Одним из светлых, немеркнущих образов навсегда осталась для меня Ольга Михайловна Светлова — невысокая, хрупкая девятнадцатилетняя девушка с тонкими руками и застенчивой улыбкой на миловидном лице. Вспоминаю ее, я каждый раз жалею, что не сохранилось подробностей короткой, но прекрасной жизни этой девушки, что в моем архиве нет даже ее фотографии. Не удалось до сих пор разыскать и родственников Оли.

Готовя эту книгу, вновь перебирая свои давнишние записи, я с трудом восстанавливаю «анкетные данные» Светловой. До войны жила в Полоцке, на улице Фрунзе. Училась в школе, была отличницей и комсомольской активисткой. Любила книги, писала, кажется, стихи. Хорошо пела в хоре. Мечтала стать педагогом или геологом.

Вот и все.

Впервые об Оле Светловой разведчики доложили мне зимой 1942 года. Они долго присматривались к девушке, и все сошлось на одном: Оля может и хочет приносить пользу в борьбе с оккупантами. Я решил познакомиться с ней.

Встреча произошла в лесу, неподалеку от деревни Булавки, Полоцкого района. Оля взглянула на меня, бородатого, увешанного оружием, смущенно улыбнулась и сильно покраснела. Позже она говорила, что испугалась: вдруг командир не поверит ей или не захочет взять в бригаду! И рост-то у нее маленький и стрелять она не умеет...

Но девушка мне понравилась. Без всякой рисовки, просто и естественно она сказала, что давно хочет воевать против фашистов, только не знает, как и за что взяться.

— Я должна... Я обязана... И вы не смотрите, что я такая... маленькая и вроде слабая. Сделаю все, что прикажете.

Мы поручили Оле разведку в Полоцке, рассказали, как вести себя, и попросили приходить время от времени на это же место в лес: ее будут встречать наши связные. Девушке объяснили, что все добытые сведения она должна только запоминать; записывать можно только в самом крайнем случае. Для сохранения конспирации с согласия Оли ей присвоили кличку Семиреченская.

— Запомните? — спросил я на прощание.

— Обязательно. Семь рек... Семь дней недели... Не забуду.

Оля аккуратно выполняла наши задания. Правда, она иногда излишне рисковала, проникая по собственной инициативе даже в запретные для гражданских лиц зоны. А на наши предупреждения и советы быть поосторожнее всегда шутливо отвечала:

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Да ведь мы у себя дома!

Начало 1943 года было для нас трудным во всех отношениях. Стояли лютые морозы. В эти дни гитлеровцы начали осуществлять главную часть операции «Нюрнберг». Все наши мысли и силы сосредоточились на том, чтобы сорвать кровавую затею врага, вывести партизанские отряды из-под нависшего над ними удара и в то же время нанести ощутимый урон фашистам. Не имея возможности держать жесткую оборону, мы усилили подрывную деятельность, делая все, чтобы остановить гитлеровцев.

В ходе этой борьбы одной из частных, но весьма важных для нас задач было задержать хотя бы на один-два

дня движение немецких колонн к селу Быковщина. Наиболее удобное место для этого — перекресток дорог возле села Подбельцы. По обе стороны дороги тянутся непроходимые даже зимой болота. Недалеко от перекрестка дорогу пересекает ручей, через который перекинут деревянный мост. Именно здесь лучше всего преподнести немцам «сюрприз». Но подобраться к этому перекрестку очень нелегко.

— А что, если поручим это Светловой? — предложил как-то Корабельников.

— Справится ли? — усомнился Глезин.

— Думаю, справится.

— Идея неплохая, — согласился Щенников. — Ведь Оля все время сейчас переезжает с места на место в поисках своей бабушки.

В интересах разведывательной работы мы некоторое время назад «породнили» двух подпольщиц — пожилую женщину, жену железнодорожника на станции Толмачевская Наталью Ивановну Рудакову и Ольгу Светлову. Документы Рудаковой удостоверяли, что она тяжело больна, нуждается в уходе и хорошем питании, для чего ей необходимо выезжать в села за продуктами. Оля получила справку, что немецкое командование разрешает ей ездить на станцию Толмачевская для ухода за бабушкой.

В моей памяти хорошо сохранилась первая встреча «бабушки» и «внучки».

В небольшой избушке Наталья Ивановна Рудакова делилась со мной сведениями, связанными с выполнением нашего очередного задания. Рудакова устала и, сбросив зимнее пальто, грелась у жарко натопленной печки. Голос ее, как обычно, звучал ровно, но было заметно, что женщину клонит ко сну.

Я рассказал Рудаковой о нашем намерении породнить ее со Светловой. Наталья Ивановна согласно кивнула и, чуть оживившись, заметила:

— Вам виднее, Михаил Сидорович.

В это время в избу вошли Павел Корабельников с Олей.

— Знакомьтесь, — сказал я подпольщицам.

Они обменялись рукопожатиями.

Я рассказал, зачем понадобилось «породнить» их и спросил, нет ли каких возражений.

— Какие могут быть возражения, — спокойно ответила Рудакова. — По возрасту я уже давно бабушка. А такая внучка, ладная да статная, вполне мне по сердцу.

— И я рада, что наконец нашла себе бабушку, — улыбулась Оля. — Вдвоем веселее!

Тут же мы решили, что «родственницы» будут действовать и вместе и порознь, смотря по обстановке. Обе они должны держать связь с подпольщиками в Полоцке, Боровухах-первой и второй, вести разведку, распространять листовки и сводки Совинформбюро.

— Когда будете работать вместе, — инструктировал их начальник разведки Корабельников, — объясняйте гитлеровцам, что разыскиваете родственников, с которыми собираетесь ехать в Германию. А если разойдетесь, втолковывайте полициям и жандармам, будто бабушка ищет свою потерявшуюся внучку, а внучка — любимую больную бабушку. Чтобы не сбиться и на случай проверки, вам обязательно надо заранее уславливаться, в каких населенных пунктах будет находиться каждая... А то запутаетесь так, что самый глупый староста или полицейский вас раскусит.

— Ладно, мы уж как-нибудь по-родственному обо всем договоримся, — улыбулась Наталья Ивановна.

С тех пор Рудакова и Светлова неизменно «разыскивали» друг друга и не без успеха выполняли наши задания. Вот поэтому-то, когда речь зашла о «сюрпризе», который надо было подготовить оккупантам в районе села Быковщина, Щенников и напомнил мне о «бабушке» и «внучке».

Я согласился.

— Решено... Дадим Оле противотанковую мину, укажем подходящий маршрут... Думаю, она не растеряется.

— Куда вызвать Светлову? — спросил Корабельников.

— В Большую Щеперню.

Большая Щеперня относилась к «партизанским» селам, куда гитлеровцы показывались не часто, а мы это село в шутку называли своей столицей.

На встречу Оля пришла в теплых стеганых брюках и телогрейке, в больших черных валенках и шапке поверх платка.

— Зря так вырядилась, — упрекнул ее Корабельни-

ков. — Ты похожа сейчас на снайпера, а не на простую дивчину.

— А мороз-то какой! — оправдывалась девушка. — Да и по лесу идти легче. Только не ругайте меня... Буду возвращаться, у населенного пункта переоденусь.

— Да мы и не ругаем, — успокоил я Светлову. — Пойми, мы волнуемся за тебя!

— К чему ненужный риск? — мягко пожурил разведчицу Корабельников. — Мне охота, Олечка, на твоей свадьбе погулять.

Девушка смутилась. Дав ей немного оправиться, я завел разговор о предстоящем задании. На одной из шоссейных дорог, по которой двигаются каратели, предстоит заложить противотанковую мину. Сделать все надо так, чтобы пешие патрули ее не заметили, а грузовая машина, надавив на мину колесами, взлетела на воздух.

Во время разговора я невольно заметил, что Оля смотрит на меня и на Корабельникова каким-то отсутствующим взглядом. Мне показалось, что мысли ее витают где-то очень далеко. Неужели колеблется? Я не выдержал и спросил:

— О чем вы думаете?

Она встрепенулась и с недоумением посмотрела на меня:

— Ни о чем особенном. Думала, куда лучше спрятать мину. Может быть, в голенище валенка?

Мы с Корабельниковым чуть не расхохотались. Милая девушка, она и не знала, что противотанковую мину — деревянный ящик с пятью килограммами взрывчатки — не спрячешь на себе. Первая трудность и заключалась в том, чтобы незаметно пронести этот смертоносный груз к месту назначения...

В тот же день мы раздобыли лошадь с санями, полными сена. Оле достали справку, что ей разрешена поездка в деревню Нижнее Заречье к больной бабушке.

Лошадь ждала в укромном месте. Девушка тепло оделась и повязалась платком. Теперь она ничем не отличалась от местных жительниц. Ящик с миной, укутанный сеном, разведчица засунула в мешок, набила его доверху пахучим сеном и туго перевязала веревкой. Мы помогли пристроить мешок в санях. Оля уселась на него и тронула вожжи.

— До скорой встречи!

Девушка помахала нам рукой и причмокнула губами, как заправский кучер. Сани, похрустывая, плавно заскользили по слежавшемуся снегу.

Оля уехала, а я тут же пошел в избу лесника Киреева — нашего связного. У него собрался на очередное заседание подпольный райком партии. Клубы сизого махорочного дыма так густо держались под потолком, что даже я, заядлый курильщик, закашлялся. Сегодня обсуждали заявления партизан Табачникова и Волкова о приеме их кандидатами в члены партии.

Заседание шло обычным порядком, а я, слушая выступления и реплики товарищей, все время думал о Светловой, которая в эти минуты ехала с миной в мешке на встречу тысячам случайностей и опасностей.

Из задумчивости меня вывел голос Бориса Табачникова. Отвечая на вопрос секретаря райкома Новикова, храбрый разведчик и подрывник, волнуясь, говорил:

— Хочу сражаться в первых рядах... Хочу бить врага коммунистом... А если придется, хочу и умереть коммунистом...

— Все мы ходим на краю смерти, — заметил Новиков, — однако думаем о жизни. Так что вы, товарищи, — он повернулся к Табачникову и Волкову, — смерть несите врагу!..

Затем я проинформировал райком о планах боевых действий бригады «Неуловимых». Мне задавали вопросы, я отвечал, а мозг сверлила все та же мысль: «Как там Оля?» Непрошенная тревога бередила сердце и заставляла прислушиваться: не возвращаются ли партизаны, посланные сопровождать девушку на первом этапе пути.

И вот наконец они появились. Я вышел в сени. Командир группы Валентин Никольский сообщил, что Светлова благополучно добралась до села Логуны и поехала в сторону села Лисунье. Но вскоре в этом районе появилось на мотоциклах около двадцати гитлеровцев, послышалась стрельба. Группа не решилась идти дальше без специального приказа.

Честно говоря, я уже жалел, что согласился послать Олю на такое опасное задание.

— Что-нибудь стряслось? — спросил Новиков, заметив мою озабоченность.

— Фашистские мотоциклисты... Стрельба...

— А как Оля?

— Ничего толком не знаю. Постараюсь выяснить через своих людей в ближайших селах.

Прошло шесть дней. За это время мы несколько раз встречались со связными и разведчиками, расспрашивали местных жителей, но ничего не узнали. Немцы были, стрельба была, но ни лошади с санями, ни девушки никто не видел.

И вдруг — о радость! — с пункта сбора донесений принесли короткую записку:

«Жду в условленном месте. Семиреченская».

Меня окружили сияющие Глезин, Корабельников, Дюжин и Щенников.

— Вот видишь!.. Жива, здорова!.. Молодчага она, эта Оля!..

Я решил не терять ни минуты и сразу собрался в село Червятку — условленный пункт встречи.

Приземистые избы Червятки прилепились на северном берегу большого озера. На окраине густел заснеженный лес.

На встречу с Олей я пришел вместе с Корабельниковым. На всякий случай неподалеку за деревьями затаились наши автоматчики.

Знакомую фигурку Оли я увидел еще издали. Мы сердечно поздоровались, обнялись и две-три минуты никак не могли начать разговор.

Все дальнейшее я описываю со слов Оли Светловой. Ее подробный рассказ мне запомнился хорошо, и нет нужды добавлять что-либо от себя.

Вот что мы услышали.

«Поехала я в полном порядке. Лошаденка попалась тощая, однако сани тянула легко. Оглянулась, а Щеперни уже и не видно. Ну, помахала я для веселости варешкой и снова дернула вожжи. Теперь, думаю, оглядываться нечего!»

Въехала в село Авангард, знаете такое? Подкатила к первой же избе, привязала лошадь и зашла в дом расспросить жителей. Хозяйка попалась приветливая, посочувствовала, что ищу больную бабушку и, как бы между прочим, рассказала, что супостаты, так она называла фашистов, в селе постоем не стоят, а бывают только проездом.

«Ты, дочка, посиди, обогрейся, — предложила она. — Наверное, замерзлась!»

Но я не замерзла и собралась было уходить, как вдруг в избу вбежала девчушка лет девяти и закричала: «Мама, мама, немцы!..» А сама вся трясется и плачет.

Что делать? Лошадь с санями под окном, меня никто не знает, и себя и хозяйку жалко. Раздумывать некогда. Я быстро разделась, села за стол и посадила к себе на колени девочку, Аней ее звали. А матери сказала:

— Если спросят про лошадь, прикиньтесь, что ничего не знаете, наверное, приبلудная... А я, мол, прохожая, ищу бабу — у меня на это и справка есть. «Не бойся, дочка, — успокоила женщина, — сиди вроде своя».

А я и девочку хозяйскую научила: лошадка, понимаешь, чужая, может, немецкая, к ней и подходить нельзя.

Сидим и ждем — что-то будет? А по улице на мотоциклах промчались фашисты и на ходу постреляли из автоматов. За ними со стороны деревни Белой появились и пешие — в касках поверх платков и вязаных шлемов. Они куда-то спешили, поэтому в дома не заходили, только иногда стреляли вдоль улицы, страх нагоняли. Я стала у окна, продышала дырочку и гляжу. Несколько фрицев подошли к моим саням, поглядели что-то, потом один вскинул автомат и дал очередь. У меня сердце замерло. Ну, думаю, как ахнет наша мина, тогда всем недобровать — и хозяйке, и мне, а главное, задание не выполню. Однако, к счастью, все обошлось, мина не взорвалась. Уж и не знаю почему, то ли ее пуля не берет, то ли фриц в мешок не попал. Так или иначе, а немцы, наделав шуму, из деревни ушли. Тут только я отдышалась и заметила, что у меня на губах кровь. Видно, слишком сильно от страха губу закусил.

Подождала еще минут двадцать, а потом поблагодарила хозяйку, попрощалась, уселась в свои сани и поехала.

Объехала озеро Белое и подалась в сторону Гуты. И тут неожиданно на перекрестке заметила немецкий патруль. Свернуть некуда и поздно... Будь что будет!.. Подъехала ближе, вижу, стоят два гитлеровца, а с ними полицай. Остановили меня. «Куда едешь, девка? По каким таким делам?» — спросил полицай. Русский он, собака продажная!..

Меня всю трясет, а стараюсь улыбаться. Руки дрожат, сердце из груди чуть не выскакивает... Полезла за

справкой, протянула им и объясняю, что еду к бабушке, а как она вылечится, мы соберемся в ихнюю Германию, дескать, много хорошего про культурную жизнь наслышались.

Повертели фрицы мою справку, даже понюхали ее, поговорили между собой, потом один пошел в крайний домик. А полицай усмехнулся. «Ты, говорит, не пугайся, проверят тебя и твои шмутки, тогда и отпустят». Как сказал он про шмутки, я вся похолодела. Ведь вот он, мешок, а в мешке мина!.. Слезла с саней, взяла мешок, отпустила чересседельник, повод и поставила мешок прямо перед лошадыю — пусть ест сено, что сверху лежит. Лошадь уткнулась мордой в мешок, а я хожу вокруг и руками хлопаю, вроде согреваюсь.

Вышел из домика тот самый солдат, что унес справку, высокий, тощий, на козла похож, а с ним офицер в очках. Офицер по-русски спросил, куда я еду. Я опять за свое и показываю на справку, что у него в руках. Очкастый осмотрел меня с ног до головы, два раза обошел вокруг саней, поворошил сено. А лошадь тем временем хрустит и хрустит, сено ест. Скорее бы, черти, думаю, а то лошадь сейчас до самой мины доберется. На мое счастье офицер сказал: «Гут, фрейлен», — махнул рукой и вернул мне справку. Тогда полицейский стал торопить меня: «Скорей, скорей!..» Но мне надо было характер выдержать. Когда фашисты отошли в сторону, положила мешок на место, поправила всю упряжку и тронулась в путь.

Еду, а самой петь хочется. И жарко стало, хоть платок сбрасывай. Вот что значит настроение! Ну а дальше я все места знаю — тут недалеко и Девинка, и Дуброво, и Нижнее Заречье. В Заречье жителей почти не осталось, я и решила свернуть туда. Вижу — пустой сарай. Я и припрятала в углу мину. Завалила ее сверху всяким мусором и пошла искать, есть ли кто живой в селе. Нашла худющего старичка, расспросила для отвода глаз, не была ли тут моя бабушка, мол, такая приветливая, но больная и слабая. У нее здесь родственники жили. Нет, говорит, не видал и не слыхал. Тогда, говорю, она, наверное, в деревне Флорьяны, ведь до Полоцка ей самой не добраться, уж очень слаба. Подошли еще две старухи и сказали, что во Флорьянах осталось еще меньше домов, чем в Заречье, так что вряд ли найду там свою бабушку.

Все-таки я поехала в эти самые Флорьяны. Тут то же, что и в Нижнем Заречье: несколько полуразрушенных домишек, а в них старики с детишками. Опять расспросила про бабушку, никто о ней, конечно, ничего не знает. Зато все клянут захватчиков и жалуется: холодно, голодно.

Лошадь с санями уже без мины я оставила возле одного брошенного дома, а сама прошла по шоссе, к перекрестку. Надо было как-то осмотреться. Пошла и расстроилась: по дороге все время гитлеровцы идут и едут. И хоть недолго я там пробыла, место для минирования облюбовала».

А дальше было так.

Засветло Оля вернулась в Заречье, вытащила мину, а когда совсем стемнело, осторожно добралась до знакомого перекрестка. Найдя небольшую выбоину, она углубила ее, заложила мину, засыпала снегом и для лучшей маскировки притоптала ее. Убедившись, что поблизости никого нет, Оля от радости даже поплясала на этом месте.

— И не боялась, что мина взорвется? — спросил я.

— Нет, Михаил Сидорович. Ведь вы объяснили, что для этого большой груз нужен. А сколько во мне весу? Самая малость!

— Ну а если бы появились фашисты и заметили, что ты танцуешь?

— Я бы сказала, что замерзла и греюсь.

Утром, как только по шоссе началось движение, на mine подорвался грузовик с гитлеровцами. К месту происшествия примчались жандармы и гестаповцы с ищейками. Немцы долго подбирали убитых и раненых, оттаскивали в сторону горящие обломки машины, приводили в порядок дорогу, чинили поврежденный мост. Начались повальные обыски и проверки, но Оле удалось благополучно уйти.

Только она не сразу попала к нам.

«У меня было тогда такое хорошее настроение — передать не могу! — продолжала Светлова свой рассказ. — Хотелось еще что-нибудь полезное сделать. Правда, лошади своей я не нашла. Вот и надумала пешком завернуть в Полоцк, посмотреть, как фрицы себя там чувствуют.

Навестила я некоторых наших связных, а больше всего времени провела у Марии Гавриловны Карасевой.

Она поведала про жизнь в Полоцке, назвала места, где квартируют гитлеровские офицеры. И вот еще что рассказала.

Она часто встречается с бургомистром Сестринской управы Агафоновым. А у него есть сын Иван, служит в полиции, вылавливает партизан и коммунистов.

«Попугать бы их обоих, сынка и папашу, — предложила Карасева, — а еще лучше дать командировку на тот свет».

— Про командировку решать не нам, — ответила я, — а при встрече со старым Агафоновым хорошо бы осторожно намекнуть: дела, мол, плохи, кругом партизаны, слух идет, все ближе подбираются к Полоцку, неровен час, нагрянут на город и на обе Боровухи.

— С какой целью ты советовала это Карасевой? — спросил Корабельников.

Оля смущенно закусил губу.

— Не знаю... Возможно, я поступила неправильно. Но мне казалось, что Агафонов об этих слухах непременно сообщит своим хозяевам, а те начнут паниковать и стягивать к городу войска... Я сама видела возле Полоцка траншеи и колючую проволоку в несколько рядов... Могу хоть сейчас нарисовать те места!

Я протянул Оле блокнот и карандаш. Она быстро обозначила на бумаге населенные пункты под Полоцком и крестиками пометила фашистские оборонительные сооружения.

— В нашем хозяйстве пригодится, — проговорил Корабельников, рассматривая схему.

Чтобы не попасть на глаза патрулям, которые недавно проверяли ее, Оля пошла обратным маршрутом — через Зеленый городок, Боровуху-первую, Деньки, Машары, Рудню и наконец добралась до Девинки. Везде она примечала вражеские укрепления, окопы, огневые точки и все это довольно точно нанесла на карту, которую мы разложили перед ней.

Я поблагодарил девушку за выполненное задание.

— Тебе бы за это орден или медаль! — сказал Корабельников.

— Медали потом считать будем, — ответила Оля. — А пока надо фашистов бить, бить, как собак бешеных!..

В эти минуты нежная хрупкая девушка была похожа на обстрелянного, опаленного порохом бойца, для кото-

рого борьба против оккупантов стала долгом совести, неугасимой потребностью, призванием и смыслом существования.

Оля отдохнула у нас, а потом «бабушка» и «внучка» пошли по намеченным нами маршрутам. Вскоре в штаб бригады стали поступать их донесения о передвижениях фашистских зондеркоманд, о строящихся укреплениях, о расположении гарнизонов. По этим сведениям Щенников и Корабельников готовили очередные засады, налеты, взрывы...

Помнится, в одном из донесений Светлова и Рудакова сообщили, что гитлеровцы, боясь партизанских засад, посылают свои грузовики с карателями и заготовителями не обычными дорогами, а в обход.

Мы посоветовались в штабе бригады и поручили отряду Якимова устроить несколько засад в стороне от большаков и шоссе. Первый же день оказался удачным: партизаны подбили и подожгли шесть машин с карателями и отобрали часть награбленного ими имущества.

— Вот случай, когда родственные связи приносят серьезную пользу, — пошутил как-то Глезин, перечитывая очередное донесение разведчиц. И спросил меня, скоро ли я собираюсь встретиться с «бабушкой» и «внучкой».

Каждая личная встреча с подпольщиками-разведчиками всегда была для меня желанной. Во-первых, хотелось самому убедиться, что они, наши верные неуловимые друзья, живы, здоровы и не теряют бодрости духа. Во-вторых, эти встречи давали возможность получать «из первых рук» ценную информацию и тут же не только инструктировать подпольщиков, а и советоваться с ними, разрабатывать различные варианты и легенды: как поступать в том или ином случае. Это подбадривало и самих разведчиков. Обычно с таких свиданий — будь то в лесу, в землянке или в деревенской избе — они уходили, как однажды сказала Лиля Костецкая, помолодевшими, унося с собой новый заряд ненависти к врагу.

С Рудаковой и Олей мы расстались не так уж давно, около пятнадцати дней назад, однако мне хотелось поскорее повидать их.

На этот раз местом встречи выбрали район села Захарничи, в двадцати километрах севернее Полоцка, так как намеревались поручить «родственницам» несколько срочных заданий, связанных с этим городом. Еще издали

мы с Корабельниковым заметили Рудакову. Она была одна. От тяжелого предчувствия болезненно сжалось сердце.

Мы ускорили шаги. По печальному выражению лица Рудаковой я понял: случилось непоправимое. Губы ее дрожали, из глаз текли слезы.

— Наталья Ивановна!

— Олю схватили!.. В Тиновке... — еле слышно произнесла Рудакова.

Я приказал Корабельникову немедленно послать в Тиновку разведчиков. И вот что выяснилось.

После взрыва на перекрестке дорог гитлеровцы, видимо, заподозрили недавно проезжавшую там на санях «руссиш медхен». Во всяком случае они опрашивали всех жителей окрестных сел, не видел ли кто беловолосой девушки. В Тиновке Оля попала в массовую облаву. Гитлеровцы затащили ее в избу, долго допрашивали, избивали, пытали, но девушка не проронила ни слова.

Тогда Олю, полуживую, истерзанную, бросили в кузов грузовика и привезли в Боровуху-первую. Там ее допрашивал и пытал сам немецкий комендант Кремс. Ничего не добившись, Кремс приказал казнить разведчицу на глазах у жителей. К ногам Оли проволокой привязали метровые доски и закопали ее до колен. Девушка была почти без сознания. Однако на вопросы Кремса и его помощников: «Кто твой командир, где сейчас находятся партизаны?» — еле шевеля губами, отвечала со стоном: «Не знаю... не знаю...»

Ночь Оля провела в яме под охраной четырех автоматчиков. А с утра допросы и пытки возобновились. Светлову закопали сначала до пояса, а потом насыпали землю до горла, так что на поверхности виднелась только голова со спутанными белыми волосами, окрашенными кровью.

Кремс несколько раз уходил и возвращался обратно к месту казни. Под вечер взбешенный упорством партизанской разведчицы он подал знак автоматчикам. В морозном воздухе прогремела очередь — все было кончено.

Наша разведчица Оля, веселая беловолосая девушка из Полоцка, погибла. Пусть советские люди знают и помнят ее. Короткая жизнь Оли Светловой была подвигом во имя людей.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Детский дом имени В. И. Ленина был создан в марте 1924 года. Расположился он в небольшом селе Быковщина, в шести километрах от районного центра Ветрино. В зданиях, окруженных лесом и зелеными насаждениями, весело и беззаботно жили около трехсот осиротевших ребятишек. И директор Владимир Иванович Комлик (во время войны его сменил завуч Григорий Софронович Василевский), и педагоги-воспитатели, и няни, и поварихи — все относились к детям с нежностью и вниманием.

Душой этого почти полутысячного коллектива был секретарь партийной организации Николай Станиславович Тишкевич, член партии с 1916 года, бывший красногвардеец, боец бронепоезда «Красный путиловец». Отец большого семейства, человек чистой души, он всем сердцем привязался к своим питомцам. А они — русские, белорусы, поляки, евреи и даже немцы — души не чаяли в дяде Коле.

Июльской ночью 1941 года тревожный телефонный звонок поднял на ноги директора В. И. Комлика и секретаря партбюро Н. С. Тишкевича. Председатель Ветринского райисполкома Дмитрий Васильевич Тябут требовал немедленно, не теряя ни часу, эвакуировать детей и имущество подальше от приближающейся линии фронта. Руководители детдома быстро созвали всех воспитателей, врачей, рабочих и распорядились срочно будить детей, готовиться к отъезду.

— Ребят в беде не оставим! — заключил свое короткое выступление Комлик,

— Спасение детей — это наша борьба с фашистами, — поддержал его Тишкевич.

Секретарь комсомольской организации Ольга Владимировна Разумович, воспитательница Зоя Васильевна Михайлова, повариха Евдокия Михайловна Лобоч, завхоз Яков Никитич Сильваненок и другие работники детдома сделали, на первый взгляд, невозможное. К утру все было готово к эвакуации, на дороге выстроилось шестнадцать подвод. На них разместились полусонные, испуганные, мало что понимавшие ребяташки. А рядом громоздились мешки с продовольствием, постелями, столы, стулья, посуда и прочая самая необходимая утварь.

Когда здания детдома скрылись из глаз, Яков Сильваненок с горечью произнес:

— Было вроде гнездо... А теперь вот разорили и бросили...

Ему было особенно тяжело: здесь, в Быковщине, вместе с некоторыми другими семьями оставалась и семья Сильваненка.

Начался тяжелый, полный лишений и опасностей путь в неизвестное. Деревня за деревней, село за селом... Через несколько дней колонна с детьми подошла к станции Лосьвида. Директор детдома поделился с секретарем партийной организации Тишкевичем своими предположениями:

— Может, удастся дальше поехать поездом?

— Это было бы просто прекрасно, — с надеждой отозвался Николай Станиславович.

Вот показалась платформа. На платформе стояла группа советских солдат и офицеров.

— Наши!.. Наши!.. — закричали взрослые и дети. Мальчишки первыми прыгнули с подвод и бросились к платформе.

Но их голоса заглушили короткие автоматные очереди. Восторженный крик оборвался. Несколько мальчиков упало. Все замерли. Оцепеневший директор взглянул на парторга, а тот — на директора. Что все это значит?..

На платформе стояли бойцы и командиры Красной Армии, но... под конвоем гитлеровских автоматчиков. Пленные! Из-за их спин торчали дула автоматов.

Не успели взрослые и дети опомниться, как их окружила группа фашистов и под конвоем отвела в стоявшую неподалеку пустую школу.

В большой класс ворвался гитлеровский офицер и приказал построить всех в две шеренги. Выйдя на середину, он на ломаном русском языке закричал:

— Коммунисты, выходили! Если коммунисты не выйдешь сам, сейчас начнем обыск. За партай билет, за неподчинений и укрываний — расстрелять всех!..

Секунды тянулись гнетуще долго. Кто знает, чем бы все кончилось. Но в это мгновение послышался нарастающий гул самолета. Возле здания школы грохнул взрыв. Посыпались стекла, кое-где вылетели даже рамы. Немецкий офицер первым бросился на улицу, за ним побежали автоматчики. Детдомовцы, воспользовавшись этим, тоже ринулись к выходу.

Темноты дождалась в лесу. А ночью снова в путь.

Дорогу преградила река... Надо переправляться через эту хотя и немногочисленную, но бурную реку. Общими усилиями сделали самодельные плоты, связали их веревками, лозой и постепенно переправились.

Остановившись на окраине деревни Оболь, руководители детдома решили без предварительной разведки дальше не двигаться. Первая же разведывательная группа во главе с Павлом Тишкевичем, сыном Николая Станиславовича, наткнулась на гитлеровцев. Тогда после короткого совещания было решено обойти Оболь проселочными дорогами и болотами.

Подводы с детьми двинулись через леса и болота.

После долгих мытарств, видя, что им не пробиться к своим и что детям грозит неминуемая гибель, руководители детдома приняли горькое, но единственно правильное решение: возвращаться в Быковщину. Там хоть можно надеяться на помощь местных жителей, организовать охрану, вообще что-то предпринимать. А здесь, на дорогах, не сегодня-завтра очередная группа озверевших фашистов перестреляет всех.

17 июля 1941 года детский дом имени Ленина тронулся в долгий и тяжелый обратный путь. Лежал он через Полоцк. Но в Полоцке уже хозяйничали немцы. Контрольно-пропускные пункты и жандармские патрули задерживали всех мужчин.

Как быть?

Выход, правда, довольно рискованный нашла Ольга Разумович. Она предложила положить всех мужчин на дно телег, накрыть постельными принадлежностями,

сверху посадить детей и попытаться пройти через контрольно-пропускной пункт.

Так и сделали.

На восточной окраине Полоцка колонну остановили гитлеровские патрули. К фашистскому офицеру подошли Ольга Разумович, Зоя Михайлова и Евдокия Лобоч. Они долго объясняли, что везут только детей, маленьких детей...

Офицер вряд ли понял взволнованных женщин. Но, к их счастью, проезд разрешил, и подводы двинулись дальше.

Вот уже позади остались деревня Бариньво, районный центр Ветрино. Наконец показалась родная Быковщина.

Надо сказать, что Быковщина расположена несколько в стороне от шоссе, поэтому проходившие немецкие части не успели разграбить и разрушить детский дом. Ребятишки с веселыми возгласами бросились по своим комнатам, а обслуживающий персонал начал выкапывать и собирать уцелевшее имущество и продукты... Когда стемнело, подсчитали «трофеи»: керосина ни капли, соли считанные килограммы, масла нет, мяса нет, круп нет...

Начались безрадостные, полные напряженного ожидания и опасностей месяцы оккупации. Гитлеровцы периодически наведывались в детский дом, чтобы забрать то одеяла и простыни, то что-нибудь из съестного. Иногда из ветринской комендатуры приезжали жандармы и требовали выдать им детей старше двенадцати лет, а также ребят еврейской национальности. Всех их ожидала отправка в Германию на работы и «перевоспитание».

Николаю Станиславовичу Тишкевичу и педагогам приходилось всячески изворачиваться. Они закапывали случайно добытые продукты и спасали от угона ребят. Тишкевич нашел несколько винтовок и создал подпольную боевую группу на случай, если придется схватиться с врагом. В помощь взрослым организовал разведывательную группу из ребят. По поручению Тишкевича юные разведчики ходили в соседние села, узнавали о расположении и численности гитлеровских гарнизонов, дежурили на перекрестках дорог и на шоссе, чтобы предупредить об опасности.

Быстро пробежало знойное трагическое лето 1941 года. Отбушевали метели суровой зимы, и снова в Быков-

шины зазеленели деревья. А жить в детском доме становилось все труднее. Дети чахли от голода, недосыпания, от постоянного страха. Большую часть времени они лежали на незастеленных кроватках и на полу, согревая друг друга собственными телами. Каждую неделю приходилось хоронить то одного, то другого детдомовца: ребята кашляли, болели, а в аптечке не было даже самых немудреных лекарств.

Обо всем этом мне стало известно в конце декабря 1942 года. До этого о детском доме я слышал от крестьян. Ведь от штаба бригады до Быковщины 150 километров, да еще оккупированной территории!

И вот однажды командир самого дальнего от нас отряда, действовавшего в Ветринском районе, Николай Павлович Комлев прислал пакет с надписью: «Комбригу П. Весьма срочно!»

Я знал Комлева — мужественного, волевого человека, офицера Красной Армии, не раз смотревшего смерти в глаза. Такой не будет посылать срочное донесение без особой надобности.

Вскрыв пакет, прочитал:

«Получены весьма важные сведения, которые считаю возможным доложить только лично. С этой целью буду завтра в Сергеево».

— Ребятишки мрут в Быковщине, — сказал Комлев, когда мы с ним встретились. — Целый детский дом гибнет...

— Что известно об этом доме?

Комлев подробно рассказал то, о чем я написал выше. Узнал он это от местных жителей и от своих разведчиков, с которыми установил тесную связь сын Николая Станиславовича — Петр Тишкевич, впоследствии ставший начальником разведки отряда.

— Голодают, мерзнут, болеют ребятки. Только за последнюю неделю похоронили пятерых.

— А взрослые?

— Почти весь обслуживающий персонал на месте. Коммунисты и комсомольцы есть. Они принимают меры к спасению ребят, но бессильны. Да и сами на острие ножа ходят. Многие подростки бродят по селам, собирают милостыню. А жителям самим есть нечего... Вот я и надумал с вами посоветоваться...

Я сразу же решил: партизаны должны помочь детскому дому, уберечь ребят и педагогов от фашистского террора, наладить снабжение. Иного решения не могло быть. Но где взять продукты и одежду? Как обеспечить безопасность детей?

— Вот что, Николай Павлович, — сказал я, — о детском доме доложу Москве и подпольному райкому партии. А вам пока боевая задача. Организуйте в окрестных селах сбор продуктов для детей, да и своими запасами поделитесь. На дальних подступах к Быковщине установите посты наблюдения и засады. Продукты передавайте осторожно, будто от местных жителей. Своевременно предупреждайте детдом о приближении фашистов. Подберите наиболее проверенных коммунистов и комсомольцев. И позаботьтесь о конспирации. Чем меньше людей будет знать о нашей помощи, тем лучше для детей и для нас.

В штабе бригады мы все детально обсудили, затем я составил радиограмму в Москву и поручил Пиняеву не отходить от «Белки», пока не поступит ответ.

Ответ пришел на следующий день. Нам поручили охранять детский дом и помогать ему. Подпольный райком партии также предложил, не ослабляя боевой активности, вплотную заняться детским домом.

После долгих прикидок и бесед с Глезиным я решил навестить ребятишек и разузнать на месте, что мы можем и должны сделать для их спасения.

Но выполнить это решение было не так просто. От Быковщины всего шесть километров до районного центра Ветрино. В Ветрино были сосредоточены крупные силы гитлеровцев и находилась комендатура во главе с майором Шульцем. Появление партизан в Быковщине сразу поставит под удар и детей и воспитателей.

Выход был один: пробраться в детский дом скрытно и, по возможности, отвлечь внимание майора Шульца. На всякий случай я попросил Щенникова взять с собой помимо продовольствия несколько комплектов немецкого обмундирования. Может быть, пригодится!..

Неподалеку от деревни Горовая к нам присоединилась еще одна группа партизан во главе с командиром отряда Николаем Комлевым. Он сообщил, что, по данным его разведчиков, гитлеровцы подозревают работников детского дома в связях с партизанами.

— Так что решайте, товарищ комбриг, как нам поаккуратнее явиться туда.

— А за последнее время фашисты бывали в Быковщине?

— Бывали, и довольно часто.

Проводить нас в детский дом должен был Петр Тишкевич, который пришел с группой Комлева. Он сообщил: сегодня утром из Полоцка в районный центр Дисну проехала группа гитлеровцев — автомобиль марки «оппель-капитан» и четыре мотоцикла с колясками. Известно еще о нескольких таких группах, двигавшихся в других направлениях.

Это означало, что оккупанты предпринимают какую-то очередную «акцию» и могут неожиданно появиться в Быковщине. Пришлось скрепя сердце повременить и, прежде чем двинуться в детский дом, выяснить намерения противника. Я, Комлев и Щенников собрали нечто вроде военного совета, причем мнения наши разошлись. Комлев предложил устроить засаду, дожидаться возвращения группы вражеских офицеров и уничтожить их, а может быть, и захватить «языка». Щенников, наоборот, считал, что это приведет к срыву главной нашей задачи — посещения детского дома. Вытянувшись во весь свой богатырский рост и похлопывая себя по груди варежкой, он проговорил:

— Соблазн, конечно, велик. Трахнуть несколько фрицев — доброе дело. Но стоят ли они того, чтобы мы вернулись несолоно хлебавши! Шум, стрельба... Это нам сейчас ни к чему.

Однако упустить ценную добычу не хотелось, к тому же идти в детский дом, зная, что где-то неподалеку рыщут гитлеровцы, было небезопасно. Мы прикидывали и так и эдак, а сошлись на том, что все же организуем засаду, только подальше от Быковщины — возле деревни Полюдовичи. Каратели обязательно поедут мимо этой деревни, возвращаясь в Полоцк.

— Пошли! — распорядился я. — А для начала превратимся в плотников или саперов.

— Это еще зачем? — не понял Щенников.

— Разберем мост через реку Начу, благо он деревянный. Фрицам волей-неволей придется остановить машины.

Наш небольшой отряд разделился на две группы.

Одна, во главе с Комлевым, расположилась вблизи шоссе. А я с несколькими бойцами занял удобное место на ближайшей высотке, чтобы видеть происходящее и в нужный момент прийти на помощь Комлеву.

Минута за минутой, час за часом, а гитлеровцев все нет. Может, они не собираются возвращаться в Полоцк, и мы зря сидим тут?

Но вот раздалось отдаленное тарахтение. Вскоре показались два мотоцикла, «оппель-капитан» и еще два мотоцикла. В колясках сидели солдаты, положив руки на пулеметы.

Передний мотоциклист вдруг резко затормозил: водитель увидел разобраный мост. словно уткнувшись в стену, застопорили остальные мотоциклы и машина. Два офицера вышли из «оппеля», о чем-то посоветовались и махнули солдатам: разворачиваться обратно.

В этот момент группа Комлева открыла автоматный огонь. Гитлеровцы заметались. Я дал команду обходить противника справа и слева, отрезав ему таким образом пути отступления. Вперед выдвинулась группа захвата под командованием коммуниста Кирилла Лукича Короткевича. Пригнувшись, он первым выскочил на шоссе и бросился к мотоциклам. И тут же упал, сраженный автоматной очередью.

Партизаны открыли такой сильный огонь, что через две минуты с гитлеровцами было покончено. «Языка» захватить не удалось. На шоссе валялись двенадцать трупов, трое убитых оказались офицерами с эсэсовскими нашивками. Комлев подсчитал трофеи: 4 пулемета, 6 пистолетов, и два портфеля с документами. Позже выяснилось, это были планы передислокации карательных частей.

В деревне Полюдовичи мы провели короткий траурный митинг и с воинскими почестями похоронили нашего боевого товарища Кирилла Короткевича. После митинга к нам подошли трое колхозников и попросили принять их в партизанский отряд. Я написал записку Глезину и направил новых партизан в деревню Большая Щеперня. И что характерно: проводить земляков вышло почти все село. Трогательная картина этих проводов и сейчас стоит у меня перед глазами...

На месте разгрома группы карателей осталась засада во главе с начальником штаба отряда Сергеем Иванови-

чем Лубянниковым. Бывший военфельдшер уже давно стал опытным боевым командиром. Смелый, находчивый, внешне спокойный и неторопливый, как сибирский таежный охотник, он деловито и уверенно действовал в самых трудных положениях. Бойцы верили Лубянникову, уважали его и считали, что с таким не пропадешь.

— Ваша задача, — сказал я на прощание, — уничтожать всех гитлеровцев, что появятся здесь, и делать ложные маневры, всячески отвлекая противника от Быковщины.

Нам надо было спешить, поэтому я, Комлев, Щенников и Петр Тишкевич втиснулись в изрешеченный пулями «оппель», а на один из уцелевших мотоциклов уселись два автоматчика из группы сопровождения. Всхлипли, зафырчали моторы, и машины, подняв облачка снежной пыли, двинулись обходным путем в Быковщину.

Группа Лубянникова свою задачу выполнила. К вечеру на шоссе возле деревни Полюдовичи появились восемь грузовиков. Солдаты соскочили на землю и начали было подбирать трупы, но сильный огонь партизан заставил их разбежаться. Уцелевшие гитлеровцы погнали машины в сторону Полоцка, а Лубянников, отвлекая на себя их внимание, направился к деревне Олесево. Мы тем временем были уже в Быковщине.

Во дворе было тихо и безлюдно. Большой деревянный дом с кирпичной пристройкой и другие здания казались брошенными, нежилыми.

— Я пройду вперед, — предложил Петр Тишкевич, — а вы чуть подождите.

Через несколько минут он вышел на крыльцо и, улыбаясь, поманил нас:

— Заходите!..

Посреди большой, почти без мебели комнаты стоял невысокий пожилой мужчина, он смотрел на вошедших внимательным доброжелательным взглядом.

— Здравствуйте, дорогие, — негромко приветствовал он нас и неожиданно... отвернулся. Старого красногвардейца душили слезы. Справившись с собой, он виновато глянул на сына и тихо проговорил: — Никогда не думал, не гадал, что нас постигнет такое горе...

Николай Станиславович вышел и через минуту вер-

нулся в сопровождении двух женщин и худого бледного мужчины в поношенном костюме.

— Ольга Владимировна Разумович, — назвал Николай Станиславович девушку с изможденным лицом, — секретарь нашей комсомольской организации.

Комсомолка Разумович выглядела старухой. Под запавшими погасшими глазами выделялись большие синие мешки, лоб испещрили ранние морщины.

Невысокая блондинка Зоя Васильевна Михайлова оказалась воспитательницей, а мужчина — председателем профсоюзного комитета Карлом Андреевичем Маврикиным.

Познакомившись со всеми, я попросил никому не говорить о нашем визите:

— Так будет спокойнее и лучше.

— Понятно, — откликнулся Тишкевич-старший и предложил пройти по комнатам, посмотреть, как живут дети.

И в коридорах, и в комнатах стояла гнетущая тишина. На кроватях без подушек и одеял, а то и прямо на полу сидели и лежали бледные, обессиленные мальчики и девочки, испуганно натягивавшие на себя лохмотья. Лица у всех землисто-темные, опухшие от голода, руки и ноги неестественно выгнуты, будто надломанные прутья.

Дети исподлобья следили за нами; некоторые изредка с трудом поворачивали головы и еле слышно не то говорили, не то стонали:

— Тетя Зоя, кушать... Тетя Оля, кусочек хлеба...

На глазах у Зои Васильевны блестели слезы. Да и сам я, повидавший за время войны сотни смертей, чувствовал, что вот-вот не выдержу. Оля Разумович с болью прошептала:

— Так дальше невозможно... Спасите детей!..

Тихо ступая, мы зашли в следующую комнату, где жили только девочки.

Увидев Петра Тишкевича, который раньше был учителем, одна из девочек пронзительно закричала:

— Дядя Петя! Заберите нас...

Две малышки сосали, причмокивая губами, засаленные тряпки, которыми, очевидно, когда-то вытирали посуду. А рядом ползала по полу полуголая девочка, по-

хожая на скелет, и ладонями сгребала пыль, видно, надеялась найти крошки хлеба.

— Как тебя зовут? — спросил я, погладив ее по головке со спутанными волосами.

Девочка невнятно пробормотала:

— Надя...

И вдруг расплакалась. Зоя Васильевна приласкала Надю и спросила, почему она плачет.

— Мы спрятали Мишу в подвал... Ему темно и душно.

Николай Станиславович распорядился вывести Мишу Беленького из подвала. Дрожа исхудавшим тельцем, перед нами предстал черноволосый мальчик лет десяти, похожий на цыганенка.

— Ты почему в подвал забрался? — спросил его Комлев.

Миша Беленький промолчал.

А когда мы вышли в коридор, Тишкевич-отец пояснил:

— Немцы каждый раз требуют, чтобы мы выдали им евреев и мальчиков старше двенадцати лет. Мы, конечно, прячем детей, отправляем их в лес или в ближайшие деревни. Да и сами детдомовцы научились, завидев незнакомых людей, прятать своих товарищей.

Пока Щенников и Комлев осматривали хозяйство, Николай Станиславович подробно рассказал мне о неудачной эвакуации детдома и о зверствах фашистов в Ветринском районе.

— Только вы не подумайте, товарищ командир, что мы тут сидели без дела, — волнуясь сказал старик. — Создали вооруженную группу, нападали на машины, устраивали засады. Вот Петр мой, — показал он на сына, — стал заправским гранатометчиком. Григорий Софронович Василевский, наш новый директор, тоже мастак бросать гранаты. Жаль, нет его сейчас, ушел в район разноухать насчет хлеба или муки. Мы и на оккупантов нападали главным образом для того, чтобы в машинах найти продовольствие. Правда, успехами похвалиться не могу... А теперь и вовсе от этой затеи пришлось отказаться: много риска и мало результатов...

— Ты лучше, батя, скажи про радиоприемник, — напомнил сын.

Николай Станиславович понизил голос до шепота:

— На одном из чердаков припрятали мы приемник. А потом перенесли в лес и сделали для него специальное укрытие.

— И радист свой у нас есть, — улыбнулась наконец Разумович.

— Да, наш преподаватель физики Павел Иванович Мелешко в этой самой радиотехнике кое-что смыслит. Он и выполняет роль радиста. Записывает сводки Совинформбюро и всякие другие новости.

...Мы пробыли в Быковщине несколько часов. Расставаясь, я обещал Николаю Станиславовичу Тишкевичу, что попытаемся помочь детям продуктами и сделаем все возможное, чтобы отвлечь внимание фашистов от Быковщины.

Уходя, мы еще долго видели у ворот фигуру Тишкевича. Я понимал, как тяжело и грустно ему оставаться здесь, не зная, что принесет завтрашний день. И твердо решил: надо во что бы то ни стало спасти детей от голодной смерти.

В штабе бригады я подробно проинформировал обо всем Глезина и Корабельникова, а затем и секретаря подпольного райкома партии Новикова. Наши мнения полностью совпали: помочь детям — наш святой долг. С этой целью решили создать две специальные группы: одной поручили переброску продовольствия в детдом, а другой — его охрану. Первую группу возглавил новый начальник разведки отряда Комлева Петр Тишкевич (он стал нашим бойцом), вторую — Петр Фролович Белоусов, которому мы подчинили пятнадцать бойцов.

И все же каждый понимал: наша помощь детям далеко не достаточна. Большому коллективу требовались соль, керосин, медикаменты, не говоря уже о хлебе и муке. Поэтому в штабе бригады наряду с чисто партизанскими делами мы часто обсуждали и меры улучшения помощи детдому. Щенников однажды предложил развезти ребят по деревням и передать колхозникам.

— Боюсь, не сегодня-завтра фрицы поломают наши планы... Да и сколько сил придется отвлекать!

Щенникова поддержал Никитин:

— Может, лучше эвакуировать ребят через линию фронта или организовать несколько лагерей в лесах?..

Но все эти предложения были неосуществимы. Ни эвакуировать, ни перевезти детей в другие места мы не

могли, не привлекая внимания фашистов. Большинство ребят были больны и истощены. Для погрузки требовалось много подвод. А пути? Мосты взорваны и сожжены, над дорогами носятся на бреющем фашистские самолеты, на перекрестках патрули. Не дремлет и агентура оккупантов: везде шныряют шпики, переодетые в штатское гестаповцы, завербованные предатели.

В этой ситуации имелся только один выход: оставить ребятшек на месте и накапливать побольше трофеев — в «детский фонд». И мы усиленно занимались этим.

Зимой и летом, осенью и весной партизаны «Неуловимых» охраняли детский дом в Быковщине от налетов немцев, помогали детишкам продовольствием и одеждой. А когда бригада получила приказ передислоцироваться на запад для выполнения новых боевых задач, мы подготовили для наших подшефных солидные запасы всего самого необходимого и хорошо замаскировали их в лесу, а для охраны детей и базы оставили небольшой кавалерийский отряд под командованием Николая Федорова.

В лесах под Полоцком оставалась и боевая группа во главе с полковником Никитиным. Ей мы также поручили неусыпно следить за судьбой детей и оказывать им всевозможную помощь.

Посоветовавшись в штабе бригады, пришли к выводу, что дальше оставлять в Быковщине Н. С. Тишкевича небезопасно: гестаповцы могли с минуты на минуту арестовать Николая Станиславовича. Поэтому, уходя на запад, мы забрали с собой славного «хозяина» детдома, старого бойца и коммуниста. К партизанам пришли его жена, сын Василий и дочь Настасья. Вся семья Тишкевичей включилась в боевую работу.

В день ухода на запад, когда бригада уже была на марше, фашисты совершили очередной налет на детский дом, и отряду Федорова, что называется, с ходу пришлось вступить в бой. Каратели, отстреливаясь, бежали. Но через несколько дней в Быковщину снова двинулись крупные силы. Федоров и Никитин были вынуждены срочно эвакуировать ребят в села и спрятать их в крестьянских семьях. В Быковщине расположился штаб гитлеровской дивизии.

Шефство партизан над детским домом продолжалось до осени 1943 года. Многих и многих детишек посчастливилось спасти от верной гибели...

После войны детский дом имени Владимира Ильича Ленина существовал еще долго. В настоящее время там школа-интернат. Весело, беззаботно живут в нем сотни ребятишек, которые только из книг знают, что такое война. А спасенные нами в те трудные годы мальчики и девочки давно стали взрослыми, обзавелись семьями, растят своих собственных детей и отдают все силы труду, творчеству, строительству коммунизма.

НИ ХЛЕБА, НИ МЯСА ВРАГУ!

С первых же дней оккупации гитлеровцы начали грабить белорусские колхозы, отнимать у крестьян скот и зерно. Часть награбленного шло на снабжение фашистской армии, остальное увозилось в Германию. Перед партизанскими отрядами была поставлена задача любой ценой сорвать эти заготовки, не давать врагу ни хлеба, ни мяса.

Как-то в конце зимы 1943 года начальник разведки отряда Комлева Петр Николаевич Тишкевич доложил, что в местечке Ист фашисты собрали много награбленного добра, в том числе около 200 голов скота, для отправки в Германию. Этот так называемый заготовительный пункт охранялся не сильно. Но подходы к нему были для партизан затруднены, так как по дорогам постоянно курсировали гитлеровцы.

Подготовить операцию поручили командиру отряда Комлеву и начальнику штаба Дюжину. В лесу, в трех километрах от Иста, партизаны собрали ударную группу численностью в 150 человек во главе с Дюжиным. Из отряда Комлева было выделено сорок человек.

Произвели тщательную разведку. Выяснилось, что ночью Ист охраняют сильнее, чем днем. Этим просчетом оккупантов решили воспользоваться. В одиннадцать часов дня партизаны с трех сторон ворвались в местечко. Короткая схватка закончилась полным разгромом охраны. Около двадцати гитлеровцев было убито и ранено, остальные бежали.

Здание детского дома в Быковщине

С. И. Лубянников

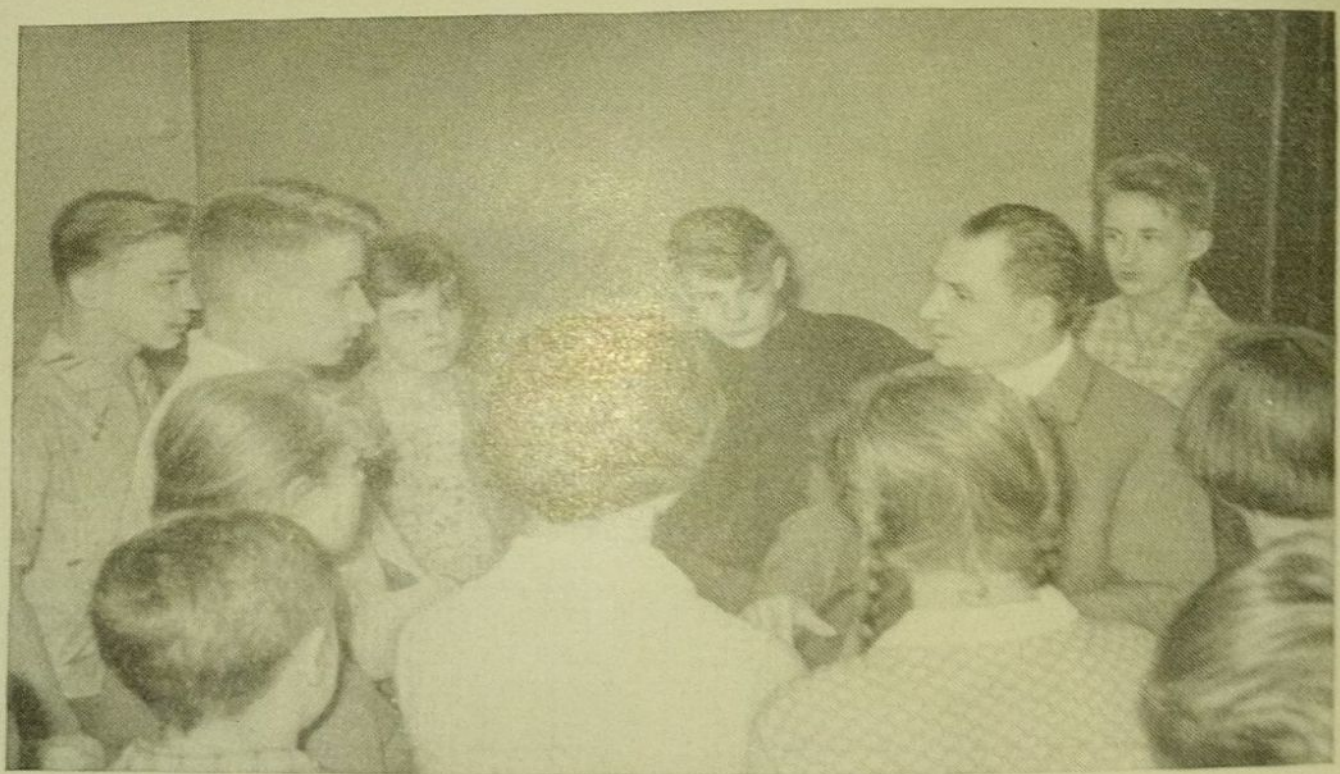
В. А. Хурнов

Н. А. Полунип

Разведчица А. М. Виноградова (фото 1962 г.)

Ученики 676-й московской школы перед походом по местам боев «Неуловимых» (фото 1962 г.)

Скот и награбленное оккупантами имущество достались партизанам. Часть скота тут же возвратили крестьянам (они шли до Иста следом за своими буренками, в надежде, что их вернут). А около сорока бесхозных коров решили разделить между детским домом и бригадой — мы испытывали тогда большие трудности с продовольствием, и отбитый скот пришелся весьма кстати.

Но отвоевать стадо только полдела. Не менее трудно доставить его к месту назначения. Особенно рискованно было переправляться через железную дорогу Полоцк — Даугавпилс, усиленно охраняемую фашистами.

Вместе с подводами, груженными различным имуществом, стадо растянулось на полкилометра. К концу дня колонна достигла населенного пункта Рубаново, что в двадцати пяти километрах от Полоцка. Переправились по льду через Западную Двину.

Ночью у села Полнабоки стадо попало в незамерзающее болото. Партизаны справились и с этой бедой. Хотя люди промокли до пояса, остановку сделали только у населенного пункта Куликово. Здесь разработали план перехода через тоже охраняемую железную дорогу Полоцк — Даугавпилс. Место для перехода наметили в пяти километрах северо-западнее станции Адамово. Перед броском разделились на четыре группы. Первая имела задачу по сигналу Дюжина взорвать железную дорогу северо-западнее станции Адамово, чтобы помешать врагу перебросить свои войска по железной дороге из Боровухи-первой. Второй группе поручили взорвать по сигналу железнодорожное полотно юго-восточнее Заборья, исключив тем самым возможность переброски гитлеровских подкреплений по железной дороге из Борковичей. Третью группу выделили для разведки маршрута. Самой главной была четвертая группа. В нее входило человек девяносто во главе с Дюжиным. Вооруженная автоматами и пулеметами, она должна была сломить сопротивление железнодорожной охраны и обеспечить переход колонны.

В полночь группа Дюжина подобралась к железнодорожному полотну. Фашисты заметили партизан и первыми открыли огонь. Завязался бой. С криком «ура» ринулись партизаны на переезд. Сопротивление противника было сломлено, и путь расчищен. Следом за группой двинулся обоз. Но здесь произошло непредвиденное.

У станции Боровуха-первая в воздух взвилось несколько световых ракет. Стало видно далеко вокруг. По партизанам и по обозу начал бить фашистский бронепоезд. Группа Дюжина была в это время на северной стороне дороги, а обоз и скот — на южной. Попытались перегнать скот на северную сторону, но из этого ничего не получилось: бронепоезд вел огонь вдоль железнодорожного полотна. Группе Дюжина пришлось ползком возвращаться.

Надо было искать какие-то другие пути. После долгого блуждания в темноте разведка нашла место, где оккупанты не ожидали появления партизан. Здесь и пересекли вместе с обозом линию железной дороги.

На следующий день отбитый у врага скот находился уже в расположении бригады «Неуловимых».

Но особенно горячей и напряженной была борьба за хлеб. Она развернулась осенью 1943 года, перед тем как нам пришлось уходить на новое место.

Гитлеровские комендатуры принуждали колхозников собирать урожай, а затем отбирали все до последнего колоска. Чтобы устрашить непокорных, на поля выползали танки. Одни держали под прицелом пушек и пулеметов работавших, другие буксировали и охраняли машины, груженные рожью, пшеницей, ячменем.

Нетрудно представить, какая работа могла быть в такой обстановке! Крестьяне разбегались. Для сбора урожая фашистское командование привлекало регулярные части, одновременно увеличивая количество карательных отрядов и зондеркоманд, «обеспечивавших» сельскохозяйственные работы.

Мы вели настоящую битву за урожай: обстреливали гитлеровских солдат, косивших хлеб и вывозивших снопы ржи и ячменя, минировали дороги, подрывали и поджигали танки, взрывали мосты, по которым должны были проходить сборщики. Дорого доставался оккупантам каждый увезенный сноп!

Вместе с тем партизаны помогали колхозникам устраивать в лесах потайные базы, куда свозили часть уцелевшего урожая.

Вот как сами гитлеровцы оценивали в одном из доносений нашу борьбу за хлеб:

«Руководство партизанскими отрядами поставило себе целью срыв хлебозаготовок с тем, чтобы нарушить снабжение немецкой армии. Созданы специальные отря-

ды и кавалерийские подразделения с задачей заготовки хлеба и доставки его в лагеря партизан. Так, было замечено, как большой партизанский отряд в августе вблизи деревни Жуково (24 километра юго-западнее Невеля) убирал урожай зерновых. Из Невеля и Езерищ были высланы отряды полевой жандармерии и полицаев. Головной отряд встретился с группой партизан в количестве 70 человек около деревни Жуково. Окружить партизан не удалось, они отступили в близлежащий лес.

Проводить хлебозаготовки и сбор продуктов питания становится все труднее и труднее. Так, например, в районе Невеля около 32 000 гектаров полезной площади находится под контролем партизан, и там невозможно проводить хлебозаготовки».

Оглядываясь назад, можно смело сказать, что битву за хлеб, как и все прочие битвы, в конечном счете выиграли не оккупанты, а партизаны. Выиграли потому, что и в этом случае, как всегда и везде, вместе с партизанами был народ.

Крестьяне и сами делали все возможное, чтобы ни одного килограмма мяса и хлеба не досталось врагу. К каким только уловкам ни прибегали они в этой священной борьбе!

На пригорке у хутора Смолавки, Дриссенского района, совсем неожиданно за одну ночь возникло кладбище: восемь могил с крестами, обрамленными по белорусскому обычаю угольниками из дощечек и огражденные жердями. Надписи гласили, что здесь похоронены погибшие. А на самом деле под крестами был зарыт хлеб.

Гитлеровцы с брезгливостью обходили стороной свежие могильные холмы, а родная земля верно хранила доверенную ей тайну.

ВОЗМЕЗДИЕ

Еще в далекие годы гражданской войны в деревне Желново, Ветринского района, поселился Макс Кох, моложавый мужчина, выше среднего роста, с крепкими руками и широкими плечами. Он завел хозяйство и жил, как все остальные. Это был угрюмый и неприветливый человек. Соседи не дружили с Кохом, но и ни в чем его не упрекали: не крадет, не разбойничает, против Советской власти не выступает. Человек как человек.

И никто не знал, что примерно через пять-шесть лет после появления Коха к нему в ночную пору стали заезжать «случайные гости» и давать отнюдь не хозяйственные поручения. А с 1939 года число «гостей» увеличилось: гитлеровская разведка устанавливала связи со старой немецкой агентурой в России и всячески ее активизировала. Еще задолго до войны Кох передавал в Германию сведения о расположении советских воинских частей и военкоматов, о настроениях жителей, о пропускной способности железнодорожных станций, о состоянии шоссейных и грунтовых дорог...

Началась война. Оккупировав Ветринский район, фашисты решили использовать своего старого агента для разведки и борьбы с партизанским движением. Его, уже пожилого, тучного человека, с бледными обвислыми щеками, назначили на должность старшего полицейского в Желново. Фактически же он был заместителем начальника полиции всего Ветринского района. Кроме того, Кох занимался негласной работой по линии гестапо — выполнял особо важные и строго секретные задания.

В чем заключались эти задания? В вербовке агентуры, в нащупывании ниточек, ведущих к партийному подполью и партизанам, в помощи агентам абвера и гестапо, только что переброшенным через линию фронта или уже работавшим в оккупированных районах. В общем, дел у Коха хватало. Един в трех лицах, он действовал плеткой и автоматом, лестью и уговорами. То устраивал облавы и грузил советских парней и девушек в товарные вагоны для отправки в Германию, то созывал собрания, на которых восхвалял великую Германию, то отбирал у крестьян последние продукты, то расстреливал людей за малейшее сопротивление властям.

Видимо, уверовав в могущество своей власти, предатель пустил в ход такую крылатую фразу:

— На небе бог, а на земле Кох!

Иногда Кох на две-три недели исчезал из Желново, и жители облегченно вздыхали: можно выйти из хат и, не боясь встречи с полицейским, навестить соседей.

Но исчезал он не случайно. Из полицейского Кох превращался в специального агента гестапо, шнырял по населенным пунктам, объезжал железнодорожные станции, связывался с фашистскими разведчиками, выдававшими себя за русских и белорусов, тайно встречался со своими шефами из гестапо и информировал их о положении на местах.

Необходимо было обезвредить Коха. Мы могли, конечно, послать группу партизан и уничтожить предателя. Но в тот период было важно прибрать этого типа к рукам, заставить действовать против своих хозяев, раскрыть с его помощью всю сеть гестаповской агентуры и уже тогда убрать не только самого Коха, но и всех его подручных.

— Давайте попытаемся, — сказал Корабельников. — Хотя мало верится, что паршивый пес может стать человеком...

Щенников сдвинул на затылок фуражку и заметил:

— Этого гада надо еще суметь застать. Он носится по району, как ведьма на помеле.

В Желново направились два разведчика, чтобы установить, дома ли Кох.

И вот пришло срочное донесение: старший полицейский дома, отдыхает после очередной командировки.

Я, Николай Щенников и группа партизан немедленно двинулись в путь.

Трое суток добирались мы до Желново. Стояла глубокая осень: раскисшие от проливных дождей дороги, сырые леса, балки, заполненные водой, промозглые туманы, мокрые ветры... Природа, словно протестуя против приближающейся зимы, стала угрюмой и неприветливой. И все-таки мы шли. Точнее, и шли, и ехали верхом, и подсаживались на телеги, и переправлялись в лодках через озера.

К селу Желново приблизились ночью. Последовал приказ:

— Проверить, нет ли патрулей или полицейской охраны. Дом окружить со всех сторон... Никого близко не подпускать. Все переговоры с Кохом вести Краусу...

Партизан Краус был по национальности немцем, но вырос в Советском Союзе и честно сражался против захватчиков.

Вместе со мной и Щенниковым Краус подошел к крыльцу большого добротного дома и постучал. Никто не отозвался. Тогда забарабанил в дверь Щенников. Молчание, затем послышался недовольный заспанный голос Коха:

— Какого черта надо?

Краус по-немецки ответил, что послан комендантом Боровухи господином Кремсом и должен срочно передать записку.

— Сейчас! — угодливо отозвался Кох.

Загремели засовы. Через порог переступили три человека — я, Щенников и Краус.

Старый пес растерялся: дряблые щеки его затряслись и стали серыми, глаза испуганно забегали, пальцы рук инстинктивно мяли ворот ночной рубашки.

— Садитесь, — предложил я. — У нас есть к вам разговор, герр Кох.

— Кто вы?.. Что вам от меня нужно?..

— Сейчас узнаете, — сказал я. — По заданию своих хозяев вы ищете партизан. Мы решили облегчить вашу задачу и пришли сами. Не рады?.. Садитесь, садитесь!

Кох грузно опустился на табурет. Присели и мы. При свете керосиновой лампы я разглядывал лицо этого человека, причинившего столько горя советским людям. Может, разрядить в него маузер и на этом поставить точку?..

— Так что же будем делать, Кох? — взяв себя в руки, спросил я. — Чего, по-вашему, заслуживает предатель, палач и агент гестапо?

Он опустил голову и негромко ответил:

— Каждому свое... Видно, пришел мой черед.

— Значит, вы понимаете, что заслужили смерти?

— Понимаю... — Но тут же попытался как-то смягчить свою вину: — Я только исполнитель, в политику не вмешиваюсь, — процедил он сквозь зубы.

Щенников буквально взорвался:

— Убивать и грабить советских людей — это не политика? Служить фашистской разведке — это не политика?.. Не притворяйтесь дурачком или мальчишкой. Вы уже давно вышли из этого возраста.

— Тогда стреляйте.

Голос предателя понизился до шепота.

— От нашей пули вы никуда не уйдете, — сказал я. — Но, может быть, у вас осталась еще хоть капля совести? Вы прекрасно понимаете, что совершили много тяжелых преступлений. Не захотите ли частично искупить свою вину?

Глаза предателя отчаянно забегали. Он явно не ожидал такого оборота и мучительно соображал, как бы не просчитаться.

— Вы хотите, чтобы я помогал вам? — спросил он после паузы, пристально уставясь на меня.

— Да.

— А пристрелите меня потом?

— Все зависит от ваших дел. Война еще не кончилась...

Кох поднялся с табурета, сжал голову ладонями и несколько секунд раскачивался на месте, будто творя молитву. Потом опять сел и трясущимися пальцами стал застегивать рубашку.

У нас не было ни желания, ни времени вести с Кохом длительную беседу. Я заявил резко:

— От нас вы никуда не скроетесь. Решайте!

Лицо Коха стало багровым, крупные капли пота поползли со лба к подбородку.

— Что требуется от меня? — наконец выдавил он. — Что я должен делать?

— Это другой разговор. Сейчас обо всем договоримся. А пока познакомимся. Прудников!

Кох вскочил и вытянул руки по швам.

— Прудников! — воскликнул он задыхаясь. — Если бы немцы узнали, что я виделся с вами и не принес вашу голову, они отрубали бы мою собственную... Прудников?.. Что я должен делать?

— Прежде всего прекратить во всех селах Ветринского района издевательства над советскими людьми, прекратить угон в Германию и казни.

— Это не в моей власти, — уже более спокойно сказал Кох. — Вы не хуже меня знаете, что здесь много специальных отрядов и групп, которые только и занимаются этим, выполняя приказы высшего командования. Мне такие отряды не подчиняются.

— Ясно. Но мы требуем, чтобы вы лично не занимались террором и убийствами.

— Буду стараться...

— К следующей встрече вы подготовите список всех агентов гестапо и предателей, связанных с полевой жандармерией и политической полицией, а также сообщите о ближайших планах военной комендатуры.

— Это не все, — вмешался Щенников. — Нам нужны данные о численности и вооружении окрестных гарнизонов. Кроме того, мы хотим знать, куда и с каким заданием собирается послать вас в ближайшее время ваше начальство.

В окна уже пробивался рассвет.

— Помните, Кох, разговор шел всерьез! — сказал я на прощание.

Предатель оказался в трудном положении, и мы понимали это. Перестань он верой и правдой служить оккупантам, прекрати издевательства и расстрелы, хозяева заподозрят его и спишут в расход. Откажись Кох от обещания, данного партизанам, его немедленно уничтожат.

Первые две-три недели он как будто притих. Передал нам и кое-какие сведения. Однако анализ полученной информации убедил нас в том, что Кох сообщает только то, что нам уже известно и что ему, видимо, разрешили сообщить. Списки гестаповской агентуры он так и не составил, ссылаясь на необходимость «еще кое-что уточнить».

Враг явно не желал сдаваться. Он верил в силу своих хозяев.

Вскоре мы получили донесение, что Кох переселился в новый пятистенный дом, вокруг которого постоянно дежурит полицейская и жандармская охрана. Теперь уже он нигде не показывался в одиночку.

Стало совершенно ясно: с Кохом надо кончать.

На оперативном совещании в штабе бригады мы решили создать специальную разведывательно-диверсионную группу под руководством комиссара Бориса Львовича Глезина, которому поручался длительный рейд по вражеским тылам. Проходя через населенные пункты, группа должна была созывать собрания жителей, разъяснять положение на фронте, выявлять и карать изменников, совершать по пути подрывы, вести разведку и, наконец, добраться до деревни Желново и уничтожить старого немецкого шпиона — Коха.

Тепло попрощавшись с товарищами, мы пожелали им счастливой дороги, успешных дел и условились о способах связи.

В Поташонках, Черном, Пневщине, Лукоцах, Сестренках и других селах на собраниях и митингах вместе с Глезиным выступал секретарь Полоцкого подпольного райкома партии Николай Акимович Новиков. Глядя со стороны, можно было подумать, что на белорусской земле нет оккупантов и вокруг не шныряют каратели, что продолжается прежняя, привычная, советская жизнь. Каждое слово Новикова и Глезина о Родине, о партии, о неминуемом разгроме ненавистных захватчиков встречалось шумным одобрением и аплодисментами. На глазах у многих выступали слезы.

Позади осталось около сотни километров. Распрощавшись с Новиковым, Глезин повел бойцов дальше. Вблизи деревни Сидоровцы партизаны сделали привал и стали советоваться, как переправиться через Дриссу. Мосты охраняются. Вплавь не доберешься. Единственный выход — строить плот. Но под руками нет подходящего материала. По приказанию Глезина партизаны пошли в ближайшие села на поиски лодки, притащили ее, благополучно переправились.

Комиссар спешил увести свою группу подальше от места переправы. Отшагав километров двадцать, подошли к линии железной дороги Полоцк — Даугавпилс. Замаскировавшись в кустах, партизаны наблюдали, как проносились мимо поезда с фашистскими войсками и

техникой. На открытых платформах — прикрытые сеном и соломой тягачи, танки, пушки; в небо глядят стволы зенитных пулеметов...

— Будем взрывать и мост и полотно, — решил Глезин.

В районе станции Адамово подрывники заложили два заряда: один под балки моста, другой на полкилометра дальше, прямо под рельсы.

Оставалось только дожидаться очередного поезда. Минуты шли за минутами, а поезда все не было. Зато неожиданно на насыпи выросли фигуры немецких патрульных с собаками. Если они обнаружат заряд, все пропало!

Но патрульные, тихо переговариваясь, прошли через насыпь на мост и остановились закурить в конце пролета. В это время и приблизился поезд.

Багровое пламя осветило вздыбившиеся фермы и падающие в воду коробки вагонов. Второй взрыв на насыпи завершил начатое дело.

— Теперь быстрее дальше! — распорядился комиссар.

Разгоряченные успехом, партизаны быстро отмахали еще пятнадцать километров и вышли к Западной Двине. Темные волны плещутся у ног; вокруг тихо, безлюдно, но обманчива тишина в тылу врага. Гитлеровцы уже организовали преследование подрывников, в деревнях и лесах рыскали агенты гестапо и отряды полевой жандармерии. Надо немедленно переправиться на другой берег: там спасение.

Глезин повел свою группу в деревню Петровцы. Крестьяне тут же помогли партизанам. Принесли на руках лодку, бережно спустили на воду.

— Вы, братцы, быстрее, — посоветовал один из них. — Фрицы уже наведывались к нам. Вас ищут!

Лодка была невелика. Переправляться пришлось дважды. Но все прошло благополучно. К утру партизаны уже шагали по южному берегу реки в сторону деревни Желново.

План был разработан заранее. Каждый действовал бесшумно и уверенно. Окружив ночью новый дом Коха, наши залегли. Возле крыльца расхаживали два полицейских. Успех дела зависел от внезапности.

Скосив автоматными очередями посты на улице, партизаны забросали дом гранатами и ворвались внутрь.

Кох в нижнем белье, с пистолетом в руке пытался бежать. Пуля свалила его у самой двери.

— Поджигай! — скомандовал комиссар.

Через минуту пятистенный дом пылал в огне...

Помнится мне, еще один такой же предатель, бывший уголовник, давно таивший злобу на Советскую власть. Я имею в виду начальника полоцкой политической (вспомогательной) полиции Альберта Обуховича. Правда, его судьба была несколько иной, чем у Макса Коха. Обухович сумел спастись от партизанской пули, но возмездия ему избежать не удалось.

Гитлеровских оккупантов Обухович встретил, как «освободителей». Его заметили и пригласили работать в полицию. Здесь таланты предателя раскрылись в полной мере. Он сам арестовывал советских людей, сам допрашивал их, сам пытал и расстреливал. Фашистский холуй старался всюду, чтобы заслужить доверие хозяев.

Гестапо высоко ценило услуги Обуховича. Достаточно сказать, что в июле 1943 года, будучи начальником политической полиции, он получил отпуск и вместе с сотрудником гестапо обер-шарфюрером Адольфом Рауэ выехал на отдых в Берлин. Во время отпуска Обухович посетил в Берлине криминальную полицию и управление имперской безопасности, где получил соответствующий инструктаж.

«Это был месяц райской жизни, — хвалился предатель по возвращении в Полоцк. — Теперь можно с новыми силами браться за работу».

И взялся. Снова начались обыски, аресты, пытки, расстрелы...

Но как ни старался Обухович, его кровавому разгулу приходил конец. В июне 1944 года гитлеровский гарнизон Полоцка стал готовиться к эвакуации. Всем немецким служащим выдавались посадочные талоны на поезда. Спешно вывозились документы и награбленное имущество. Обухович в эти дни был занят по горло. Он надеялся эвакуироваться вместе с гестапо. Но оккупантам было не до него. Предатель сделал свое черное дело, и теперь его можно было вышвырнуть за ненадобностью. Обуховичу разрешили... идти на все четыре стороны.

После долгих странствований изменник добрался до станции Удагай, где разыскал свою жену Евгению Ивановну Кирьяновскую. На семейном совете эти достойные друг друга супруги решили, что лучший способ замести следы — пролезть в ряды Советской Армии. Обученный в гестапо искусству подделки, Обухович подчистил документы жены и стал Евгением Ивановичем Кирьяновским.

В сентябре 1944 года он под вымышленной фамилией появился в Островецком райвоенкомате Могилевской области и был принят на военную службу.

«Школа» гестапо не пропала даром. Обухович сумел втереться в доверие и прослужил в Советской Армии до июня 1946 года, после чего демобилизовался.

Уехав в Ригу, Обухович поступил в речной порт. Он получил паспорт и на некоторое время снова почувствовал себя в относительной безопасности.

Несколько месяцев Обухович-Кирьяновский занимался в рижском речном училище, а затем до января 1948 года был шкипером баржи и механиком по ремонту пристанного хозяйства.

Казалось, прежнее ушло и покрылось мраком неизвестности. Вместе со своей женой, также переехавшей в Ригу, Обухович прочно обосновался в городе.

Но как ни прятался, как ни маскировался предатель, органы государственной безопасности разоблачили его. Бывший начальник полоцкой политической полиции, агент гестапо Обухович-Кирьяновский получил по заслугам.

НА ЗАПАДЕ

Все события, о которых рассказано в предыдущих главах, происходили в то время, когда наша армия, разгромив фашистские войска на Волге, развернула наступление по всему фронту. На севере и на юге, на протяжении тысяч километров советские полки и дивизии наносили гитлеровцам удар за ударом, очищая родную землю. Одержав блестящую победу в битве на Курской дуге, наши войска неудержимым потоком ринулись в новое наступление. И с каждым днем мы, партизаны, все явственней ощущали приближение фронта, его горячее дыхание.

Весной и летом 1943 года Советская Армия нанесла противнику такие сокрушительные удары, после которых гитлеровская Германия уже не смогла оправиться. Разгром ее был предопределен всем ходом истории.

Моральный дух войск противника снижался с каждым днем. И партизаны умело использовали ситуацию. С еще большей настойчивостью стали проникать наши разведчики в гитлеровские гарнизоны. Листовки, которые мы выпускали на русском, немецком и французском языках, напоминали оккупантам, что неумолимо приближается час их окончательного разгрома. Мы призывали немецких солдат и офицеров складывать оружие, прекращать сопротивление, сдаваться в плен.

Работа подпольщиков и наши листовки медленно, но неуклонно делали свое дело: постепенно подтачивали и без того подорванный дух вражеских войск. Наша про-

паганда оказывалась особенно действенной в тех соединениях противника, которые были частично укомплектованы насильно мобилизованными французами, итальянцами, словаками и солдатами других национальностей. Только в июле 1943 года, например, из полоцкого гарнизона скрылось и перешло на сторону партизан свыше 400 солдат. Много перебежчиков влилось в отряды «Неуловимых».

Как-то в первых числах июля 1943 года к нам перебежала из Боровухи-первой группа французов, насильственно мобилизованных гитлеровцами. До этого, благодаря тем же листовкам, завязалась переписка, и в результате французские солдаты ушли от немцев.

Трогательная встреча французов и партизан произошла недалеко от села Белое.

Комсорг бригады Давид Файнгелеринт на французском языке рассказал об обстановке на фронте. Потом заговорили наши гости. Они клялись до полной победы сражаться против гитлеровцев вместе с партизанами или в рядах Советской Армии. Стихийно возник короткий митинг.

В это время к митингующим подошла фельдшер штабного отряда Александра Никандровна Павлюченкова. Французы удивленно рассматривали вооруженную русскую девушку. А когда прошли первые минуты удивления, стали расспрашивать, давно ли она в отряде, не трудно, не страшно ли ей. Один из солдат в знак уважения подарил нашей Саше открытку с портретом известной французской актрисы, которую он бережно хранил как память о своей родине.

С каждым днем уменьшалось в фашистских лагерях и количество русских военнопленных. Новых пленных не было, а захваченные немцами в первые трагические месяцы войны бойцы и командиры Красной Армии или погибали от пуль, или умирали от болезней и голода, или бежали из лагерей, пробираясь в партизанские отряды, чтобы вести священную борьбу против ненавистного врага. Мне подробно рассказали об одном интереснейшем побеге военнопленных, который, правда, произошел задолго до того, как бригада ушла на запад.

В Полоцком лагере военнопленных было три казармы. Чтобы разжечь национальную вражду, в одну казарму загнали белорусов, в другую украинцев, а в третью русских. Несмотря на запрет, военнопленные в этих казармах вскоре перемешались, и от прежнего деления остались только названия казарм: «украинская», «белорусская» и «русская».

Территорию, где находились казармы, опоясывала в несколько рядов колючая проволока. В лагерях был установлен зверский режим, за малейшую провинность расстреливали без всякого предупреждения. Самых свирепых гитлеровцев и полицейских назначали для внутренней охраны этих казарм. Одного из полицейских, который отличался особой жестокостью, военнопленные ночью казнили. Но за это они дорого поплатились. Обнаружив труп, фашисты расстреляли несколько человек.

Росло с каждым днем число больных. Врачи-военнопленные Гуськов и Цементовский, как могли, помогали больным, но медикаментов и перевязочных средств не было. Истощенных, разутых и раздетых пленных чуть свет выгоняли во двор и там в мороз или под дождем держали до тех пор, пока не погонят на работу. Потом непосильный для истощенных людей труд, снова побои и расстрелы. Часто можно было видеть, как пленные, возвращаясь с работы, несут обессиленных товарищей или везут их, запрягшись в телегу (гитлеровцы расстреливали отстающих).

Однажды доведенные до отчаяния пленные, толпившиеся во дворе лагеря, навалились на ворота, смяли часового и вырвались. Это произошло стихийно и мгновенно. Охрана открыла огонь из пулеметов. Десятки людей были убиты. Однако, несмотря на неудачу, побег не прекращался.

Как-то для проверки котельной немцы послали под конвоем трех человек. Среди них был Рассадин.

Осматривая котельную, пленные обнаружили, что под землей проходит труба к дому, находящемуся за чертой лагеря. Вернувшись, они сказали об этом самым близким товарищам. Решено было использовать трубу для побега. Но прежде надо пробить стену дома, находящегося на территории лагеря. Делали это днем в рабочие часы, стену над трубой пробивали постепенно, маскируя и заваливая отверстие всяким мусором. Кончив с этим де-

дом, начали пробивать отверстие в трубе за стеной. Иначе нельзя залезть в трубу и пройти в следующий дом, который находится за проволокой. К месту работы протянули шнур, с его помощью подавали сигналы в момент приближения охраны. Много прошло времени, прежде чем все было готово.

А тут как раз в лагере появились двое тяжело раненных пленных. Один из них врач.

Сергей Максимович Молодцов и другие врачи из пленных, находившиеся в лагере, с трудом выходили коллегу. Группа, готовившаяся к побегу, решила взять выздоравливающего с собой. Но пока шло лечение, пока расчищали трубу, все больше и больше пленных узнавало о готовящемся побеге. Тайну узников могли вот-вот раскрыть. По распоряжению Молодцова у котельной утром и вечером шло негласное дежурство, чтобы помешать непосвященным бежать в одиночку и этим погубить задуманное. Кроме того, Молодцов объявил, что побег временно откладывается, так как гитлеровцы узнали о нем и рассчитывают захватить беглецов. Надо, дескать, подождать, пока отпадут подозрения... На самом деле побег был назначен на 25 августа 1943 года. Об этом сообщили только самым надежным. Таких оказалось восемнадцать человек. Накануне распределили, кому идти первым, кому последним (по трубе можно было пролезть только одному). Разбились на две группы. Первой во главе с учителем Сколобаном предстояло выбравшись из трубы, проникнуть в здание, где ремонтировалось оружие, и в случае надобности прикрывать отход второй невооруженной группы. Мастерскую учитель хорошо знал — он там работал.

В день побега возникло неожиданное препятствие. Как раз над местом, где пробита труба, в оружейной мастерской поставили тяжелый ящик. От оружия пришлось отказаться. А вечером новая неприятность. Возле дома, к которому вела труба, расположилось на ночевку воинское подразделение фашистов. Надежда на побег исчезла. Но гитлеровцы вдруг стали грузиться в машины: узнали, что в лагере есть тифозные больные.

Стали собираться по одному к назначенному месту. Пленный Михаил Яковлевич Скрябин поторапливал товарищей. Нервы напряжены до отказа. Вот наконец скрылся в трубе Молодцов, за ним Скрябин и другие.

Через несколько минут около входного отверстия не было ни души, пленные гуськом ползли по трубе. Ползли очень медленно и осторожно: по двору, над трубой, ходили патрули.

Побег удался на славу, утром восемнадцать беглецов были уже в бригаде «Неуловимых».

В конце сентября 1943 года левое крыло Калининского фронта начало наступление в направлении Витебска. Вскоре были полностью или частично освобождены Городецкий, Меховский, Сиротинский, Россонский и Полоцкий районы. Стало ясно: в ближайшее время будет освобожден и Полоцк.

Незадолго перед этим мы получили приказ готовиться к переходу в новый район — на запад. Мы должны были оставить под Полоцком небольшое число отрядов во главе с Тимофеем Мироновичем Никитиным, а главные силы перебазировать в Молодечненскую и Гродненскую области. В глубоком тылу врага, на новом месте, нам предстояло заняться знакомыми боевыми делами.

Никитину очень не хотелось расставаться. Что и говорить, тяжело разлучаться с боевыми друзьями, с которыми столько вместе пережито и сделано. И не случайно, что за много месяцев до этого события командиры горячо обсуждали его. Говорил я об этом и с Никитиным.

— Придется ли свидеться, Михаил Сидорович? — сказал как-то он.

— Обязательно, Тимофей Миронович.

— Хотелось бы. Да война — штука коварная. — Он попытл своей «катюшей» и добавил: — В свое время из фашистского лагеря вырвался... Все болезни и раны победил, можно сказать, с того света вернулся... Опять в строй встал! Голова уже вся белая. А так хочется дожить до победы!

— Еще и поживем и повоюем.

— Что ж, приказ есть приказ, — продолжал Никитин, следуя за своими мыслями. — Может, наши дороги опять сойдутся...

— Обязательно, Тимофей Миронович, — поддержал я, понимая, как тяжело ему будет расставаться с бригадой.

Готовясь к переходу на запад, мы решили на прощание дать концерт силами самодеятельного ансамбля песни и пляски.

Ансамбль существовал у нас со второй половины 1942 года. Его создателями были партийная и комсомольская организации. Комиссар Глезин, Файнгелеринт и боевой партизан Михаил Ароник тоже приложили, как говорится, к этому руку. Они собрали несколько гармошек, баянов, гитар, балалаек, разыскали певцов, танцоров, чтецов. Когда позволяла обстановка, ансамбль выступал перед партизанами, а иногда даже давал концерты в селах. Правда, «артистам» нередко приходилось покидать сцену и вступать в бой... Перед началом концерта, как правило, выступали представители подпольного райкома партии и комиссары отрядов Иван Мартинцов, Александр Белов, Сергей Табачников, Алексей Пятойкин, Хаджибатыр Бадоев, Иван Верхогляд, Николай Горбунов, Петр Хлудков и другие.

Ансамбль делал большое дело. Зрители с жадностью слушали фронтовые новости, а потом наслаждались искусством певцов и чтецов, любовались лихими танцами. Концерты ансамбля поддерживали настроение тех, кто временно попал под иго фашистской оккупации.

Предатели и шпики постоянно доносили гитлеровцам, что в таком-то селе или деревне снова выступал партизанский ансамбль. Гитлеровское командование спешно направляло туда крупные силы для разгрома «большевистских бандитов». Но угнаться за нами фашисты не могли: ансамбль скрывался, а карательные отряды попадали под огонь партизанских засад. Ведь плясуны и гармонисты были неплохими стрелками и подрывниками!

За время боевых действий под Полоцком ансамбль бригады «Неуловимых» дал больше ста концертов, каждый раз доставляя оккупантам отнюдь не эстетическое наслаждение. Наш друг гауптман Миллер передал как-то через связных любопытное высказывание одного из офицеров полоцкого гарнизона: «Не понимаю этих русских. У них буквально петля на шее, а они поют и танцуют. Что за люди?!»

Вот мы и решили назло фашистам и на радость соотечественникам дать прощальный концерт перед уходом на запад. Откровенно говоря, в штабе бригады сначала

разгорелась дискуссия: время ли сейчас этим заниматься?

— Какие теперь концерты! Надо экономить силы, — решительно сказал Никитин.

— Нет, Тимофей Миронович, я не согласен, — возразил Корабельников. — Концерт сейчас в самый раз. Лучшего времени не сыщешь!

— И я так думаю, — поддержал Глезин. — Иной концерт стоит взорванного вражеского эшелона.

Заняться ансамблем поручили секретарю парторганизации штабного отряда Попову и Файнгелеринту. В Большой Щеперне, Заинках, Поташонках и многих других деревнях зазвучали голоса песенников, заиграли баяны и гитары... В школы и большие избы набивалось много народа, желавшего послушать докладчика и увидеть концерт. Проведав о концерте, зачастую приходили жители соседних деревень. Зрители толпились у открытых дверей и распахнутых окон, стараясь не пропустить ни слова. Особенно полюбилась всем наша песня:

В темной роще лежит партизан молодой,
Притаился в засаде с отрядом.
Мы врага поджидаем за елью густой,
Нам спешить-торопиться не надо,
Ни сестра, ни жена нас не ждут у окна,
Мать родная нам стол не накроет.
Наши семьи ушли, наши хаты сожгли,
Только ветер в развалинах воеет.
Он летит над страной, этот ветер родной,
И считает он слезы и раны,
Чтоб могли по ночам отомстить палачам
За мученья, за кровь партизаны.

Эта песня часто звучала на оккупированной территории...

А мы тем временем уже заканчивали кропотливую подготовку к дальнейшему переходу. Для разведки нового района — Налибокской пуши, что в пятидесяти километрах от Молодечно, вышел отряд под командованием Петра Широкова; следом за ними двигались разведчики отряда Комлева. Каждый партизан «утрамбовал» свое походное хозяйство, старшие групп изучили маршрут.

Москва уже прислала новых руководителей бригады. Комбригом «Неуловимых» стал Анатолий Морозов — быстрый, говорливый майор. Комиссаром назначили

Владимира Березинского, начальником штаба — Семена Морозова, отличавшегося от командира удивительной молчаливостью. Разведку принял капитан Николай Волков. Остальной командный состав бригады остался на своих местах. Я же получил новое назначение, но по-прежнему был связан с бригадой. Новые назначения получили также комиссар Глезин и начальник разведки Корабельников.

Природа меж тем свершала свой обычный круговорот. Зеленый наряд лесов поблек, пожелтели и зарумянились придорожные деревья и травы, зачастили дожди. Все сильнее чувствовалось приближение холодной сырой осени.

«Неуловимые» старались перебазироваться до того, как выпадет снег, и потому спешили. В середине ноября 1943 года провели тщательную разведку западнее станции Адамово (на линии Полоцк — Даугавпилс), а к концу месяца сосредоточили все отряды в лесу, в десяти километрах от Ветрино.

Марш предстоял длительный и трудный. На первом этапе нужно было пересечь железную дорогу Полоцк — Даугавпилс, а сделать это было нелегко: по обе стороны насыпи тянулись заминированные гитлеровцами лесные завалы, на каждом шагу притаились «сюрпризы».

Вперед направились два заслона и одна группа, которые в коротком, но ожесточенном бою уничтожили фашистскую охрану, оседлали железную дорогу и обеспечили переход бригады.

День только занимался, а «Неуловимые» уже подошли к деревне Якубинке, расположенной на берегу Западной Двины. Здесь уже хлопотали саперы Комлева. Они сколотили примитивный плот, протянули через реку толстый канат. Партизаны, держась руками за канат, поотрядно переправлялись на южный берег. Местом сбора был выбран лес в районе села Рубаново.

Первое время противник не обнаружил движения бригады. Однако вскоре над отрядами закружились «рамы» и бомбардировщики. Загудели, застонали леса, запылали деревни. Но неистовство фашистских карателей, к счастью, не вызвало у партизан ощутимых потерь. Страдали только от сознания, что оккупанты снова обрушивают всю свою злобу на мирных жителей. Успокаивало немного лишь то, что мы знали: оставшийся на

месте отряд Никитина делает все, чтобы оградить советских людей от налетов зондеркоманд.

Четырехсоткилометровый путь до Налибокской пущи занял две недели. Не буду описывать подробности. Читателю и без того ясно, каково передвигаться большой партизанской бригаде по оккупированной территории!

Добравшись до намеченного места, сразу же принялись за дело. Оборудовали землянки и базы для продовольствия, подготовились к предстоящим вылазкам, установили контакты с ближайшими партизанскими соединениями. Вскоре почувствовали себя здесь как на обжитом месте, возле Полоцка. Начались партизанские будни.

Из крупных операций, проведенных «Неуловимыми» на новом месте, хочу рассказать прежде всего о разгроме фашистского гарнизона в местечке Юратишки.

Было это месяца через четыре, после того как они обосновались в Налибокской пуще. Надо сказать, что Юратишки расположены несколько в стороне от железнодорожной станции того же названия. В местечке находился гитлеровский гарнизон численностью около 600 человек.

На станции имелась самостоятельная охрана. В четырех километрах на северо-запад окопался отряд захватчиков в 150 человек. Севернее местечка, возле деревни Савич, оборону занимало небольшое подразделение. Юго-западнее, в населенном пункте Ивье, располагался крупный гарнизон оккупантов, насчитывавший более тысячи человек. Юго-восточнее, в деревне Векшняны, находился эсэсовский отряд. Гитлеровцы построили здесь дзоты, траншеи и обнесли их колючей проволокой.

Таким образом, Юратишки, являвшиеся как бы центром большого района, со всех сторон были прикрыты войсковыми подразделениями и специальными укреплениями противника.

Штаб «Неуловимых» решил разгромить гарнизон в Юратишках. Получив санкцию Москвы, командование бригады направило во вражеский гарнизон разведчиков, чтобы раздобыть все необходимые сведения. В связи с этим в Юратишках появились новые «полицан» и «бежавшие от большевистских зверств» жители.

Особенно удачно действовал разведчик Бердиев — узбек по национальности, выдававший себя за полицая. Бердиеву поверили. С необычными обязанностями он справлялся хорошо и быстро завоевал доверие и немцев и полицаяев.

Разведчик уточнил места дневных и ночных караулов, выяснил порядок смены нарядов, установил количество вооружения и боеприпасов. Кроме того, он узнал, что гитлеровцы готовятся провести в первых числах апреля крупную «акцию» против партизан и объединяют для этого силы близлежащих гарнизонов. Это сообщение заставило командование «Неуловимых» ускорить налет.

Надо сказать, оккупанты чувствовали себя здесь относительно спокойно. Они были уверены, что партизаны не посмеют сунуться в Юратишки, где сосредоточено столько сил. Зная об этом, «Неуловимые» и нацелились именно на Юратишки.

Разработку операции и руководство ею взял на себя новый начальник штаба бригады «Неуловимых» Семен Морозов. Удар решили наносить с запада: здесь, неподалеку от местечка, тянулась линия железной дороги Молодечно — Лида, и противник, естественно, никак не ждал партизан отсюда.

Ветреной мартовской ночью 1944 года бригада совершила двадцатидвухкилометровый марш из Налибокской пуши и словно растворилась в густом лесу, в двух километрах от Юратишек.

Учитывая, что гитлеровцы могут во время боя подбросить подкрепления, штаб организовал две засады. Первая во главе с Комлевым замаскировалась неподалеку от деревни Бочешники, на пути от Ивье к Юратишкам. Комлеву поставили задачу: перекрыть железную дорогу и не допустить подхода подкреплений из Ивье.

Вторую засаду (командир группы Гриненко) расположили северо-западнее Юратишек с тем, чтобы перехватить вражеские подразделения, которые попытаются подбросить со станции Юратишки.

А для штурма гарнизона создали три группы. Первую возглавил командир отряда Щербина. Ее нацелили на северную окраину местечка, где находились казармы с солдатами.

Во вторую, самую крупную группу вошли отряды Александрова, Афанасьева, Чеверикина, Рыбакова. Якимов, осуществлявший общее командование этой группой, получил приказ разгромить и истребить вражеских солдат и полицейских, засевших в траншеях и укреплениях на южной окраине местечка.

Третью штурмовую группу возглавил Дюжин. Под его руководством отрядам Лученка, Сапожникова, Тищенко и Шинкарева предстояло атаковать противника в центральной части Юратишек, где дислоцировался штаб гарнизона.

В ночь на 2 апреля все отряды заняли исходные рубежи. Штурм начался, когда серая мгла еще окутывала землю и только угадывался приближающийся рассвет.

Противник был застигнут врасплох, но его передовое охранение упорно сопротивлялось.

Бой длился почти полтора часа. Из центра Юратишек с противным воем понеслись мины, но вскоре минометчики были уничтожены. Разрозненные группы гитлеровцев и полицейских пытались пробиться на дорогу, ведущую в Ивье, но из этого ничего не получилось. Выстрелы и разрывы стали постепенно стихать. Оставшиеся в живых фашисты побросали оружие.

К начальнику штаба бригады подбежал запыхавшийся Сергей Лубянников. Он доложил, что с фрицами покончено, и не без юмора добавил:

— Поняли, видно, что лучше поднять руки, чем протянуть ноги...

Из местечка Ивье на помощь гарнизону Юратишек поспешили поднятые по тревоге солдаты.

Находившийся в засаде Комлев мог бы тут же, на шоссе, уничтожить весь отряд противника. Но он хотел избежать большого кровопролития и попытался начать переговоры, чтобы принудить немцев и полицейских сдаться в плен. Вместе с Константином Мышко (родным братом командира отряда Михаила Мышко) и переводчиком Комлев вышел навстречу солдатам и знаками показал, что желает объясниться.

Этот поступок, продиктованный самыми гуманными соображениями, дорого обошелся всем нам. Николай Комлев упал, сраженный в упор автоматной очередью. Вместе с ним погиб и Константин Мышко.

Увидев, что Комлев и Мышко рухнули на землю,

партизаны, не ожидая команды, открыли ожесточенный огонь, а затем ринулись на фашистов врукопашную. Сорок вражеских солдат и офицеров поплатились жизнью за жизнь наших отважных товарищей.

В бою за Юратишки партизаны истребили около сотни оккупантов, 112 взяли в плен, захватили 50 автоматов и пулеметов, большое количество винтовок, пистолетов и боеприпасов, а также важные штабные документы с грифом «совершенно секретно».

Приближался Первомай 1944 года. Бригада решила отметить его праздничным обедом. В густом лесу, уже наполненном запахом оживших деревьев и нагретой хвои, появились самодельные столы. В 12 часов командиры должны были зачитать перед строем праздничный приказ штаба бригады. Но за тридцать — сорок минут до этого стало известно: неподалеку рыщут агенты абвера и гестапо. Что делать? Срочно сниматься или остаться на месте и все же встретить праздник?

После короткого совещания было решено никуда не уходить, но усилить охрану и выдвинуть на всех направлениях специальные боевые группы. А остальным садиться за стол!..

Побритые, принаряженные партизаны с красными лентами на шапках и гимнастерках, с веселыми шутками уселись на скамьи. Притихли лишь тогда, когда поднялся комиссар Владимир Березинский и начал поздравительную речь. В эту минуту над деревьями появились фашистские самолеты. Бойцы мигом рассредоточились. Фугасные бомбы разносили «сервированные» столы, выворачивали деревья...

Жертв не было, но праздничный обед «Неуловимым» все-таки сорвали...

Штаб бригады передислоцировал отряды и стал готовить второй большой налет на гарнизон, окопавшийся возле железнодорожной станции Юратишки. По количеству солдат гарнизон был не так уж велик, однако имел сильное вооружение и надежные укрытия. Фашистское командование хорошо понимало значение линии Молодечно — Лида и постоянно заботилось о боеготовности этого гарнизона.

Подготовка к налету заняла около месяца. Как всегда, особенно много работы выпало на долю разведчиков. В ночь на 20 июня 1944 года отряды бесшумно сосредоточились в двух километрах от станции. Это так близко от противника, что, как говорил Семен Морозов, можно было услышать поганое дыхание фрицев.

Во втором часу ночи к станции, раздувая шлейфы пара и выбрасывая султаны дыма, неожиданно подкатил состав с классными вагонами для офицеров. Появление поезда не было предусмотрено партизанами, но «переигрывать» никто не хотел. Как и запланировали, станцию решили штурмовать тремя группами, выдвинув на фланги заслоны в сторону Молодечно и Лиды. Любой эшелон, идущий с этих направлений, неминуемо налетел бы на мины и попал под огонь заслонов.

Первую штурмовую группу возглавил начальник штаба бригады Семен Морозов, объединив отряды Полунина, Лученка, Чеверикина, Щербины.

Вторую штурмовую группу из отрядов Афанасьева, Александрова, Рыбакова повел Дюжин.

Командование третьей группой (отряды Лубяникова, Широкова, Шинкарева) принял на себя Якимов.

Темноту ночи прорезала зеленая ракета. Автоматчики и пулеметчики открыли массированный огонь. В общий хор боя вплелись голоса партизанских противотанковых ружей и уханье минометов.

Но противник оказал более сильное сопротивление, чем предполагалось. Солдаты, хорошо пристрелявшие местность, открыли губительный огонь из бойниц дзотов и из других укреплений. Почти три часа, не затихая ни на минуту, продолжалась эта ночная схватка. Небольшими группами партизаны постепенно продвигались вперед, вышибая фашистов из укреплений.

В офицерском поезде вспыхнула паника. Лейтенанты и обер-лейтенанты, майоры и полковники выпрыгивали из вагонов, но, попав под обстрел, снова забивались обратно. Два немецких офицера с ручными пулеметами взобрались на крышу вагона и начали строчить по партизанам. Но в это время на соседний, уже горевший вагон вскарабкался партизан. Брошенная им граната попала в цель. Пулеметы смолкли.

Штурм завершился взрывом станционных сооружений. Здания вокзала, пакгаузов и склада превратились

в развалины. После этого командир бригады Морозов приказал уходить на базу. Позади багровело затянутое тучами вечернее небо.

На следующий день наши разведчики сообщили, что со станции Юратишки отправлено в город Лиду около 250 убитых и раненых. Пожар продолжался до утра, движение поездов приостановилось на трое суток.

Так бригада «Неуловимых» нанесла в новом районе второй сильный удар по врагу и вынудила его оттянуть с фронта кадровые части для «обеспечения безопасности».

Вместе с другими партизанскими отрядами и бригадами «Неуловимые» продолжали успешно громить оккупантов.

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛОДОСТЬ!

Двойной налет на Юратишки был последней крупной операцией бригады «Неуловимых». В результате стремительного наступления Советской Армии вся родная земля была вскоре очищена от гитлеровских захватчиков. Летом 1944 года наши войска, продолжая громить оккупантов и выполняя благородную освободительную миссию, вступили на территории Польши, Румынии, Венгрии. Окончательная победа над фашистской Германией близилась с каждым днем.

В июле 1944 года бригада «Неуловимых» соединилась с регулярными частями Советской Армии.

Почти 900 дней и ночей наши партизаны не выпускали из рук оружия, нанося чувствительные удары по врагу. За это время они около ста пятидесяти раз вступали в соприкосновение с оккупантами, осуществили более двадцати налетов на их гарнизоны и базы. В ходе этих операций разгромили восемь гарнизонов и взяли в плен сотни солдат и офицеров. В боях и в результате подрывных вылазок были убиты и ранены тысячи гитлеровцев. Подрывники «Неуловимых» пустили под откос 511 вражеских эшелонов с войсками и техникой, подорвали и полностью или частично разрушили 104 железнодорожных и шоссейных моста, взорвали и сожгли более 80 автомашин и тракторов, подожгли 12 дрезин, мотовозов и бронепоездов, уничтожили 6 складов с продовольствием и боеприпасами, крупную нефтебазу в Полоцке, сожгли 42 управы и комендатуры, сбили 10 фашистских самолетов.

Движение на линиях, идущих к фронту, приостанавливалось зачастую на несколько суток, что срывало планы фашистского командования и задерживало переброску пополнения.

В одном из сбитых самолетов мы захватили 23 экземпляра совершенно секретных оперативных карт гитлеровского вермахта. Специальная группа связных доставила их в 1942 году в Генеральный штаб Красной Армии.

Почти двадцать восемь месяцев мы вели широкую разведывательную работу и питали ценной оперативной информацией штаб партизанского движения и командование Советских Вооруженных Сил.

Таковы итоги деятельности нашей бригады. Своими успехами мы обязаны прежде всего народу, который горячо поддерживал партизан и во всем помогал им. Боевая работа «Неуловимых» проходила под руководством Витебского обкома и Полоцкого подпольного райкома партии. Партийные работники подполья были для нас мудрыми наставниками и неутомимыми помощниками, олицетворявшими волю партии на территории, временно оккупированной фашистскими захватчиками. В те тяжелые годы посланцы партии, как и всегда, находились на самых ответственных рубежах, сплачивая советских людей, поднимая их на беспощадную борьбу с фашистскими поработителями.

В боях за освобождение советской земли героически погибли замечательные патриоты Лиля Костецкая, Николай Щенников, Арнольд Чернышев, Петр Вязовецков, Иван Демченко, Николай Афанасьев, Агнес Агнанесин, Петр Белоусов, Иван Блаженков, Адольф Бажановский, Николай Богданов, Николай Гатих, Николай Дудкин, Николай Дубенок, Александр Ермаков, Иван Запорожец, Николай Комлев, Константин Мышко, Михаил Саникидзе, Николай Тишкевич, Лида Сироткина.

Они достойны самой высокой награды и вечной памяти в сердцах людей.

Живут и трудятся на благо Родины многие из тех, о ком рассказано на страницах этой книги.

Борис Глезин ушел в отставку; живет он в Москве и работает на Выставке достижений народного хозяйства. Павел Корабельников, ныне тоже отставник, живет в городе Рубежное и успешно трудится на заводе. Александр Дюжин и Трофим Шинкарев успешно служат

в Советской Армии. Павел Гуков — на руководящей партийной работе в Бобруйске; Мария Янусова — заместитель председателя райисполкома в Орше; Иван Якимов — заместитель председателя исполкома в городе Жердевка; Анатолий Александров, Валентин Никольский, Евгений Телегуев, Борис Табачников, Иван Попов, Хаджибатыр Бадоев с честью несут свою трудовую вахту.

Однажды вечером у меня дома зазвонил телефон.

— Папа, тебя, — протянула мне трубку дочь Светлана.

— Михаил Сидорович? Простите за беспокойство. Говорит старшая пионервожатая шестьсот семьдесят шестой школы Татьяна Владимировна...

Сбивчиво, немного волнуясь, Таня рассказала, что школьники прочитали книгу «Неуловимые» и решили во время летних каникул пройти по местам боев бригады, встретиться с оставшимися в живых подпольщиками, разведчиками, партизанами. Попутно я узнал, что пионерская дружина хочет носить имя одного из героев-фронтовиков, погибших в боях за Москву.

Вскоре я познакомился с Таней Владимировой, с пионерами и, конечно, помог им. На торжественной линейке дружине было присвоено имя Валерия Москаленко — бойца спецбатальона, которым я командовал под Москвой. Бывший студент-выпускник пятого курса МГУ Валерий Москаленко геройски погиб в бою за деревню Хлуднево и был посмертно награжден орденом Ленина.

Сбор состоялся 17 октября 1961 года. Здесь школьники встретились с одним из оставшихся в живых лыжников батальона — Евгением Ануфриевым. Он дрался рядом с Героем Советского Союза Лазарем Паперником и кавалером ордена Ленина Валерием Москаленко. Бывший боец стал ученым, кандидатом философских наук, доцентом. Евгений Ануфриев и бывшие партизаны бригады «Неуловимых» Валентин Никольский, Евгений Телегуев, Борис Табачников и Иван Рогачев поделились с ребятами интересными воспоминаниями о годах войны, о пережитом в тылу врага.

Долго и тщательно готовились ребята к походу по памятным местам боев «Неуловимых». 31 мая 1962 года под барабанную дробь и звуки горнов они собрались шум-

ной гурьбой на Белорусском вокзале, чтобы отправиться в Полоцк.

В поезде ни на минуту не смолкали счастливые, возбужденные голоса. Еще бы! Впереди целый месяц увлекательных странствий по лесам и селам Белоруссии!

В Полоцк поезд пришел в два часа ночи. Встретят ли их?

Опасения были напрасны. Секретарь Полоцкого городского комитета компартии Белоруссии Петр Григорьевич Яковлевич сделал все, чтобы дружина хорошо провела время в городе и успешно прошла по намеченному маршруту. Несмотря на поздний час, юных московских гостей встретили представители горкома партии и комсомола. Ночевку устроили в интернате. Утром в горкоме партии ребят уже ждали с букетами цветов бывшие командиры партизанских отрядов бригады «Неуловимых» Петр Ефимович Тищенко и Михаил Васильевич Чеверикин.

Только теперь оба ветерана выглядели вполне мирно. Боевой партизанский командир Тищенко «командует» ныне полоцкой плодоовощной базой. А его товарищ Чеверикин стал хозяйственником.

Шесть часов длилась первая беседа в городском комитете партии. Взрослые просто поражались, как могут дети высидеть столько времени. А школьники потом рассказывали, что даже не заметили, что пролетело столько часов.

5 мая дружина пешком вышла из Полоцка по маршруту, намеченному еще в Москве. День выдался дождливый, однако это никого не смутило. Мальчики вышагивали, точно солдаты — они и впрямь чувствовали себя будущими солдатами, — а девочкам, конечно, неудобно было отставать от товарищей.

Московская пионерская дружина побывала в селах Булавки, Зеленки, Большая Щеперня, Поташонки.

Со многими участниками партизанской борьбы встретились пионеры.

Бывший секретарь подпольного райкома партии Георгий Сергеевич Петров, ныне персональный пенсионер, рассказал, как жили и боролись с захватчиками коммунисты, оставшиеся в подполье.

А сколько интересного услышали пионеры от боевых командиров Сергея Лубяникова и разведчика Петра

Тишкевича. Лубянников — фельдшер по профессии — был сначала начальником штаба отряда Комлева, а после его гибели возглавил отряд. Во многих операциях участвовал Лубянников: взрывал мосты и склады, бился врукопашную, устраивал засады, уничтожал фашистские патрули. После войны смелый партизан закончил медицинский институт и сейчас работает врачом в городе Ветрино, в том самом Ветрино, где когда-то свирепствовала фашистская комендатура!

Встретились ребята и с героями спасения детского дома в Быковщине: Петром Николаевичем Тишкевичем и Зоей Васильевной Михайловой. Петр Николаевич вернулся к своей прежней профессии педагога. Он — директор восьмилетней школы в селе Заскорки. Зоя Васильевна — врач в Полоцке.

Школьники просто замучили вопросами бывших юных разведчиков «Неуловимых» Надю Мурашко и Ваню Титова, которые во время войны были ровесниками своих московских гостей. Особенно заинтересовала ребят история со взрывом полоцкой нефтебазы. На этой базе работал отец Вани Титова. Вместе с Надей Мурашко Ваня помог отцу и партизанам-подрывникам осуществить взрыв и уничтожить горючее, предназначенное для танковых частей фашистов.

Почетным гостем дружины была и Анна Наумовна Смирнова — наша героическая подпольщица, ставшая впоследствии начальником разведки в отряде Шинкарева. «Обыкновенная женщина, вроде и героического ничего в ней нет, а, поди ты, командовала разведчиками, держала связь с Лилей Костецкой!» — не уставали восхищаться ребята.

Перед детьми страница за страницей вставала живая и трепетная история недавнего прошлого, история нашего, опаленного огнем войны поколения. Это были суровые годы. Великой ценой добыли мы победу. И все же я не боюсь сказать: эти годы были прекрасны. Прекрасны нашей верой в партию, нашей преданной любовью к Родине, прекрасны величием простых советских людей.

★

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
За оружием	3
Тайные силы	15
Операция «Нюрнберг»	24
Пароль — «Орел», отзыв — «Ока»	49
Эшелоны летят под откос	65
По заданию гестапо	77
Бойцы незримого фронта	88
Оля	117
Детский дом	130
Ни хлеба, ни мяса врагу!	144
Возмездие	148
На западе!	157
Здравствуй, молодость!	171

Прудников Михаил Сидорович

«НЕУЛОВИМЫЕ» ДЕЙСТВУЮТ

М., Воениздат, 1965 г. 176 с. +3 накидки

Литературная редакция *Скорбина Б. П.*

Редактор *Конюшенко М. Д.*

Художник *Васильев В. В.*

Художественный редактор *Голикова А. М.*

Технический редактор *Медникова А. Н.*

Корректор *Опрышко Н. М.*

Сдано в набор 27.2.65 г.

Подписано к печати 1.7.65 г.

Формат бумаги 84×108^{1/2}_{мм} — 5¹/₂ печ. л. 9,02 усл. печ. л. + 3 накидки

²/₃ печ. л. 0,615 усл. печ. л. = 9,502 уч.-изд. л. Г-24715 Тираж 100 000 Т. П. 65 г. № 94

Изд. № 3/5025

Зак. 784

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 50 коп.

